

Беркман

Александр. Азбука

анархизма

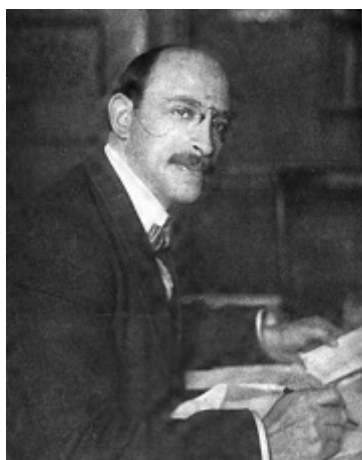
1926, источник: [здесь](#). Книгу «Азбука анархизма», написанную видным американским анархистом российского происхождения Александром Беркманом (1870–1936), известный историк Пол Аврич назвал «наиболее ясным изложением коммунистического анархизма на английском и любом ином языке». В этой работе в простой и ясной форме разъясняются основные положения анархо-коммунистической доктрины и тактики: критика государства, капитализма и большевизма, обоснование ценностей свободы и равенства, представление о методах борьбы прямого действия, о социальной революции и безгосударственном общественном устройстве, основанном на всеобщем самоуправлении.

- [Дамье Вадим. Портреты революционеров: Александр Беркман](#)
- [От автора](#)
- [Глава 1. Введение](#)
- [Глава 2. Означает ли анархизм насилие?](#)
- [Глава 3. Что такое анархизм?](#)
- [Глава 4. Возможна ли анархия?](#)
- [Глава 5. Будет ли работать коммунистический анархизм?](#)
- [Глава 6. Некоммунистические анархисты](#)
- [Глава 7. Почему революция?](#)
- [Глава 8. Важна идея](#)
- [Глава 9. Подготовка](#)
- [Глава 10. Организация рабочих для социальной революции](#)
- [Глава 11. Принципы и практика](#)
- [Глава 12. Потребление и обмен](#)

- Глава 13. Производство
- Глава 14. Защита революции
- Примечания

Дамье Вадим. Портреты революционеров: Александр Беркман

2016, источник: [здесь](#).

"Это человек редкой на редкость целеустремленный и последовательный, один из тех, познакомиться с которым было счастьем. Я хотел бы, чтобы было больше таких людей, которые, как Беркман, борются с тиранией как таковой, а не становятся друзьями тирании, если та осуществляется их друзьями". Такими словами откликнулся в 1930 г. на 60-летие Александра Беркмана знаменитый философ и общественный деятель, гуманист Бертран Рассел (1).

Автор "Азбуки анархизма" Александр Беркман (настоящее имя – Овсей Осипович Беркман) родился в ноябре 1870 г. в городе Вильно, в Российской империи. Его отец, преуспевающий торговец кожей, благодаря своему богатству, смог выбраться из "черты оседлости", которая ограничивала районы проживания евреев в России, и поселился со своей женой и четырьмя детьми в Петербурге. Здесь мальчик пошел в гимназию и получил новое имя, более привычное для новой среды – Александр; близкие и друзья называли его "Саша". После смерти отца в 1882 г. семья Беркманов переехала в Ковно, где Саша продолжал учиться в гимназии. Уже в раннем возрасте он был знаком с литературой нигилистов и народников, знал об удачном покушении на царя, совершенном в 1881 г. народовольцами. Большое влияние на мальчика оказал брат его матери – знаменитый народник и будущий лидер эсеров Марк Натансон, ставший для него идеалом "благородного и великого человека". Из-за участия в революционном ученическом кружке и свободолюбивого поведения его

незадолго до 6 класса исключили из гимназии и занесли в "черный список", что лишало его возможности продолжать учебу. Он понял, что будущего у него в царской империи нет. Когда в 1887 г. умерла мать, Саша решил покинуть страну. Так в 1888 г. он оказался в Нью-Йорке, где примкнул к анархистским группам, созданным еврейскими, немецкими и русскими эмигрантами. Здесь он познакомился и с другой молодой анархисткой из России – Эммой Гольдман (2). Они стали друзьями и соратниками на всю жизнь. Иногда их связывала любовь, и всегда – самая близкая дружба.

"Он не привык столько работать и страдать, – вспоминала Эмма Гольдман о первых годах Беркмана в США, – На протяжении более чем года он сводил концы к концами на 5 – 7 центов в день. Он перепробовал различные профессии, работал на табачной фабрике, портным, наконец, научился ремеслу наборщика и начал работать в немецкой анархистской газете "Фрайхайт", редактором которой был Мост. Все это время Беркман изучал социальный вопрос, с политической и экономической точки зрения. Он всегда был эрудитом и был хорошо знаком с самыми разными научными исследованиями. Он стал анархистом, и весьма активным, то есть, выступал с лекциями, писал статьи и помогал движению в финансовом плане. Алекс Беркман был таким энтузиастом, что мог днями работать без еды, отдавая то, что он сэкономил таким образом, на нужды движения" (3).

Первоначально Саша и Эмма тесно сотрудничали с известным анархистом – эмигрировавшим из Германии Йоханном Мостом. Энергичный и деятельный пропагандист, великолепный оратор, Мост умел зажечь аудиторию своим словесным радикализмом. Он был ревностным адептом тактики индивидуальных покушений и вооруженной борьбы с государством и капиталом. Правда, слова Моста всегда оставались словами, что, в конце концов, побудило некоторых его последователей задаться вопросом: а насколько честен и искренен их учитель? К тому же Беркману претили деспотические манеры "лидера". Через несколько лет он и Эмма покинули группу Моста, который отказывался тогда признать принципы анархистского коммунизма, и примкнули к анархо-коммунистической группе Йозефа Пойкерта "Автономия". Тем не менее, Беркман был убежден, что с Мостом нужно продолжать сотрудничать.

Решающий поворот в жизни 22-летнего Саши произошел 23 июля 1892 г. В 2 часа дня, приехав в Питсбург, он явился в контору Генри Клея Фрика, управляющего сталелитейным предприятием концерна Карнеги, и тяжело ранил его тремя выстрелами из револьвера. Фрик был тем самым человеком, который организовал жестокое подавление рабочих – участников так называемой Хомстедской стачки. Чтобы расправиться с профсоюзом, управляющий спровоцировал работников на забастовку, урезав им зарплату, а затем выбросил их на улицу, объявив локаут. Когда бастующие начали пикетирование завода, Фрик вызвал 300 вооруженных детективов из агентства Пинкертона, и 6 июля 1892 г. те штурмовали завод, сломив отчаянное сопротивление рабочих. В ходе 12-часовой перестрелки погибли 9 рабочих и 7 агентов. События всколыхнули всю страну, рабочие распевали песню "Отец убит людьми Пинкертона". "Фрик ответственен за это преступление, он должен ответить за последствия", – решил Александр Беркман (4).

В план покушения Саша посвятил только Эмму. Первоначально он намеревался воспользоваться динамитом, изготовил 2 бомбы, но испытание прошло неудачно. Он

обратился за помощью к Мосту, попросил у него денег на взрывчатку, но тот категорически отказал. Не стал он помогать Беркману и после покушения, когда Саша был арестован и отдан под суд. Эмма Гольдман сочла действия Моста лицемерием. На одном из публичных мероприятий она подошла к нему и ударила его хлыстом!

Суд приговорил Беркмана к 22 годам каторги, из которых провел в заключении "всего" 14 лет. Ему пришлось перенести за решеткой множество испытаний, включая издевательства и пытки. И без того слабое здоровье Саши было навсегда подорвано, и только благодаря невероятной стойкости и вере в идеалы ему удалось 18 мая 1906 г. выйти на свободу живым. Но годы за решеткой не прошли даром: его мучают депрессии и кошмары; временами он подумывает о самоубийстве.

В анархистском движении, все это время добивавшемся его освобождения, он стал героем. Своим впечатлениям и испытаниям в заключении Беркман посвятил позднее "Тюремные воспоминания анархиста" (1912 г.).

Вернувшись в ряды анархистского движения, Беркман отдает ему все свои силы. Он постоянно ездит по всей стране с лекциями, и собрания с его участием неоднократно разгоняются полицией с применением самой жестокой силы. Его неоднократно арестовывают и задерживают в самых различных уголках США. В 1908 г. Беркман становится редактором журнала "Мать-Земля", который издает вместе с Эммой Гольдман – он до сих пор считается многими лучшим из всех анархистских изданий, вышедших на английском языке. После казни в Испании либертарного педагога Франсиско Феррера (5) Беркман организует ферреровскую школу в Нью-Йорке (1910 – 1911) и преподает в ней. В 1913 – 1916 гг. он выступает организатором десятков манифестаций и митингов в поддержку бастующих, безработных, жертв классовой юстиции, ведет активную антимилитаристскую агитацию, издает журнал "Блэст"... (6)

Решительная схватка между анархистами и американским государством произошла после начала Первой мировой войны. Антимилитаристы, в первых рядах которых были Эмма Гольдман, Александр Беркман и активисты революционного профсоюза "Индустриальные рабочие мира" (ИРМ), пытались не допустить вступления США в военный конфликт. США анархисты и активисты синдикалистского профобъединения "Индустриальные рабочие мира" (ИРМ) вели упорную кампанию против вступления страны в мировую войну. В ходе митингов, лекций и акций протеста и в распространяемой литературе они объясняли свой взгляд на истинный характер и причины конфликта, критиковали милитаризм и вооружения. Власти обвинили рабочих лидеров Тома Муни и Уоррена Биллингса во взрыве бомбы на патриотическом параде в Сан-Франциско 22 июля 1916 г.; первого из них приговорили к смерти, второго – к пожизненной каторге. Беркмана стал инициатором широкой кампании солидарности, которой удалось добиться отмены смертного приговора для Муни. Полиция несколько раз проводила обыски в редакции издания "Блэст" в Сан-Франциско из-за поддержки им Муни и антивоенной агитации. На конференции, организованной в мае 1917 г. в редакции журнала "Мать-Земля", было объявлено о создании Лиги "Нет призыву", и выпущен антивоенный манифест. На митинг лиги в "Гарлем ривер казино" в Нью-Йорке собралось около 10 тысяч человек. Аналогичные акции прошли и в других городах; стали возникать местные отделения лиги. Движение протеста всерьез

взволновало власти; 4 молодых активистов были арестованы за распространение призыва к проведению митинга. Тем не менее, новое собрание в Нью-Йорке 4 июня оказалось также многолюдным, несмотря на явный нажим полиции и провокационные попытки националистов помешать его ведению. На митинге 14 июня полиция произвела массовые задержания, и организаторы решили впредь воздержаться от публичны мероприятий, сосредоточившись на печатной агитации. На следующий день Беркман и Гольдман, как ведущие активисты лиги, были арестованы и обвинены в подстрекательстве к насилию и пропаганде якобы на немецкие деньги. Суд приговорил их к 2 годам тюрьмы и штрафу в 10 тысяч долларов каждого, однако затем их освободили под залог. Затем Беркмана обвинили в причастности к взрыву в июле 1916 г.; ему угрожала экстрадиция, но после энергичной кампании, организованной Гольдман, в ноябре он снова оказался на свободе. 4 февраля 1918 г. Беркман и Гольдман начали отбывать срок приговора (7). Александр оказался в тюрьме в Атланте. Там он попытался заступиться за чернокожего заключенного, над которым издевались охранники, и был брошен в подземный карцер-одиночку.

Осенью 1919 г. Эмма и Александр были освобождены, но их дальнейшее свободное пребывание на американской земле продолжалось недолго. В ноябре власти постановили депортировать их на родину, в Россию, где к тому времени уже бушевала революция, к которой Беркман и Гольдман испытывали самую горячую симпатию. 21 декабря 1919 г. вместе с 247 другими высланными "радикалами" они покинули США. На борту корабля "Буфорд" они прибыли в финляндский порт Ханко, а оттуда 19 января 1920 г. добрались до советской границы. Здесь их встречала делегация, которая доставила их в Петроград, поселив в Доме Советов (бывшей шикарней гостинице "Астория"). Затем в сопровождении Максима Горького Гольдман и Беркман отправились в Москву, где встречались, в частности, с Александрой Коллонтай, Анатолием Луначарским, Анжеликой Балабановой и Лениным, посетили Петра Кропоткина в Дмитрове...

Большевистские власти были любезны, демонстрировали американским анархистам самый радушный прием, но явно не склонны были позволить им включиться в практическую работу "на благо революции". Партийные диктаторы не доверяли знаменитым анархистам. В конце концов, их было решено услатить подальше, что называется, с глаз долой. Беркмана и Гольдман устроили на работу в Музей Революции в Петрограде, а летом 1920 г. отправили в поездку по Югу России и Украине – собирать документы и материалы по истории революционного движения. В ходе этой поездки они увиделись с анархистом Иосифом "Эмигрантом", участником махновского движения, и с женой Махно, Галиной. Планировалась встреча с самим Нестором Махно, но она тогда так и не состоялась (8). Затем осенью американские анархисты совершили поездку по Северу России, а после смерти Кропоткина, Беркман был секретарем комитета по организации его похорон, которые прошли в Москве 13 февраля 1921 г.

Читая дневник, который Беркман вел в Советской России, легко увидеть, как на его глазах рушился "большевистский миф", вводящий в заблуждение многих революционеров по всему миру. Именно так и озаглавил Александр позднее издание своих российских записок (1925 г.). Сдержанное описание встреч и увиденных картин, переданные на страницах дневника беседы с самыми разными людьми – политическими активистами и обычными жителями различных убеждений – дает неповторимое представление об упадке и гибели

революции: бюрократизме, произволе начальства, репрессиях, удушении самодеятельности и инициативы "снизу" под прикрытием "революционной необходимости"... Это был явно не тот социальный переворот, к которому всю жизнь стремился Беркман и за который он боролся.

Особое место в дневнике занимают воспоминания о Петрограде в период Кронштадтского восстания 1921 г. (включены в настоящее издание). Находясь в это время в городе, Александр Беркман и Эмма Гольдман находились в Петрограде и тщетно пытались уговорить большевистские власти пойти на мирное урегулирование с восставшими. Вместе с анархистами Н. Перкусом и М. Петровским, они направили письмо председателю Петроградского Совета Григорию Зиновьеву, в котором выразили понимание причинами недовольства рабочих и матросов и призвали разрешить конфликт "не силой оружия, а путем заключения товарищеского революционного соглашения". Однако их предложение о направлении в Кронштадт комиссии для переговоров с включением в ее состав анархистов осталось без ответа (9).

Летом 1921 г. Александр Беркман пытался содействовать освобождению 13 российских анархистов, объявивших голодовку в советских тюрьмах. Он помогал ввести в курс происходящего европейских анархо-синдикалистских делегатов, которые присутствовали на конгрессе Профинтерна в Москве. По их настоянию, российские власти приняли решение об освобождении арестованных и их высылке из страны. Беркман отказался одобрить это решение и подписать призыв к прекращению голодовки: он в принципе возражал против депортации (10).

Положение Беркмана и Гольдман в Советской России становилось все более шатким. Наступили "серые" дни расстрелов. "Угольки надежды умирают один за другим, – записывал в дневнике Александр. – Террор и деспотизм сокрушили жизнь, рожденную в Октябре. Лозунги революции отрицаются, ее идеалы потоплены в народной крови... Диктатура топчет ногой массы. Революция мертва; ее дух вопиет в пустыне... Я решил покинуть Россию" (11).

В декабре 1921 г. Эмма и Александр навсегда уезжают из России. Вместе с ними страну покидал российский анархо-синдикалист Александр Шапиро, будущий генеральный секретарь анархо-синдикалистского Интернационала (Международной ассоциации трудящихся, М.А.Т.). Благодаря помощи Анжелики Балабановой, они смогли выехать по латвийской визе. В Риге они обратились к мировому пролетариату с призывом помочь товарищам, репрессированным в России. После недолгого задержания латвийской полицией им удалось, при помощи шведских анархо-синдикалистов, добраться до Стокгольма. Оттуда их путь вел в Берлин...

Но и покинув Россию, Беркман не забывал о том, что оставалось позади. Как и Эмма Гольдман, он активно включился в разоблачение "большевистского мифа", рассказывая революционерам мира о реальном положении дел в стране, находившейся под властью большевиков. Тем самым, он внес заметный вклад в избавление анархистов и синдикалистов от российских иллюзий и в размежевание между анархо-синдикализмом и большевизмом. Одна за другой выходят его книги "Российская трагедия" (1922), "Российская революция и коммунистическая партия" (1922), "Кронштадтское восстание" (1922).

Российские товарищи передали Беркману мандат на представительство в Европе Московского комитета помощи арестованным и сосланным анархистам и анархо-синдикалистам. Поддержка анархистов и других левых активистов, репрессированных большевистской властью, стала одним из главных дел Александра. В 1923 г. он стал одним из создателем и фактически руководителем Объединенного комитета защиты арестованных революционеров в Советской России, а в 1926 г. – секретарем созданного М.А.Т. Фонда помощи анархо-синдикалистам и анархистам в российских тюрьмах и ссылках. Фонд собирал средства для пересылки заключенным, издавал до 1932 г. бюллетень на различных языках, публиковал списки заключенных и организовывал международные кампании за их освобождение (12). В 1925 г. Беркман помог Нестору Махно совершить побег из больницы Данцига, где ему грозил арест, в Германию (13).

В 1925 г. Александр переехал во Францию. В мировых анархистских кругах он пользовался огромным авторитетом. В 1926 г. к нему обратилась Еврейская анархистская федерация Нью-Йорка с просьбой написать популярную книгу, которая могла бы стать своего рода введением в теорию и практику анархизма. Работа продвигалась с трудом. Как отмечает биограф Эммы Гольдман, Элис Векслер, Беркман страдал от неуверенности и просил Эмму, которая в это время находилась в Канаде, приехать и помочь ему дискуссиями и предложениями (14). Вернувшись в начале 1928 г. во Францию Гольдман, внесла "заметный вклад" в книгу. Беркман опасался, что будущая революция не сможет основываться на анархистских принципах и снова, как в России, приведет к диктатуре. "Хотя Гольдман попыталась воодушевить Беркмана, ее меньше интересовала выработка новой революционной стратегии, нежели выражение общих анархистских принципов. Она в особенности побуждала его заново определить революцию как "процесс реконструкции, а не, как мы полагали до сих пор, процесс разрушения"..." (15).

Написанная в итоге книга стала, таким образом, плодом совместной работы Александра и Эммы. Она вышла впервые в 1929 г. двумя изданиями (одно – под названием "Что такое коммунистический анархизм", другое – "Сейчас и потом. Азбука коммунистического анархизма"). Известный исследователь истории анархизма Пол Аврич назвал эту классическую работу "наиболее ясным изложением коммунистического анархизма на английском и любом ином языке" (16).

С момента первого выпуска книга неоднократно переиздавалась на различных языках. Издательская судьба ее непроста. В варианте 1929 г. была 31 глава; в первоначальном виде работа состояла из трех частей: "Теперь" (критика существующего общества), "Анархизм" и "Социальная революция". Однако в 1942 г. книгу издали в Британии под заглавием "Азбука анархизма", включив в нее только вторую и третью часть (17) (именно этот вариант переведен сейчас на русский язык и включен в настоящее издание). В дальнейшем "Азбука" издавалась как в "расширенном", так и в более "узком" варианте...

Жизнь в изгнании была очень нелегкой. Беркману приходилось переезжать из города в город (Париж, Сен-Тропе, Ницца...); в мае 1930 г. власти выслали его из Франции в Бельгию, и ему удалось вернуться лишь в ноябре того же года. Здоровье постоянно ухудшалось, особенно с 1934 г., но Александр пытался скрывать это от родных и друзей, одновременно борясь с нарастающей депрессией. После двух тяжелых операций, страдая от невыносимых

болеи, ночью 27 июня 1936 г. он попытался покончить с собой, выстрелив в себя из револьвера. Смертельно раненого, его доставили в больницу в Ницце, где он на следующий день умер, успев попрощаться со срочно приехавшей Эммой. 30 июня 1936 г. на кладбище Кокад в Ницце состоялись скромные похороны революционера Александра Беркмана. В последний путь его сопровождали немногие товарищи и друзья – Эмми Экштейн, с которой он жив в последние годы, Эмма Гольдман, Майкл Кон, еврейский писатель Шолем Аш... Дружба с Беркманом, писала позднее Гольдман друзьям, – "это сокровище, которое я спасла в моей долгой и горькой борьбе" и которое придавало смысл и направление ее жизни... (18)

Менее чем через две недели, в ответ на военный путч, в Испании началась социальная революция. В ходе ее сотни тысяч анархо-синдикалистских рабочих и крестьян попытались осуществить тот либертарный коммунизм, который столь ярко и убедительно описал в своей книге Александр Беркман. Но этого ему, увы, уже не суждено было увидеть...

Примечания:

- (1) Цит. по: Walter N. Introduction // Berkman A. *The Bolshevik Myth*. L.; Winchester (Mass.): Pluto Press, 1989. P.XVII.
- (2) Об Эмме Гольдман см.: Гольдман Э. *Анархизм*. М.: "ЛИБРОКОМ", 2011.
- (3) Goldman E. *Alexandre Berkman // Itinéraire: Une vie, une pensée*. 1990. No.8 (Emma Goldman). P.9.
- (4) *Wer war Alexander Berkman? // Berkman A. ABC des Anarchismus*. Berlin: Klaus Guhl Verlag, o.J. S.108.
- (5) О Франсиско Феррере и его взглядах см.: Феррер-и-Гуардия Ф. *Современная школа*. М.: "ЛИБРОКОМ", 2012.
- (6) B[ecker] H. *Alexandre Berkman. Itinéraire: Une vie, une pensée*. 1990. No.8 (Emma Goldman). P.10.
- (7) Goldman E. *Living my life*. New York, 1931. P.485, 496 – 499, 501, 504, 508, 513 и далее.
- (8) Berkman A. *The Bolshevik Myth...* P.196; Wexler A. *Emma Goldman in exile: from the Russian Revolution to the Spanish Civil War*. Boston: Beacon Press, 1989. P.42.
- (9) Berkman A. *The Bolshevik Myth...* P.301–302.
- (10) См.: Дамье В.В. *Берлинский центр российской анархистской эмиграции // Прямухинские чтения 2009 года*. М.: Типография "Футурус", 2011. С.60–62.
- (11) Berkman A. *The Bolshevik Myth...* P.318–319.

(12) Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С.672-674.

(13) Махно Н.И. На чужбине. Записки и статьи 1923 – 1934. Париж: Громада, 2004. С.225.

(14) Wexler A. Emma Goldman in exile... P.132.

(15) Ibid. P.164-165.

(16) Avrich P. Anarchist Portraits. Princeton: Princeton University Press, 1998. P.206.

(17) Berkman A. ABC of Anarchism. L.: Freedom Press, 1977. P.V.

(18) Wexler A. Emma Goldman in exile... P.193-194.

Опубликовано: В.В. Дамье. Александр Беркман // Беркман А. Азбука анархизма. М.: ЛЕНАНД, 2016. С.4-16.

От автора

Я считаю анархизм наиболее разумной и осуществимой концепцией общества, живущего в свободе и гармонии. Я убеждён в том, что он наверняка будет осуществлён в ходе последующего развития человечества.

Время, когда это произойдёт, будет зависеть от двух факторов. Во-первых, от того, когда существующие условия окажутся физически и духовно невыносимы для большей части человечества. И, во-вторых, от того, а какой мере анархистские взгляды будут поняты и приняты людьми.

Наши общественные институты основываются на определённых представлениях, и пока они принимаются, институтам ничего не угрожает. Власть правительства сохраняется, поскольку люди полагают, будто политическая власть и принуждение в виде закона необходимы. Капитализм сохраняется до тех пор, пока эта система воспринимается как разумная и правильная. Выхолащивание идей, которые несут свою долю ответственности за дурные и гнетущие условия жизни в наше время, ведёт, в конечном счёте, к краху системы правительства и капитализма. Прогресс состоит в том, что отжившее свой век ликвидируется и заменяется адекватной концепцией.

Даже поверхностному наблюдателю должно бросаться в глаза, что основополагающие представления общества в настоящее время переживают радикальные изменения. Главные причины этого – мировая война и российская революция. Война обнажила губительный характер капиталистической конкуренции и убийственную неспособность правительств разрешать споры между нациями, а точнее – между господствующими финансовыми кликами. Поскольку люди утратили веру в старые методы, великие державы вынуждены теперь приступить к обсуждению разоружения и даже запрета на ведение войн. Ещё не так давно один только намёк на такую возможность вызывал лишь смех и издёвки. Точно так же постепенно рушится вера и в другие существующие институты. Капитализм всё ещё «функционирует», но всё большая и большая часть населения сомневается в его целесообразности и справедливости. Российская революция распространила идеи и чувства, которые подрывают основополагающие представления капиталистического общества, а в особенности об экономике и неприкосновенности частной собственности. Потому что Октябрь способствовал переменам не только в России, но и оказал влияние на массы всего мира. Излюбленное суеверие насчёт того, что существующее вечно, поколеблено навсегда.

Война, российская революция и послевоенное развитие внесли свой вклад в разочарование многих людей в социализме. Дословно справедливо замечание, что социализм, подобно христианству, завоевал мир, но при этом разрушил сам себя. Во многих европейских странах социалистические партии сейчас правят или участвуют в правительстве, но люди уже не верят в то, что эти партии отличаются от буржуазных режимов. Они чувствуют, что социализм оказался несостоятельным и стал недееспособным. Аналогичным образом и

большевики доказали, что марксистская догма и ленинские принципы могут привести лишь к диктатуре реакции.

Для анархистов всё это не было неожиданностью. Они всегда утверждали, что государство оказывает губительное воздействие на индивидуальные свободы и общественную гармонию и что лишь ликвидация авторитета, основанного на принуждении, и материального неравенства может разрешить ниши политические, экономические и национальные проблемы. Но хотя их аргументы и подкреплялись живым опытом, поколениям современников они казались чистым теоретизированием до тех пор, пока события двух последних десятилетий не продемонстрировали правоту анархистской позиции. Несостоятельность социализма и большевизма открыла дорогу анархизму.

Литературы об анархизме множество, но она была написана по большей части до мировой войны. Приобретённый в недавнем прошлом опыт настолько значителен, что позиция и аргументы анархистов должны быть изменены. Хотя основополагающие принципы могут быть сохранены в неизменном виде, факты из недавней истории побуждают модифицировать их в том, что касается практического применения. Опыт российской революции требует, в первую очередь, нового понимания самых разных важных проблем, в том числе главным образом тех, которые касаются сути и действий социальной революции.

К тому же, книги об анархизме, за немногими исключениями, мало понятны широкой аудитории. Общая слабость книг, посвящённых социальной тематике, состоит вот в чём. Они написаны, исходя из предположения, что читатель уже в значительной мере знаком с вопросом, а это в целом совсем не так. В итоге лишь очень немногие книги излагают социальные проблемы простым и доступным образом.

По этой причине мне кажется необходимым в данный момент заново представить анархистскую позицию – представить так, чтобы это было понятно каждому, простыми и ясными словами. Это и будет азбукой анархизма.

Последующие страницы как раз и написаны для этой цели.

Париж, 1928 г.

Глава 1. Введение

Я хочу немного рассказать вам об анархизме.

Я хотел бы объяснить вам, что такое анархизм; мне кажется, вам стоит это знать. Хотя бы уже потому, что об этом мало известно, а то, что на слуху, – по большей части совершенно не соответствует действительности.

Я хотел бы рассказать вам об этом, потому что, как мне кажется, анархизм – это самое великое и прекрасное дело из всех, когда-либо придуманных человечеством. Только он может дать вам свободу и благосостояние, принести человечеству мир и радость.

Я хотел бы рассказать вам об анархизме как можно проще и понятнее, чтобы не возникало никаких недоразумений. Громкие слова и звучные лозунги лишь вводят в заблуждение. Простые мысли требуют простого изложения.

Но прежде чем я расскажу вам о том, что такое анархизм, я хотел бы сказать вам о том, чем анархизм не является.

Это необходимо, потому что об анархизме распространяют множество лжи. Даже умные люди часто имеют на сей счёт совершенно превратное представление. Многие люди говорят об анархизме, не имея о нём ни малейшего понятия. А другие распространяют ложь об анархизме, потому что не хотят, чтобы вы узнали правду!

У анархизма много врагов, которые, конечно же, будут скрывать правду. Откуда взялась эта враждебность и кто эти враги, вы узнаете из нашей книги. Но уже сейчас я могу сказать вам, что ни ваш политический лидер, ни ваш работодатель, ни капиталист, ни полицейский не станут честно говорить с вами об анархизме. Большинство из них ничего о нём не знают, но всё равно ненавидят его. Их газеты и средства массовой информации, капиталистическая пресса – также против него.

Даже большинство социалистов и большевиков изображают его в совершенно искажённом свете. Правда, в большинстве своём они его и не знают. Но и те, кто знают, часто не говорят правды, а отождествляют анархизм с «беспорядком и хаосом». Посмотрите, как нечестны они в этом вопросе. Учителя социализма – Карл Маркс и Фридрих Энгельс – утверждали, что анархизм вытекает из социализма. Они заявляли, что сперва должен наступить социализм, но за ним последует анархизм, который станет ещё более свободной и лучшей формой жизни людей, чем социализм. Но социалисты, которые клянутся именами Маркса и Энгельса, огульно поносят анархизм как «хаос и беспорядок». Всё это показывает, насколько они невежественны и нечестны.

Анархизм – это *не* бомбы, беспорядок или хаос.

Это не грабёж или убийства.

Это не война всех против всех.

Это не возвращение к варварству или к первобытному состоянию человечества.

Анархизм – прямая противоположность всему этому.

Анархизм означает, что вы будете свободны, что никто не будет порабощать вас, командовать вами, грабить вас или издеваться над вами.

Он означает, что вы будете вольны делать то, что пожелаете, и никто не сможет заставить вас делать что-либо против вашей воли.

Он означает, что вы сможете строить свою жизнь без чьего-либо вмешательства, так, как вы пожелаете.

Он означает, что ваш сосед обладает той же свободой, что и вы, что каждый имеет равные права и свободы.

Он означает, что все люди братья и, как братья, будут жить в мире и гармонии.

Он означает, что не будет войн, не будет насилия одной группы людей над другими, никакой монополии, никакой бедности, никакого угнетения, никакой эксплуатации других людей.

Короче говоря, анархизм – это форма общества, при которой все мужчины и женщины свободны и все пользуются плодами налаженной осмысленной жизни.

«Возможно ли такое вообще, – спросите вы, – и каким образом?»

«Только когда люди превратятся в ангелов», – заявит ваш приятель.

Давайте поговорим об этом! Быть может, я смогу убедить вас в том, что мы разумны и в состоянии жить достойно и без того, чтобы у нас выросли крылья.

Большевики точно так же лгут об анархизме, как и все прочие, хотя их вождь и учитель Ленин тоже заявлял, что анархизм последует за большевизмом и принесёт лучшую и более свободную жизнь. Вот почему мне придётся вначале сказать вам, чем анархизм не является.

Глава 2. Означает ли анархизм насилие?

Вы наверняка слышали, что анархисты взрывают бомбы, что они верят в насилие и что анархия означает беспорядок и хаос.

Неудивительно, что вы так думаете. Пресса, церковь и любой иной авторитет постоянно внушают вам это. Но большинство этих органов прекрасно понимают, что делают, и у них есть свои причины, чтобы не говорить вам правды. Что ж, пришло время её услышать.

Я собираюсь говорить с вами открыто и честно, и вы можете поймать меня на слове, потому что случайно вышло так, что я как раз один из тех анархистов, которые слынут насильниками и разрушителями[1]. Я должен знать, о чём говорю, и у меня нет причины скрывать что-либо.

«Правда ли, что анархизм означает беспорядок и насилие?» – спросите вы.

«Нет, друг мой. Это капитализм и правительство порождают беспорядок и насилие. Анархизм – совсем наоборот, он за порядок без правительства и за мир без насилия».

«А возможно ли это?» – спросите вы.

Вот об этом и поговорим. Но прежде ваш приятель, возможно, захочет узнать: разве анархисты никогда не взрывали бомбы и не прибегали к насилию?

Да, анархисты взрывали бомбы и иногда прибегали к насилию.

«Ну, вот видите, – вскричит ваш приятель. – Так я и думал».

Но давайте не торопиться. Если анархисты иногда прибегали к насилию, значит ли это, что анархизм обязательно означает насилие?

Зададим себе этот вопрос и попытаемся честно ответить на него.

Если гражданин надевает солдатскую форму, то ему, вероятно, придётся бросать бомбы и применять насилие. Скажете ли вы, что граждане – это то же самое, что бомбы и насилие?

Вы с возмущением отбросите такое предположение. Иными словами, вы скажете, что человек *при определённых обстоятельствах* бывает вынужден прибегнуть к насилию. Этот человек может быть демократом, монархистом, социалистом, большевиком, анархистом.

Вы придёте к заключению, что это касается всех людей и во все времена.

Брут убил Цезаря, потому что боялся, что его друг намерен предать республику и стать царём – не потому, что Брут «не любил Цезаря», а потому что он «больше любил Рим». Брут не был анархистом. Он был честным республиканцем.

Вильгельм Телль, как гласит народное предание, убил тирана, чтобы избавить свою страну от гнёта. Телль никогда в жизни не слышал об анархизме.

Я упоминаю эти эпизоды, чтобы подчеркнуть, что с незапамятных времён тиранов подстерегал рок в виде покушения на них со стороны людей, любивших свободу и поднимавшихся против тирании. Покушавшиеся были обычно патриотами, демократами или республиканцами, иногда социалистами или анархистами. Их действия были индивидуальным бунтом против бесправия и несправедливости. Анархизм как таковой не имеет с этим ничего общего.

В Древней Греции были времена, когда убийство деспота считалось высшей добродетелью. Современное право осуждает такие действия, но человеческие чувства, кажется, в этом отношении не сильно изменились. Совесть мира не возмущается убийством тиранов. Хотя оно не одобряется публично, но в сердце своём люди прощают подобные поступки, а иногда даже втайне радуются им. Разве в Америке не было тысяч патриотически настроенных молодых людей, которые готовы были убить кайзера, потому что считали его виновным в начале Первой мировой войны? Разве французский суд не освободил человека, убившего Петлюру, чтобы отомстить за гибель тысяч мужчин, женщин и детей, убитых в ходе петлюровских преследований евреев на Украине?

В любой стране и во все времена случались убийства тиранов: люди так сильно любили свою страну, что были готовы отдать за неё жизнь. По большей части эти люди не принадлежали ни к какой политической партии, не исповедовали никакой идеи, а просто ненавидели тиранию. Иногда это бывали религиозные фанатики, как немой католик Кульман, пытавшийся убить Бисмарка[2], или рехнувшаяся мечтательница Шарлота Корде, убившая Марата во время Французской революции. В США трое президентов были убиты одиночками. В 1865 г. Линкольн был застрелен Джоном Уилксом Бутсом, демократом из южных штатов. В 1888 г. республиканец Чарльз Гито убил президента Гарфильда, а в 1901 г. Леон Чолгош застрелил президента Мак-Кинли. Лишь один из троих убийц был анархистом[3].

Естественно, страны с наиболее дикой тиранией знают и наибольшее число тираноубийств. Возьмём, к примеру, Россию. Из-за тотального подавления свободы слова и печати при царе нельзя было добиться смягчения деспотического режима иначе чем угрожая тирану «судом небесным».

Эти мстители часто были детьми аристократии, идеалистически настроенными молодыми людьми, которые любили свободу и народ. Поскольку все остальные их пути были перекрыты, они сочли себя вынужденными прибегнуть к пистолету и динамиту в надежде добиться смягчения ужасного положения в своей стране. Они были известны как нигилисты и террористы. Но анархистами они не были.

В современную эпоху акты политического насилия стали ещё более частым делом, чем в прошлом. Суфражистки в Англии часто прибегали к ним, чтобы пропагандировать свои требования о равноправии женщин и добиться их осуществления. В Германии после Первой мировой войны мужчины крайне консервативных взглядов надеялись с помощью подобных методов достичь восстановления монархии. Монархист убил прусского министра финансов Карла Эрцбергера, представитель той же политической партии расправился с министром иностранных дел Альтером Ратенау.

Убийство сербским патриотом, который никогда не слышал об анархизме, австрийского наследника престола стало первопричиной, или по крайней мере поводом, для вступления в Первую мировую войну. В Германии и Венгрии, в Испании и Франции, в Италии, Португалии и многих других европейских странах люди различной политической ориентации прибегали к насилию, не говоря уже о массовом политическом терроре, который практиковали фашисты в Италии, Ку-клус-клан в Америке или католическая церковь в Мексике.

Вы можете увидеть, что анархисты не обладают монополией на политическое насилие. Доля насильственных актов, совершённых анархистами, ничтожна по сравнению с теми, которые были совершены людьми другой политической ориентации.

Правда состоит в том, что применение насилия было с незапамятных времён во всех странах и общественных движениях составной частью борьбы. Даже Христос, пришедший, чтобы провозгласить Евангелие мира, насильно изгнал менял из храма.

Как я уже сказал, анархисты не имеют монополии на насилие. Напротив, анархизм провозглашает мир и гармонию, невмешательство, неприкосновенность жизни и свободы. Анархисты столь же человечны, как и все другие люди, а может быть, даже ещё в большей степени. Они сильнее ощущают несправедливость, скорее возмущаются угнетением и поэтому не исключено, что они будут протестовать в форме насильственного акта. Но такие действия служат выражением их индивидуального темперамента, а не определённой теории.

Вы спросите, возможно, не ведёт ли приверженность революционным идеям неизбежно к насильственным действиям? Я полагаю, что нет, ведь мы видели, что насильственные методы используются и людьми с весьма консервативными взглядами. Если люди с прямо противоположными политическими взглядами поступают одинаково, то сомнительно, можно ли возлагать ответственность за эти акты на их идеи.

Одинаковые результаты вытекают из одинаковых причин, но эти причины следует искать, конечно же, не в политических убеждениях, а скорее в индивидуальном темпераменте и в общем отношении к насилию.

«Возможно, вы правы в отношении темперамента, – скажете вы. – Вероятно, революционные идеи нельзя считать причиной актов политического насилия, ведь в противном случае такие акты совершал бы каждый революционер. Но разве эти взгляды не провозглашают частичное оправдание тех, кто их совершает?»

На первый взгляд может показаться, что так оно и есть. Но если вы как следует поразмыслите над этим, то придёте к выводу, что эта идея совершенно неправильная. Лучшим доказательством этого может считаться то, что анархисты, придерживающиеся одинакового мнения относительно государства и необходимости его ликвидации, очень сильно расходятся по вопросу о применении насилия. Так, анархисты – последователи Толстого и многие индивидуалистические анархисты осуждают применение политического насилия, другие же анархисты их одобряют или, по крайней мере, оправдывают.

К тому же, многие анархисты, которые когда-то верили в насилие как средство пропаганды, изменили своё мнение и больше не поддерживают такие методы. К примеру, было время, когда анархисты выступали за индивидуальные акты насилия, известные как «пропаганда действием». Они не рассчитывали этими действиями склонить правительство и капитализм к анархизму и не думали, будто устранение одного деспота уничтожит деспотизм. Нет, они рассматривали террор как средство мести за всеобщее бесправие, внушения страха врагу и привлечения внимания к бедам, против которых и направлен акт террора. Но большинство анархистов сегодня не верят в «пропаганду действием» и не поддерживают действия такого рода.

Опыт научил их, что даже если в прошлом такие методы могли быть оправданными и полезными, при нынешних условиях они бесполезны и даже вредны для пропаганды их идей. Но поскольку идеи их не изменились, то ясно, что это не анархизм сформировал их отношение к насилию. Это доказывает, что к насилию приводят не те или иные идеи или «теории», его порождают иные процессы.

Так что, если мы хотим найти правильное объяснение, нам придётся поискать ответ где-нибудь в другом месте.

Как мы видели, акты политического насилия совершались не только анархистами, социалистами и революционерами всех оттенков, но также патриотами и националистами, демократами и республиканцами, суфражистками, консерваторами и реакционерами, монархистами и роялистами, даже ревнителями религии и немymi христианами.

Мы знаем уже, что к этим действиям их побудили не какая-нибудь идея, не некие «измы», поскольку одни и те же действия вызывались различными идеями и «измами». В качестве их причины я бы назвал индивидуальный темперамент и отношение общества к насилию.

Здесь-то и зарыта собака. Что такое отношение общества к насилию? Мы сможем понять всё дело, если сумеем дать правильный ответ на этот вопрос.

Оставаясь честными, мы должны признать, что каждый из нас верит в насилие и практикует его, хотя и может осуждать, когда к нему прибегают другие. В действительности все поддерживаемые нами социальные институты, вся жизнь современного общества основаны на насилии.

Чем является то, что мы называем государством? Разве это не организованное насилие? Закон предписывает вам, что вы должны делать и чего не делать, а если вы ему не подчиняетесь, то вас принудят к этому силой. Мы не говорим сейчас о том, правильно это

или неправильно, должно это быть так или нет. В настоящий момент нас интересует только то, что дело обстоит именно так, а не иначе, что любое государство, все законы, любая власть основаны на принуждении и насилии, на наказании или страхе перед ним.

Даже духовный авторитет, к примеру, церковных судов, даже авторитет бога основаны на принуждении и насилии, поскольку перед нами властвует страх перед божьим гневом и божьей карой. Именно они принуждают вас к повиновению и вере в вещи, в которых вы не убеждены.

Куда бы вы ни бросили взгляд, вы обнаружите, что вся наша жизнь построена на насилии или на страхе перед ним. С раннего детства вы подвергаетесь насилию со стороны родителей или взрослых. Дома, в школе, в офисе, на фабрике, в поле или в мастерской вам всегда приходится повиноваться кому-нибудь, чей *авторитет* принуждает вас выполнять его волю.

Право принуждать вас называется авторитетом. Страх перед наказанием был превращён в долг и называется повиновением.

В этой атмосфере принуждения и насилия, авторитета и повиновения, долга, страха и наказания растём мы все, мы дышим ею на протяжении всей нашей жизни. Мы настолько пропитаны духом насилия, что никогда и не задумываемся, правильно ли это. Мы спрашиваем только, законно ли это насилие, допускается ли оно законом.

Вы не ставите под вопрос право государства убивать, проводить конфискации, арестовывать. Если же в этом виновны не государство, а частные лица, вы назовёте их убийцами, ворами и негодяями. Но пока применяемое насилие остаётся «законным», вы одобряете его и подчиняетесь ему. То есть на самом деле вы протестуете не против насилия, а против людей, которые применяют его «незаконно».

Это узаконенное насилие и страх перед ним пронизывают всё наше индивидуальное и коллективное существование. Авторитет контролирует всю нашу жизнь с колыбели и до гроба – авторитет родительский, церковный и божественный, политический, экономический, социальный и моральный. Какой бы характер ни носил авторитет, над вами всегда проявляют власть, запугивая наказанием в той или иной форме. Вы боитесь бога или дьявола, священника и соседа, судью и тюремного охранника, закона и государства. Вся ваша жизнь состоит из длинной цепочки страхов – страхов, терзающих ваше тело и разъедающих вашу душу. На этих страхах покоится авторитет бога, церкви, родителей, капиталистов и властителей.

Загляните в себя и проверьте, правду ли я сказал. Почему в противном случае даже среди детей десятилетний мальчик помыкает своими младшими братьями и сёстрами благодаря своему физическому превосходству, точно так же как его отец помыкает им самим благодаря своему превосходству и материально зависимому положению сына? Вы настаиваете на авторитете священнослужителя и проповедника, потому что верите, что они могут «обрушить божественный гнев» на вашу голову. Вы подчиняетесь воле начальника, судьи и государства, потому что у них есть власть, возможность отнять у вас работу,

закрыть ваше дело, заточить вас в тюрьму. Но эту власть вы дали им сами!

Таким образом, авторитет правит всей вашей жизнью – авторитет прошлого и настоящего, мёртвых и живых – и ваша жизнь состоит из непрекращающихся нападков на вас, из попрания вашей личности, из постоянного подчинения мнению других.

Вы мстите другим, проявляя свою власть над ними, оказывая на них физический или моральный нажим, проявляя насилие над ними и раня их так же, как поступают с вами. Таким образом, жизнь – это отвратительный сплав авторитета, господства и подчинения, приказа и повиновения, принуждения и покорности, насилия и власти в тысяче и одном облике.

Стоит ли удивляться тому, что даже идеалисты барахтаются в сети авторитета и насилия, что чувства и окружающая среда часто побуждают их прибегать к враждебным действиям, противоречащим их же идеям?

Мы всё ещё остаёмся варварами, прибегающими к власти и насилию, чтобы избавиться от собственных грехов, трудностей и проблем. Насилие – это метод незнания, оружие слабых. Тем, кто обладает человеческой добротой и разумом, насилие не нужно, потому что они поступают естественно и на основе своих убеждений. И чем дальше мы уходим от первобытного состояния и от эпохи каменных топоров, тем меньше будем мы полагаться на власть и насилие. Чем просвещённее становится человек, тем меньше он будет прибегать к нажиму и принуждению. Он поднимется из пыли и выпрямится: он не поклонится ни перед каким царём, небесным или земным. Он станет действительно человеческим только тогда, когда будет стыдиться господствовать и откажется повиноваться господству. Он станет действительно свободным только тогда, когда больше не будет господ.

Анархизм – это идеал такого состояния, общества без насилия и принуждения, в котором все люди будут равными и станут жить в свободе, мире и гармонии.

Слово «анархия» происходит из греческого языка и означает отсутствие власти, насилия или государства, поскольку государство – это источник насилия, ограничений и принуждения.

Вот почему анархия[4] не означает беспорядок и хаос, как вы сперва полагали. Она – нечто диаметрально противоположное: она означает отсутствие государства, то есть свободу и независимость. Беспорядок – это продукт авторитета и принуждения. Источник порядка – свобода.

«Прекрасная идея, – скажете вы, – но она годится только для ангелов».

Ну так давайте нам отрастить крылья, которые нужны нам для такой идеальной формы общества!

Глава 3. Что такое анархизм?

«Можете ли вы вкратце объяснить, что такое анархизм?» – спросит ваш приятель. Я попытаюсь это сделать. Анархизм, коротко говоря, учит, что мы можем жить в обществе свободно от любого вида принуждения. Жизнь без принуждения, естественно, означает свободу. Это значит, быть свободным от давления и принуждения, жить так, как вам это нравится.

Однако вы не сможете так жить, пока не ликвидируете органы, которые ограничивают вашу свободу и вмешиваются в вашу жизнь, а также обстоятельства, которые вынуждают вас действовать не так, как вам бы хотелось. Что это за институты и обстоятельства? Давайте посмотрим, что мы должны устранить, чтобы вести свободную и гармоничную жизнь. Только если мы будем знать, что следует убрать и чем это нужно заменить, мы сумеем найти пути к осуществлению этого.

Итак, что же нужно устранить, чтобы обрести свободу? Прежде всего, то, что больше всего вмешивается в вашу жизнь, что мешает вашей свободе действий или ограничивает её, что отнимает у вас свободу и принуждает жить иначе, чем вы бы это сделали по собственному выбору.

Это правительство. Если вы внимательнее присмотритесь, то легко обнаружите, что правительство – это самый худший нарушитель спокойствия, более того, самый большой преступник, который когда-либо был известен людям. Оно наполняет мир насилием, ложью и обманом, угнетением и нуждой. Как выразился один философ: «Его дыхание струит яд». Оно отравляет всё, к чему прикоснётся. «Хорошо, правительство означает насилие и является злом, – скажете вы. – Но можно ли без него обойтись?». Давайте поговорим об этом. Если я вас сейчас спрошу, нужно ли вам правительство, вы наверняка скажете, что вам лично оно не нужно, но оно нужно другим. Но если вы спросите кого-то из этих «других», то получите от него тот же самый ответ.

Почему каждый считает, что он мог бы прекрасно обойтись без полицейского, но «другим» дубинка просто необходима? «Если не будет правительства и закона, люди ограбят и поубивают друг друга», – скажете вы. Но если бы это действительно было так, то почему? Они бы это сделали просто ради удовольствия или же по какой-то причине? Если вы присмотритесь к побудительным мотивам ваших поступков, вы, возможно, обнаружите лекарство.

Представьте себе, что вы, я и ещё несколько человек потерпели кораблекрушение и оказались на острове, полном самых разнообразных плодов. Разумеется, вначале мы все

вместе будем собирать пищу. Но допустим, один из нас заявит, что всё принадлежит ему и никто не смеет проглотить ни кусочка, не заплатив ему дани. Мы будем изумлены, не так ли? Мы высмеем его притязания. А если он попробует причинить нам неприятности, мы, возможно, выбросим его в море. И будем правы, не так ли?

Предположим теперь, что мы и наши предки обрабатывали остров и снабдили его всем необходимым для жизни и довольства. И тут кто-нибудь придёт и заявит, что всё принадлежит ему. Что мы скажем? Мы его проигнорируем, не так ли? Возможно, мы скажем ему, что он может работать наравне со всеми. Но предположим, что он будет настаивать на своих правах собственника и размахивать клочком бумаги, доказывая, что всё принадлежит ему. Что мы ему скажем?

Мы скажем, что он рехнулся, и вернёмся к своей работе. Но если за ним будет стоять правительство, то он позовёт его для защиты «своих прав», и правительство пришлёт полицейских и солдат, которые нас прогонят и вернут собственность её «законному владельцу».

Такова функция правительства, для этого оно существует, и именно так оно постоянно делает. Вы всё ещё верите, что без этой вещи, именуемой правительством, мы ограбим и поубиваем друг друга? А может быть, на самом деле мы грабим и убиваем с *помощью* правительства? Ведь оно не защищает наше законное достояние, а, напротив, отнимает его в пользу того, кто не имеет на него никаких прав...

Если завтра утром вы проснётесь и узнаете, что правительства больше нет, вашей первой мыслью будет выбежать на улицу и кого-нибудь убить? Нет, вы понимаете, что это бессмыслица. Мы говорим о здоровых, нормальных людях. Больными должны заниматься врачи и психиатры, их нужно содержать и лечить в больницах.

Если вы или Иванов проснётесь и не обнаружите больше правительства, то вы оба скорее постараетесь перестроить свою жизнь по новым обстоятельствам. Вполне возможно, что вы потребуete еды, видя людей, которые набивают себе брюхо в то время, когда вы голодаете, и будете совершенно правы. Точно так же поступит и любой другой. Это значит, что люди не будут мириться с теми, кто в одиночку захватывает все блага мира. Они захотят своей доли в этих благах. Это значит также, что бедняки не захотят больше жить в бедности, когда другие купаются в роскоши. Это значит, что крестьянин не потерпит, чтобы тысячи гектаров земли пропадали впустую, когда ему не хватает земли, чтобы прокормить себя и свою семью. Это значит, что никому не будет позволено монопольно распоряжаться землёй или средствами производства. Это значит, что люди больше не потерпят частной собственности на *основные жизненные блага*. Будет считаться самым большим преступлением, если некоторые будут иметь больше, чем они смогут потребить в течение многих жизней, в то время как их соседи не будут иметь достаточно хлеба для своих детей. Это значит, что все люди будут участвовать в общественном богатстве и участвовать в его создании. Это означает не что иное, как торжество справедливости и равноправия над законом. Впервые в истории человечества.

Как видите, ликвидация правительства повлечёт за собой и устранение монополии и частной собственности на средства производства и потребления. Следовательно, с ликвидацией правительства исчезнут и наёмное рабство, и капитализм, поскольку они не могут существовать без защиты со стороны правительства. Точно так же, как безумные притязания человека, о котором я говорил, на монополию на остров были неосуществимы без помощи правительства.

Состояние, при котором свобода заменяет правительство, называется *анархией*. А там, где на место частной собственности приходит равноправное пользование, устанавливается *коммунизм*. Это будет *коммунистический анархизм*.

«О, коммунизм! – воскликнет приятель. – А вы ещё говорили, что вы не большевик!»

Нет, я не большевик, потому что большевик хочет установления сильного правительства, мощного государства, в то время как анархист хочет полностью и целиком ликвидировать государство и правительство.

«А разве большевики не коммунисты?» – спросите вы. «Коммунисты», но такие, которым нужна своя диктатура, своё правительство, чтобы заставить людей жить при коммунизме. Анархический коммунизм, напротив, – это вольный коммунизм, коммунизм по свободному выбору.

«Да нет, я понимаю разницу, – скажет ваш приятель. – Всё это, быть может, и прекрасно, но разве такое возможно на самом деле?»

Глава 4. Возможна ли анархия?

«Это было бы возможно, только если бы мы жили без государства, – скажете вы. – Но разве так можно?»

Для того, чтобы дать ответ на ваш вопрос, возможно, лучше всего обратиться к нашей собственной жизни.

Какую роль играет государство в вашей жизни? Помогает ли оно вам? Оно даёт вам еду, одевает вас, даёт вам жильё? Зачем оно вам, когда вы работаете или играете? Когда вы больны, то к кому вы обращаетесь – к врачу или к полицейскому? Может ли дать вам государство больше способностей, чем вы имеете от природы?

Взгляните на вашу повседневную жизнь, и вы обнаружите, что государство не играет в ней никакой роли, разве что вмешивается в ваши дела, принуждает вас к определённым вещам или запрещает вам что-либо. К примеру, оно принуждает вас платить налоги и содержать его, хотите вы этого или нет. Оно надевает на вас военную форму и отправляет в армию. Оно вмешивается в вашу личную жизнь, помыкает вами, осуществляет на вас нажим, предписывает вам, как себя вести и вообще поступает так, как ему нравится. Оно даже диктует вам, во что вы должны верить и наказывает вас, если вы думаете и поступаете иначе. Оно определяет, что вам можно есть и пить, и арестовывает или расстреливает вас в случае неповиновения. Оно отдаёт вам приказы и властвует над каждым шагом в вашей жизни. Оно обращается с вами как с глупым, *безответственным* ребёнком, нуждающимся в строгой руке защитника. Но если вы ослушаетесь, то, тем не менее, будете *нести ответственность* перед ним.

Позже мы поговорим о деталях жизни при анархии и увидим, какие условия и институты будут действовать при такой форме общества, как они станут работать и какое воздействие окажут, возможно, на людей.

Здесь же мы просто определим, возможно ли такое состояние, возможна ли анархия на практике.

Как протекает сегодня жизнь рядового человека? Большую часть времени вы тратите на то, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Это занимает так много сил, что у вас не остаётся времени жить и наслаждаться жизнью. На это нет ни времени, ни денег. Вам ещё повезло, если у вас есть источник доходов, работа. Время от времени наступает кризис: тогда приходит безработица и тысячи людей увольняют. Такое происходит каждый год в каждой стране.

И тогда нет доходов, нет зарплаты. Последствиями становятся заботы и лишения, болезни, отчаяние, самоубийства. Распространяются бедность и преступность. Чтобы смягчить бедность, строят дома презрения, приюты для бедных, бесплатные больницы, которые вы содержите за счёт своих налогов. Чтобы предотвратить преступления и наказать преступников, вы снова должны платить: на полицию, сыщиков, войска, судей, прокуроров, тюрьмы и тюремных надзирателей. Можно ли придумать что-либо более бессмысленное и непрактичное? Законодатели принимают законы, судьи толкуют их, различные чиновники осуществляют их, полиция преследует и наказывает преступника и, наконец, тот попадает под охрану тюремного надзирателя. Бесчисленное множество людей и органов всюду заняты тем, чтобы удержать безработного человека от воровства и наказать его, если он всё же рискнёт на него пойти. Вот тогда он получает вещи, необходимые для жизни, отсутствие которых, собственно, и побудило его нарушить закон. Через какое-то время его выпускают на свободу. Если ему не удаётся найти работу, возобновляется тот же порочный круг: воровство – арест – суд – тюрьма.

Таково грубое, но совершенно верное описание бессмысленного действия нашей системы – глупой и неэффективной. А законы и государство защищают эту систему.

Разве не удивительно, что большинство людей продолжает верить в невозможность обойтись без государства? Ведь на самом деле наша жизнь вообще не связана с ним и не нуждается в нём, а конфликт возникает только тогда, когда вмешиваются закон и государство.

«Но разве можно обеспечить безопасность и общественный порядок без закона и государства? – спросите вы. – Кто же защитит нас от преступников?»

На самом деле, как мы видели, то, что называют «законом и порядком», – это величайший беспорядок. Той небольшой дозе порядка и мира, что у нас есть, мы обязаны здравому смыслу людей, который они проявляют в своих действиях, вопреки государству. Разве вам нужно государство, чтобы запретить бросаться под мчащийся автомобиль? Вам нужно приказать не прыгать с Бруклинского моста или с Эйфелевой башни?

Человек – социальное существо. Он не может существовать один, он живёт в обществе, в общинах или социальных единицах. Общие потребности и интересы приводят к определённым установкам, которые обеспечивают нам безопасность и комфортность. Подобное сотрудничество является свободным и добровольным, оно не требует принуждения со стороны какого-либо государства. Люди вступают в спортивный или певческий союз, поскольку это соответствует их наклонностям, и они работают там вместе с другими членами без всякого принуждения. Учёный, писатель, художник, изобретатель ищут себе подобных для вдохновения и совместной работы. Вмешательство какого-либо правительства или авторитета может лишь помешать их начинаниям.

Вся ваша жизнь учит, что ваши потребности и склонности приводят людей к соединению, совместной защите и взаимной помощи. В этом состоит разница между управлением вещами и управлением людьми, между добровольными действиями и действиями по принуждению. В этом разница между свободой и принуждением, между анархизмом и

государством, ведь анархизм означает добровольное сотрудничество вместо принудительного участия. Он предусматривает гармонию и порядок вместо вмешательства и беспорядка.

«Но кто же защитит нас от преступности и от преступлений?» – спросите вы.

Спросите себя лучше, защищает ли вас государство от этого на самом деле. Разве оно само не создаёт и не поддерживает положение, которое способствует преступности? Разве вмешательство и насилие, на которых строятся любые государства, не культивируют дух нетерпимости и преследования, ненависти и ещё большего насилия? Разве преступность не возрастает вместе с ростом порождённой государством ненависти и несправедливости? Разве само государство не есть величайшая несправедливость и величайшее преступление?

Преступность – это результат экономических условий, социальной несправедливости и зла, порождённого государством и монополией. Государство и закон могут лишь наказать преступника. Они не исправят его и не предотвратят преступления. Единственным спасительным средством против преступности было бы устранение её причин, но как раз этого государство никогда не в состоянии сделать, ведь оно призвано как раз защищать порождающие её условия. Преступность может быть искоренена только устранением вызывающих её обстоятельств. Государство этого не может.

Анархизм уничтожает эти обстоятельства. Преступность как порождение государства, как результат угнетения и несправедливости при анархии исчезнет. Эти пункты охватывают большую часть преступлений.

Некоторые другие преступления ещё какое-то время сохранятся, а именно те, которые основаны на ревности, страсти и правящем современным миром духе принуждения и насилия. Но эти порождения насилия и жажды обладания в здоровых условиях также постепенно исчезнут вместе с уходом создавшей их атмосферы.

Анархия не станет ни порождать преступность, ни готовить почву для её произрастания. Случающиеся иногда антисоциальные действия будут рассматриваться как остаток прежних времён и прежнего образа поведения. С ними будут обращаться скорее как с душевным заболеванием, чем как с преступлениями.

Анархия прежде всего накормит «преступника» и даст ему работу вместо того, чтобы сперва следить за ним, арестовывать, судить и заключить его в тюрьму, чтобы затем дать еду ему и ещё многим другим, которые должны наблюдать за ним и кормить его. Конечно, именно этот пример показывает, насколько жизнь при анархизме была бы более наполненной и простой, чем сейчас.

Правда состоит в том, что нынешний образ жизни является непрактичным, сложным, запутанным и в любом смысле неудовлетворительным. Вот почему на свете столько бед и неудовольствия. Рабочий недоволен, но хозяин тоже несчастлив, потому что живёт в постоянном страхе перед «плохими временами», которые могут принести с собой утрату его собственности и власти. Призрак страха перед будущим преследует по стопам как бедных, так и богатых.

Трудящемуся человеку, конечно же, нечего терять при превращении положения, при котором существуют государство и капитализм, в состояние отсутствия государства, то есть анархию.

Существование средних классов столь же ненадёжно, как и рабочего класса. Они отданы на произвол предпринимателей и крупных торговцев, крупных индустриальных концернов и капитала и потому вечно находятся под угрозой банкротства и краха.

Даже крупный капиталист не так уж много потеряет при смене нынешней системы на анархическую, поскольку при этой последней каждому будут гарантированы жизнь и благосостояние. Вечный страх перед конкуренцией исчезнет вместе с ликвидацией частной собственности. Каждый получит неограниченную возможность творить свою жизнь в соответствии с возможностями и наслаждаться ею.

К этому добавляются сознание мира и гармонии, чувство независимости от финансовых и материальных забот, ощущение жизни в дружественном мире без зависти и соперничества в делах, которые отравляют ваши мысли, в мире братьев, в атмосфере свободы и всеобщего благосостояния.

Почти невозможно представить себе все великие возможности, которые откроются для людей в обществе анархического коммунизма. Учёные смогут полностью посвятить себя любым исследованиям, не имея нужды заботиться о куске хлеба. Изобретатель получит возможность пользоваться любым оборудованием, чтобы его открытия и изобретения способствовали развитию человечества. Писатель, поэт, художник – все они смогут добиться лучших результатов, окрылённые свободой и социальной гармонией.

Лишь тогда справедливость и право станут тем, чем они, собственно говоря, и должны быть. Нельзя недооценивать роль этих ощущений в жизни людей и целых народов. Не хлебом единым мы сыты. Конечно, наше существование обеспечено только при возможности удовлетворить наши телесные потребности. Но их удовлетворение составляет только часть жизни. Наша нынешняя система культуры, выбрасывая вон миллионы, превратила брюхо, так сказать, в центр мироздания. Поскольку разумная форма общества организована так, что никто не испытывает никакого недостатка в снабжении, поддержание существования по определению больше не составляет проблемы. Гарантированное существование столь же естественно и общедоступно, как воздух для дыхания. Такие чувства, как человеческие симпатии, справедливость и право, смогут спокойно развиваться, удовлетворяться, расширяться и расти. Чувство справедливости и благородства и сейчас ещё живо в сердцах людей, несмотря на вековые репрессии и искажения. Оно не вытравлено и не может быть вытравлено, поскольку является у человека врождённым, как инстинкт, таким же сильным, как чувство самосохранения, и оно так же важно для нашего счастья. Ведь далеко не каждая нужда в мире обусловлена отсутствием материального благосостояния. Люди способны легче переносить голод, чем сознание несправедливости. Чувство, что с ними обошлись несправедливо, вызывает их протест и бунт так же скоро, быть может, даже ещё быстрее, чем голод. Голод может быть непосредственной причиной бунта или восстания, но за этим скрывается дремлющая враждебность и ненависть масс ко всем тем, по чьей вине они испытывают несправедливость и бесправие. На самом деле правота и справедливость

играют в нашей жизни куда большую роль, чем обычно думают. Те, кто спорит с этим, плохо знакомы как с природой человека, так и с историей. Вы каждый день можете наблюдать людей, возмущающихся по поводу какой-либо несправедливости. «Это неправильно», – гласит инстинктивный протест человека, ощущающего, что с ним поступают несправедливо. Конечно, представление о правильности или неправильности каждого человека зависит от его традиций, окружения, воспитания. Но какие бы представления на сей счёт он ни имел, природный инстинкт побуждает его отвергать то, что он считает неправильным и несправедливым.

С исторической точки зрения дело обстоит точно так же. Куда больше восстаний и войн начинались вследствие ощущения правоты или несправедливости, чем по материальным причинам. Марксисты могут возразить, что наши представления о правоте также формируются под влиянием экономических условий, но это не меняет простого факта: именно чувство правоты и справедливости воодушевляет людей на героизм и самопожертвование.

Христианами и буддистами двигали не материальные соображения, а именно их приверженность правоте и справедливости. Те, кто пролагал дорогу новым идеям, терпели поношение и даже шли на смерть не по эгоистическим мотивам, но потому, что были убеждены в справедливости своего дела. Такие люди, как Ян Гус, Лютер, Бруно, Савонарола, Галилей и многие другие религиозные или социалистические идеалисты боролись и умирали за дело, которое они считали справедливым. Точно так же ставили свою жизнь на службу правде и справедливости учёные, философы, поэты и учителя – от Сократа до наших дней. В сфере социального и политического прогресса посвящали себя идеалам свободы и равенства самые благородные представители человеческого рода, начиная с Моисея и Спартака. Непреодолимая сила идеализма проявляется не только в личностях. Массы всегда вдохновлялись ими. К примеру, американская война за независимость началась с всеобщего возмущения в колониях против несправедливых налогов, введённых метрополией без всякого согласия их населения. В течение двух веков христиане пытались с помощью крестовых походов вернуть себе Святую землю. Этот религиозный идеал вдохновлял 6 миллионов человек, вплоть до нищих и детей, и во имя правоты и справедливости они испытали невероятные лишения, эпидемии и гибель. Даже во время последней мировой войны – какими бы капиталистическими ни были её причины и результаты – миллионы людей сражались, глубоко веря в то, что они воюют за правое дело, за демократию и прекращение всяких войн. Итак, чувство справедливости и правоты индивидуально и коллективно вдохновляло людей на протяжении всей истории – даже во времена, очень отдалённые от нынешних – на акты самопожертвования и самоотдачи, возвышая их над обыденностью повседневной жизни. Конечно же, трагично, что этот идеализм проявлялся в преследованиях и насилиях, но к этому вели злая воля и эгоизм королей, священников и властителей, невежество и фанатизм. Тем не менее, людей всегда наполнял дух правоты и справедливости. Опыт прошлого доказывает, что этот дух всегда жив и служит мощнейшим, преобладающим фактором во всей человеческой жизни.

Нынешнее положение вещей ослабляет и искажает это благороднейшее качество людей, извращает его проявление и подталкивает в направлении нетерпимости, преследований, ненависти и раздоров. Но если человек когда-нибудь освободится от развращающего

воздействия материальных интересов, избавится от невежества и классовой вражды, его врождённое чувство правоты и справедливости найдёт новые формы для своего выражения, формы, которые будут вести к большему братству, доброй воле, личному миру и социальной гармонии.

Эта склонность человеческого духа сумеет полностью развиться только при анархии. Освободившись от унижительной и вызывающей одичание борьбы за кусок хлеба, в условиях, когда все в равной мере смогут принять участие в труде и благосостоянии, смогут развиваться и найти полезное применение лучшие качества человеческой природы и ума. Человек тогда действительно станет тем благороднейшим творением природы, какое он до сих пор представлял себе лишь в мечтах.

Вот почему анархия – это идеал не просто определённых людей и классов, но и всего человечества. Ведь она в самом широком смысле слова послужит нам всем. Анархизм – это выражение универсального, вечного стремления человечества.

Поэтому любой мужчина и любая женщина жизненно заинтересованы в том, чтобы осуществить анархию. Они, несомненно, так и сделали бы, если бы смогли осознать красоту и справедливость новой жизни. Любое человеческое существо, не утратившее чувство и здравый рассудок, склонно к анархизму. Каждый, кто страдает от неправоты и несправедливости, злой воли, коррупции и пошлости нашей сегодняшней жизни, инстинктивно симпатизирует анархии. Каждый, чьё сердце не глухо к зову добра, сочувствия и любви к ближнему, должен быть заинтересован в её осуществлении. Каждый, кто терпит нищету и бедность, тиранию и угнетение, должен приветствовать приближение анархии. Все, кто любят свободу и справедливость, должны внести свой вклад в её осуществление.

Прежде и сильнее всего должны быть заинтересованы в этом все покорённые и угнетённые. Те, кто строят дворцы, но живут в бедных хижинах; те, кто накрывают на стол жизни, но не смеют участвовать в пиршестве; те, кто создают богатства мира и лишаются всего; те, кто наполняют жизнь радостью и солнечным светом, но сами остаются презренными в глубинах тьмы; Самсон жизни, у которого с помощью страха и невежества отняли его силу; беспомощный великан труда, пролетарий ума и мускулов, массы, работающие в индустрии и сельском хозяйстве – все они должны будут радостно приветствовать анархию.

Для них анархизм обладает величайшей притягательной силой. Именно они должны первыми и в первых рядах работать над приходом нового дня, который вернёт им землю и принесёт всему человечеству свободу и довольство, радость и солнечный свет.

«Это замечательно, – скажете вы, – но станет ли это работать? И как вы намереваетесь этого достичь?»

Глава 5. Будет ли работать коммунистический анархизм?

Как мы уже говорили, жизнь не может быть свободной, обеспеченной, гармоничной и радостной, если она не основана на принципах справедливости и благородства. Равная свобода и равные шансы – первая предпосылка справедливости.

Если существуют правительство и эксплуатация, то ни свобода, ни равенство невозможны. Отсюда все беды и страдания в нашем сегодняшнем обществе.

Коммунистический анархизм основан на понимании этой неизбежной истины. Он покоится на принципах невмешательства и отсутствия принуждения, иными словами, на свободе и самореализации.

Жизнь на этой основе полностью соответствует представлениям о справедливости. Люди смогут жить в полной свободе и пользоваться равной свободой, никто не будет иметь право принуждать кого-либо к чему-либо, поскольку принуждение любого рода есть вмешательство в вашу свободу.

В равной мере каждый будет иметь все возможности для самореализации. Монопольное обладание и частная собственность на основные жизненные блага будут отменены как посягательство на равенство шансов для всех.

Только в том случае, если мы не будем забывать этот простой принцип равной свободы и возможности, мы сумеем разрешить проблемы, возникающие при построении коммунистического анархизма как формы общества.

В политическом отношении ни один человек не будет признавать какой бы то ни было авторитет, могущий принуждать его к чему бы то ни было. Правительство будет ликвидировано.

В экономическом отношении не будет допускаться исключительное обладание основными жизненными благами с тем, чтобы сохранить свободное пользование ими.

Монополия на землю, частная собственность на производственные объекты, средства распределения и коммуникации не могут быть терпимы при анархии. Вещи, необходимые для жизни, должны быть свободно доступны для всех.

Если суммировать, то коммунистический анархизм означает следующее: ликвидацию правительства и насильственного авторитета во всех его проявлениях; общественная собственность – есть свободное и равное участие всех в общем труде и общем благосостоянии.

«Вы утверждаете, что анархия гарантирует равенство в экономическом отношении. Означает ли это равное вознаграждение для всех?» – спросит ваш приятель. Да, означает. Или же, что то же самое, равное участие в общественном благосостоянии. Ведь, как мы уже знаем, труд – это дело всего общества. Никто не может сделать всё только своими собственными силами. И если труд является общественным, то его результат, произведённое богатство, тоже должен быть общественным, принадлежать обществу. По этой причине никто не может претендовать на единоличное обладание общественным богатством, наслаждаться им должны все в равной степени.

«Но почему бы не вознаграждать каждого в соответствии с ценностью его труда?» – можете спросить вы.

Потому что нет никакой возможности определить эту ценность. Именно в этом состоит разница между ценностью и ценой. Ценность вещи определяется её местом, а цена указывает на то, за сколько её можно продать или купить на рынке. Какова ценность той или иной вещи, не может в действительности сказать никто. Экономисты вообще усматривают в ценности произведённого продукта сумму труда, которую необходимо затратить на его производство; Маркс говорит об «общественно необходимом труде». Но со всей очевидностью это нельзя считать справедливой мерой. Предположим, столяр работает три часа, чтобы сделать кухонный стол, а врачу нужно полчаса, чтобы сделать операцию и спасти вашу жизнь. Если ценность определяется количеством затраченного труда, то стол стоит дороже, чем ваша жизнь. Это, разумеется, очевидная бессмыслица. Даже если вы приплюсуете годы обучения и практики, которые потребовались врачу, чтобы научиться делать операции, как вы сможете определить ценность «одного часа операции»? Ведь столяр и каменщик тоже должны учиться, прежде чем они овладеют своей профессией, но, поручая им работу, вы не считаете эти годы учения. Кроме того, следует учитывать особую способность или склонность, которые каждый рабочий, писатель, художник или врач должны вложить в свой труд. Этот фактор вообще зависит только от конкретной личности. Как вы сможете определить его ценность? Вот почему ценность измерить невозможно. Одна и та же вещь может быть ценна для одного человека, а другому – вообще не нужна. Даже для одного и того же человека её ценность в разное время может быть различна. Бриллиант, картина или книга могут очень много значить для одного, но не иметь никакой ценности для другого. Батон хлеба будет очень ценен для вас, если вы голодны, и иметь гораздо меньшую ценность, если вы не испытываете голода. Разумеется, невозможно установить действительную ценность той или иной вещи, когда речь идёт о неизвестной величине.

Напротив, цену измерить достаточно легко. Если есть пять батонов хлеба и 10 человек хотят купить по одному, то цена на хлеб будет расти. Но она будет падать, если есть 10 батонов хлеба и всего 5 человек хотят купить по батону. Цена зависит от предложения и спроса.

Товарный обмен на основе цены ведёт к наживе, привилегиям и эксплуатации, короче говоря, к какой-либо форме капитализма. Если вы хотите устранить наживу, то не можете сохранять ни систему цен, ни систему найма и зарплат. Это означает, что обмен должен осуществляться в соответствии с ценностью. Однако поскольку сама ценность неопределенна или неопределима, продуктообмен должен совершаться свободно, а не на основе «равной ценности», поскольку таковой не существует. Иными словами, это значит, что труд и его продукты должны свободно обмениваться в соответствии с необходимостью, без всякой цены и без всякой наживы. Это естественным образом приводит нас к общественной собственности и совместному пользованию. Эта разумная и справедливая система известна как коммунизм.

«Но разве справедливо, чтобы все получали одно и то же: умный и глупец, прилежный и лентяй? Разве не следует отличать прилежного, разве он не заслуживает особого признания?» – можете спросить вы.

Позвольте задать вам встречный вопрос: а должны ли мы ещё дополнительно наказывать человека, который не столь щедро одарён от природы, как его более сильный или талантливый сосед? Следует ли нам добавить к преградам, поставленным ему природой, новые несправедливости? Всё, что мы естественным образом можем ожидать от человека, – это чтобы он делал всё, что в его силах, – а может ли он вообще сделать больше? Если же максимум того, что может Иван, не столь хорошо, как максимум того, что может его брат Пётр, то это беда Ивана, но никак не его вина, за которую его следует наказывать.

Нет ничего более опасного, чем дискриминация. В тот самый момент, когда вы дискриминируете менее способных, вы закладываете фундамент недовольства и возмущения, вы вызываете зависть, раздоры и споры. Вы сочли бы жестокостью, если бы менее способные были лишены воды или воздуха. Разве тот же принцип не следует распространить и на иные потребности человека? Однако еда, одежда и жильё занимают лишь самое незначительное место в мировой экономике.

Добиться от человека того, чтобы он делал всё, что в его силах, можно не с помощью дискриминации, а обращаясь с ним так же, как и с другими. Это самое действенное ободрение и самый лучший стимул. Это справедливо и человечно.

«Ну а что вы будете делать с лентяями, которые не пожелают работать?» – спросит ваш приятель.

Это интересный вопрос, и вы наверняка удивитесь, когда я скажу вам, что на самом деле никакой лени не существует. Тот, кого мы называем ленивым, как правило, – просто человек не на своём месте. Вы всегда сможете обнаружить, что человек, поставленный не на своё место, будет вялым и неработоспособным. Ведь так называемая леность и в значительной мере отсутствие прилежания – это не что иное, как несоответствие и неверное применение сил. Если вы вынуждены делать что-то, на что неспособны из-за отсутствия таланта и воодушевления, вы мало что сделаете; если вы вынуждены делать неинтересную работу, вы будете лениться.

Это может подтвердить вам каждый, кто хоть когда-нибудь занимался делом, в котором участвовало большое количество народа. Особенно убедительным свидетельством правильности этого утверждения служит жизнь в тюрьме, а в конце концов нынешняя форма жизни для большинства людей не что иное, как большая тюрьма. Каждый охранник может подтвердить вам, что заключённые всегда ленятся и подвергаются наказаниям, когда им даются задания, для которых они не годятся и которые им не интересны. Но как только этим «строптивцам» поручается работа, соответствующая их склонностям, они становятся «примерными», как говорят охранники.

Правильность этого факта заметным образом продемонстрировала и Россия. Там можно было узнать, как мало нам известно о человеческом поведении и влиянии среды, как мы ложно истолковываем неверные предпосылки как плохое поведение. Русские беженцы, которые за границей вели нищую и незаметную жизнь, после возвращения на родину, поняв, что революция дала простор для их активности, совершали великие дела там, где они работали, становились блестящими организаторами и строителями железных дорог и предприятий. Среди широко известных сегодня на Западе имён русских немало тех, кто при прежних условиях существования считался ленивым и неспособным к работе, однако дело было лишь в том, что они не находили применения своим способностям и энергии.

Таково существо человека: работоспособность в определённой области означает склонность и способность к ней, прилежание и усердие свидетельствуют об интересе. Вот причина, по которой в сегодняшнем мире так распространена лень, а работоспособность столь низка. Ведь кто сегодня на своём месте? У кого есть работа, которая его окрыляет и действительно интересует?

В нынешних условиях у среднего человека мало возможностей посвятить себя задачам, соответствующим своим наклонностям и предпочтениям. Социальное положение, в котором они оказались по воле рождения, в целом предопределяет их занятие или профессию. Сын финансиста редко, как правило, становится лесорубом, даже если он лучше умеет обращаться со стволами деревьев, чем с банковскими счетами. Средний класс отправляет своих детей в высшие школы, чтобы они стали врачами, юристами или инженерами. Но если их родители – рабочие, которые не могут себе позволить дать им образование, дети вынуждены будут, вероятно, соглашаться на любую подвернувшуюся им работу или изучать какое-нибудь ремесло, где случайно имеется учебное место. Их будущую работу или профессию определяет их статус, а не способности, склонности или дарования. Что же удивляться тому, что большинство людей, причём подавляющее, действительно находится не на своём месте? Спросите первых подвернувшихся сто человек, выберут ли они снова свою нынешнюю работу или даже захотят ли они сохранить её, если им будет дана свобода выбрать её. 99 из них наверняка признаются, что предпочли бы лучше иное занятие. Нищета и материальные выгоды или хотя бы надежда на них удерживают большинство людей на неверном рабочем месте.

Совершенно очевидно, что человек может делать всё, что в его силах, если работа ему интересна, если он чувствует себя вовлечённым в неё естественным образом, если она ему нравится. Тогда он будет прилежным, будет стараться. Вещи, которые изготавливали ремесленники в эпоху до современного капитализма, были продуктами радости, потому что

ремесленник любил свою работу. Можно ли ожидать от современного рабочего фабрики, превращённого в ломовую лошадь, чтобы он делал красивые вещи? Он – деталь машины, колёсико бездушной индустрии, его труд совершается механически, вынужденно. К тому же рабочий чувствует, что работает не для себя самого, а ради прибыли другого, он ненавидит эту работу или, по крайней мере, не заинтересован ни в чём, кроме регулярного получения зарплаты. Результатами становятся отлынивание, низкая работоспособность, лень.

Потребность в деятельности – один из самых глубоких инстинктов человека. Если вы понаблюдаете за ребёнком, вы обнаружите сильное стремление действовать, двигаться, что-то делать. Бурно и постоянно. Точно так же обстоит дело со здоровым взрослым человеком. Его энергия и жизненная сила ищут формы выражения. Позвольте ему совершать выбранную им самим работу или делать любимые им вещи, его усердие не будет знать усталости и отлынивания. Это можно наблюдать у фабричного рабочего, которому посчастливилось обзавестись садиком или клочком земли, где он может выращивать цветы или овощи. Как бы ни уставал он от своего вкалывания, он с удовольствием выполняет самую трудную работу, если делает её для собственного удовольствия и по своему свободному выбору.

При анархизме у каждого будет возможность найти себе занятие, соответствующее его естественным склонностям и способностям. Работа станет не отупляющим вкалыванием, как сегодня, а удовольствием. Лень будет неизвестна, а вещи, делаемые с интересом и любовью, станут объектами красоты и радости.

«Но разве может труд стать удовольствием?» – спросите вы.

Сегодня труд означает вкалывание, он неприятен, утомителен и скучен. Но обычно тяжёл не сам труд: его делают таковыми условия, в которых вы принуждены трудиться. В особенности долгое время работы, отсутствие гигиены на рабочих местах, недостаточная оплата и т.д. Даже самый неприятный труд может быть облегчён с помощью улучшения условий работы. Возьмём, к примеру, очистку каналов. Это грязный и плохо оплачиваемый труд. Но предположим, что вы получаете за это не 5, а 20 долларов в день. Тогда вы сразу же станете воспринимать эту работу как гораздо более простую и приятную. Число желающих заняться ею сразу возрастёт. Но это означает, что люди не ленивы и не боятся неприятного труда, если получают за него соразмерные деньги. Однако подобное занятие считается унижительным, на него смотрят сверху вниз. Почему же к нему так относятся? Разве оно не необходимо, не очень нужно? Разве без тех, кто чистит улицы и каналы, наш город не поразил бы эпидемия? Ясно, что люди, поддерживающие наш город в чистоте, – настоящие благодетели, что они важнее для нашего здоровья и блага, чем семейный врач. С точки зрения полезности для общества тот, кто чистит улицы, – профессиональный коллега врача: последний лечит нас, когда мы больны, первый заботится о том, чтобы мы оставались здоровыми. Тем не менее, на врача смотрят с уважением, а к мусорщикам относятся с пренебрежением. А почему? Потому что работа по очистке улиц грязна? Но хирургу приходится часто выполнять и более «грязную» работу. Почему же мусорщиков презирают? Да потому, что они мало зарабатывают.

В нашей извращённой цивилизации все вещи меряются на деньги. Люди, выполняющие самую необходимую работу, стоят на самых низких ступенях социальной лестницы, если их занятие плохо оплачивается. Если же что-то случится, и уборщик улиц станет получать 100 долларов в день, а врач – всего 50, то «замызганный» уборщик улиц сразу поднимется в глазах людей и по социальной лестнице, из «грязного рабочего» он превратится во всеми уважаемого человека с высокими доходами.

Как видите, сегодня в нашей ориентированной на прибыль системе ценность труда и самого человека определяют оплата, вознаграждение, *размеры зарплаты*, а не важность и полезность занятий.

Более разумное общественное устройство – в условиях анархизма, ведь тогда в оценке этих вещей будут использоваться совершенно иные критерии. Людей будут ценить по их *готовности быть полезными для общества*.

Можете ли вы себе представить, какие огромные перемены принесёт это новое отношение? Любой хочет признания и уважения со стороны других людей. Это эликсир, без которого мы не можем жить. Даже в тюрьме я мог видеть, как отвязный карманник или взломщик сейфов ищет признания со стороны своих друзей и очень старается добиться их уважения. Мнение других людей о нас накладывает отпечаток на наше поведение. Социальная атмосфера в значительной мере определяет наши представления о ценностях и наше поведение. Ваш личный опыт подскажет вам, насколько это так, поэтому вы не удивитесь, если я скажу, что в анархическом обществе люди будут стараться получить скорее более нужную и трудную работу, нежели лёгкую. Если вы будете учитывать всё это, вам не придётся больше задаваться вопросом относительно лени и отлынивания от труда. К тому же даже самая тяжёлая и обременительная работа может выполняться при более лёгких и хороших условиях труда. Капиталистический работодатель по мере возможностей старается не потратить лишние деньги, чтобы сделать труд своих работников легче и приятнее. Он будет вводить улучшения лишь в том случае, если надеется извлечь из этого выгоду, но из одних лишь соображений человечности он не истратит и лишней копейки. Хотел бы напомнить здесь и о том, что более умные работодатели постепенно начинают понимать, что им выгодно улучшить свои фабрики, усовершенствовать их в отношении санитарии и гигиены и в целом облегчить условия труда. Они осознали, что дело того стоит: в результате их рабочие довольны, и производительность труда растёт. Принцип хорош, однако сегодня он осуществляется, разумеется, с целью извлечения большей прибыли. При анархизме же он будет применяться не в целях личной выгоды, а в интересах здоровья работников и облегчения их труда. Наш технический прогресс столь велик и устойчив, что большая часть самой тяжёлой работы может совершаться современными машинами и экономящими труд аппаратами. Во многих отраслях промышленности, например, горном деле новые меры безопасности и санитарии не осуществляются только потому, что работодателям безразлично благо работников, и они не хотят предпринимать соответствующие расходы. В системе же, которая не ориентирована на получение прибыли, техника и наука будут служить тому, чтобы сделать труд более безопасным, здоровым, лёгким и приятным.

«Но каким бы лёгким ни был труд, нет никакого удовольствия в том, чтобы работать по восемь часов в день», – скажет ваш приятель.

Вы совершенно правы. Но задумывались ли вы о том, почему мы работаем по 8 часов в день? Знаете ли вы, что ещё не так давно люди вкалывали по 12-14 часов в день и что это до сих пор так в таких отсталых странах, как Китай и Индия?

Можно доказать статистически, что хватило бы трёх часов труда в день, чтобы прокормить людей, обеспечить их жильём, одеждой и всем не только наиболее необходимым, но и самым современным жизненным комфортом. Дело в том, что сегодня полезным трудом занимается едва ли каждый пятый из людей. Весь мир держится на небольшом меньшинстве тех, кто выполняет тяжёлую работу.

Посмотрим вначале на те виды работ в современном обществе, которые были бы не нужны в анархическом обществе. Возьмите армии и флоты всего мира и подумайте, сколько миллионов людей могли бы заняться нужным и производительным трудом, если бы были устранены войны, что и предусматривается анархией.

В каждой стране рабочие кормят миллионы людей, которые не вносят никакого вклада в благосостояние страны, ничего не создают и не занимаются никаким полезным трудом. Эти люди – только потребители, не являясь ни в коей мере производителями. В США, к примеру, из населения в 120 миллионов менее 30 миллионов рабочих, включая крестьян[5]. Как правило, в каждой стране то же самое положение.

Что же удивляться тому, что рабочим приходится работать по много часов в день, если из 120 человек только 30 являются рабочими? Огромные круги предпринимателей со всеми их чиновниками, помощниками, агентами и коммивояжёрами, суды с их судьями, секретарями, исполнителями приговоров, легионы адвокатов и их служащих, полиция, церкви и монастыри, благотворительные объединения и богадельни, тюрьмы с их стражниками, служащими и непроизводящими заключёнными, целая армия работников рекламы и их помощников, чья задача только и единственно в том, чтобы соблазнить вас купить то, чего вы не хотите или не можете иметь, не говоря уже о многочисленных людях, которые, совершенно ничего не делая, живут в роскоши. Их насчитываются миллионы в любой стране.

Если бы эти люди посвятили себя полезному труду, разве понадобилось бы работать по 8 часов в сутки? Если для совершения определённой работы нужно, чтобы 30 человек трудились 8 часов, насколько быстрее смогут сделать это 120 человек? Не стану обременять вас статистическими выкладками, но приведённых данных достаточно для доказательства того, что хватило бы трёх часов физического напряжения в день на человека, чтобы выполнить все полезные работы, которые сейчас совершаются в мире.

Можете ли вы сомневаться, что даже самая напряжённая работа может стать удовольствием, если она не потребует такого проклятого вкалывания, как сегодня, а будет занимать только три часа в день, к тому же в самых лучших санитарно-гигиенических условиях и в атмосфере братства и уважения к физическому труду?

Но нетрудно предугадать и день, когда и это небольшое число часов уменьшится. Ведь мы постоянно совершенствуем наши технические методы и постоянно создаём новые машины,

сберегающие труд. Технический прогресс означает меньше труда и больше комфорта – достаточно сравнить жизнь в США с жизнью в Китае и Индии, и вы легко поймёте эту связь. В обеих этих странах люди работают по много часов, только чтобы обеспечить своё выживание, в то время как в Америке даже средний рабочий может при гораздо менее длительной работе обеспечить себе гораздо более высокий уровень жизни. Прогресс науки и новые изобретения дают нам больше свободного времени для наших любимых занятий.

Я очень грубыми мазками обрисовал возможности жизни в разумной системе, в которой ликвидирована прибыль. Нет совершенно никакой нужды вдаваться в мельчайшие детали этого общественного строя. Сказанного достаточно, чтобы показать, что коммунистический анархизм означает большее материальное благополучие в соединении с жизнью в свободе для всех и для каждого.

Мы можем представить себе время, когда труд будет приятным упражнением, радостным применением физических сил для удовлетворения потребностей мира. Тогда люди будут смотреть на наши времена и не понимать, как это труд мог быть проклятием, они будут сомневаться в разумности поколения, в котором пятая часть жителей страдала от необходимости в поте лица своего создавать хлеб для других, в то время как другие жили в праздности и попусту расходовали время, здоровье и человеческое богатство. Они будут удивляться тому, что неограниченное удовлетворение человеческих потребностей не считалось само собой разумеющимся, или тому, что люди, стремящиеся, собственно говоря, к одному и тому же, усложняли себе жизнь распрями и делали её невыносимой. Они не смогут поверить, что всё существование человечества состояло из непрерывной борьбы за пропитание в мире, наполненном роскошью, борьбы, которая не оставляла подавляющему большинству ни времени, ни сил для осуществления своих самых сокровенных желаний.

«Но не приведёт ли жизнь в анархии при экономическом и социальном равенстве к всеобщей уравниловке?» – спросите вы.

Нет, дорогой друг, как раз наоборот. Равенство значит не равное количество, а равную *возможность*. К примеру, это не означает, что если одному человеку нужно есть пять раз в день, то и другому надо столько же. Если второму надо есть три раза, а первому – пять, то они могут съесть разное количество еды, но оба будут пользоваться равной возможностью есть столько, сколько им нужно, то есть столько, сколько требует их организм.

Не будем совершать ошибку, смешивая равенство в свободе с принудительным равенством в концентрационном лагере. Подлинное анархическое равенство означает свободное пользование, а не одинаковое количество. Оно не требует, чтобы все ели и пили одно и то же, носили одинаковую одежду, выполняли одну и ту же работу и вели один и тот же образ жизни. Отнюдь, в действительности совсем наоборот. Потребности и предпочтения отдельных людей столь же сильно отличаются друг от друга, как и их аппетит. Подлинное равенство состоит в *равной возможности* удовлетворять их.

Именно это равенство, далёкое от уравниловки, открывает двери для максимального разнообразия в действиях и развитии людей. Поскольку их характеры различны, то подавление их многоплановости ведёт лишь к уравниловке, монотонности и скуке. Именно

возможность беспрепятственно выражать свою индивидуальность и жить в соответствии с этим даёт простор развитию естественных различий и вариаций.

Говорят, что две травинки отличаются друг от друга. Люди – тем более! На свете нет двух одинаковых людей, хотя бы даже по их внешнему облику, ещё сильнее различаются они по своему физиологическому, духовному и физическому строению. Несмотря на это разнообразие и тысячу и одно различие, сегодня мы принуждаем людей к единообразию. Наша жизнь и наши привычки, наше поведение и наши нравы, даже наши мысли и чувства зажаты в русло единой формы до такой степени, что становятся неотличимы. Дух авторитета, законы, писанные и неписанные, традиции и привычка принуждают нас повиноваться общим шаблонам и превращают людей в безвольные автоматы, не имеющие независимости и индивидуальности. Это моральное и интеллектуальное рабство сильнее, чем любое физическое принуждение, разрушительно воздействует на нашу человечность и наше развитие. Все мы – его жертвы и лишь невероятно упорные разбивают его цепи, но даже они не могут полностью сбросить их.

Авторитет прошлого и настоящего не только определяет наше поведение, но и господствует над нашими мыслями и душами, постоянно душит любой признак не-приспособленчества, независимого поведения и неортодоксального мнения. Вся мощь общественного осуждения обрушивается на мужчину или женщину, которые бросают вызов принятому поведению. Бессердечная месть карает строптивца, не желающего следовать проложенным путём, или еретика, сомневающегося в устоявшихся верованиях. В науке и искусстве, в литературе, поэзии и живописи это настроение ведёт в конце концов к приспособлению и уподоблению, к копированию того, что устоялось и признано, к единообразию и однообразию, к стереотипным формам выражения. Но ещё более жестоко карается нонконформизм в повседневной жизни и отношениях с другими. Художнику и писателю можно иногда простить их вызов нравам и нормам, ведь, в конце концов, их бунт происходит только на бумаге или полотне, он влияет лишь на сравнительно узкий круг людей. На этих художников либо не обращают внимания, либо относятся к ним, как к шутникам, которые не могут причинить вреда. Но совершенно иное, если речь идёт о людях дела, которые несут свой вызов принятым нормам в общество. Он не безобиден. Он опасен силою своего примера и даже самим своим существованием. Попраание им общественных правил нельзя ни игнорировать, ни прощать. Его объявляют врагом общества.

Вот почему революционные мысли в «экзотической» поэзии или в высокоинтеллектуальных философских диссертациях прощаются и могут пройти сквозь официальную и неофициальную цензуру – ведь они недоступны и непонятны широкой общественности. Но если вы попытаете выразить это отклоняющееся от норм поведение публично, то немедленно столкнётесь с яростными нападениями со стороны всех сил, выступающих за сохранение устоявшегося порядка вещей.

Вынужденное послушание обладает более отвратительным и оупляющим воздействием, чем самый страшный яд. Во все времена оно было главной преградой на пути человеческого прогресса, оно ограничивало людей тысячами запретов и табу, отягощало их сердца устаревшими нормами и правилами, сужало его волю заповедями мышления и чувств, «ты должен» или «ты не смеешь» в отношении поведения и действия. Вся жизнь – искусство

жить – застыла в тупой, скучной и неподвижной схеме.

Однако врождённое многообразие человеческой природы столь сильно, что даже продолжающийся веками процесс оглушения не смог загасить человеческую оригинальность и своеобразие. Правда, огромное большинство уже не может покинуть накатанную колею, но некоторые всё же вырываются из всеобщей скачки и находят новые пути, ведущие их к прекрасным, одухотворяющим перспективам. Мир осуждает их, но постепенно шаг за шагом следует их примеру и водительству и, наконец, присоединяется к ним. Если те, кто прокладывал путь, к этому времени умерли, мы строим им памятники и обожествляем этих людей, которых до тех пор мы поносили и распинали на кресте, продолжая распинать их преемников – тех, кто прокладывает новые пути сегодня.

За духом нетерпимости и преследования скрывается привычка к авторитету – побуждение приспособляться к господствующим меркам, давление – со стороны морали и закона – заставляющее быть таким же, как все, и поступать, как все остальные, согласно предписанию и кодексу.

Распространённое повсюду представление, будто приспособление – это естественная черта характера, совершенно ложно. Наоборот, человек проявляет своё существо и оригинальность при первой же возможности, когда ему удаётся освободиться от привитых ему от рождения привычек. Если вы, к примеру, понаблюдаете за детьми, то обнаружите разнообразнейшие различия в облике, поведении, формах духовного и психического выражения. Вы откроете в них инстинктивную склонность к индивидуальности и независимости, к не-приспособленчеству, которая проявляется в виде открытого или скрытого вызова налагаемой на них воле других, в бунте против авторитета родителей и учителей. Всё образование и «воспитание» ребёнка – не что иное, как непрерывный процесс подавления и разрушения этой склонности, стирания его характерных свойств, его особенности по отношению к другим, его личности и оригинальности.

Даже когда дети вырастают, несмотря на многолетнее подавление и формовку в них ещё сохраняется остаток оригинальности; это показывает, насколько глубоки корни индивидуальности. Возьмите, например, каких-нибудь двух людей, которые стали свидетелями одной и той же катастрофы, допустим, большого пожара, и наблюдали всё это с одного и того же места. Каждый из них будет рассказывать о происшедшем по-разному, каждый будет выражать сложившееся у него отношение по-своему, и впечатление, которое сложится у слушателей, будет разным. Ведь оба наблюдателя обладают от природы различной психикой. Но поговорите-ка с этими двумя людьми, к примеру, о фундаментальных общественных вопросах, о жизни и о правительстве, и вы немедленно услышите в деталях совпадающий «взгляд», а именно некритически воспринятое распространённое мнение.

Почему? Потому что человек может говорить свободно и уверенно только тогда, когда он может свободно мыслить и чувствовать, когда ему не мешают предписания и правила, когда его не удерживает страх перед неприятными последствиями его «инаковости» и неортодоксальности. Но в тот самый момент, когда разговор переходит на темы наших общественных нужд, люди, пленённые запретами, превращаются в эхо и попугаев.

Жизнь в свободе, в анархии даст людям больше, нежели просто свободу от их нынешнего политического и экономического рабства. Это станет лишь первым, начальным шагом к подлинной человеческой жизни. Гораздо большим и более значительным станет результат такой свободы, её воздействие на разум и личность человека. Ликвидация принуждения, основанного на чуждой воле, и вместе с ним – страха перед авторитетом сойдёт с людей оковы, наложенные на них моральным и в немалой степени также экономическим и физическим нажимом. Человеческий дух сможет вздохнуть свободно, и это духовное освобождение станет рождением новой культуры и новой человечности. Заповеди и запреты падут, и человек начнёт быть самим собой, развивать и выражать свои индивидуальные склонности и собственное своеобразие. Вместо того, чтобы говорить: «Ты не должен», общество скажет: «Ты можешь, если готов взять на себя всю ответственность». Это будет тренировкой человеческого достоинства и веры в себя, начинающейся дома и в школе и создающей новую породу людей с новым отношением к жизни.

Человек будущего будет видеть и переживать бытие на совершенно ином уровне. Жизнь будет для него искусством и радостью. Он не будет относиться к ней как к состязанию, при котором каждый пытается как можно быстрее стать первым. Он будет считать, что свобода важнее, чем работа, и работа займёт приличествующее ей, подчинённое место как средство обеспечения досуга и удовольствия от жизни.

Жизнь станет стремлением к более высоким ценностям культуры, к исследованию тайн природы и достижению более высокой истины. Когда человек будет свободно использовать неограниченные возможности своего разума, следовать своей тяге к знаниям, применять свой изобретательский дар, творить и парить на крыльях своей фантазии, то он достигнет своего действительного величия, действительно станет человеком. Он будет расти и развиваться в соответствии с собственной природой. Он будет с презрением относиться к единообразию, а человеческое многообразие придаст ему большой интерес и удовлетворение от чувства богатства жизни. Жизнь для него будет состоять не в функционировании, а в переживании, и он добьётся самой великой из всех свобод, достижимых для человека, – свободы в радости.

«Этот день – дело очень далёкого будущего, – скажете вы. – Как нам достигнуть его?»

Может быть, он и впрямь дело далёкого будущего, может быть, – не такого уж и далёкого: этого никто не знает. В любом случае мы никогда не должны упускать из виду нашу конечную цель, если не хотим сбиться с правильной дороги. Описанные мною перемены не совершатся в одну ночь; ничто не совершается за одну ночь. Это будет постепенным развитием, как и всё в природе и в общественной жизни. Но это будет целенаправленное, необходимое и, я даже рискну сказать, неотвратимое развитие. Неотвратимое потому, что всё развитие человечества идёт в этом направлении, пусть даже оно идёт иногда с зигзагами и сбивается с пути, но всегда возвращается на правильный путь.

Как же можно достичь этого дня?

Глава 6.

Некоммунистические анархисты

Прежде чем мы продолжим, я хотел бы сделать короткое пояснение. Это мой долг перед анархистами, которые не являются коммунистами.

Потому что вам следует знать, что не все анархисты – коммунисты. А именно, не все считают, что коммунизм – общая собственность и распределение по потребностям – является наилучшей и наиболее справедливой хозяйственной системой.

Я представил вам, прежде всего, коммунистический анархизм, потому что он, по моему мнению, наиболее желательная и осуществимая форма общества. Коммунистические анархисты придерживаются того взгляда, что лишь в коммунистических условиях анархизм может процветать и гарантировать равную свободу, справедливость и благосостояние всем, без какой бы то ни было дискриминации.

Однако существуют анархисты, которые не верят в коммунизм. Их можно, в целом, разделить на индивидуалистов и мютюалистов[6].

Все анархисты сходятся в одном фундаментальном пункте: что правительство означает несправедливость и угнетение, что оно вмешивается, поработывает и служит величайшим препятствием для развития и раскрытия человека. Все они считают, что свобода может существовать лишь в таком обществе, которое будет свободно от любого принуждения. Все анархисты едины в этом коренном принципе: что правительство должно быть ликвидировано.

Не сходятся они, в основном, в следующих пунктах.

Во-первых, в том, как должна быть осуществлена анархия. Коммунистические анархисты говорят, что лишь только социальная революция может ликвидировать правительство и установить анархию, тогда как индивидуалисты и мютюалисты не верят в такую революцию. Они полагают, что нынешнее общество сможет постепенно развиваться от правительства к состоянию его отсутствия.

Во-вторых, индивидуалистически настроенные анархисты и мютюалисты верят в индивидуальную собственность, в отличие от коммунистических анархистов, которые видят в институте частной собственности одну из главных причин несправедливости, бедности и

нищеты. Индивидуалисты и мютюалисты настаивают на том, что свобода означает «право каждого на продукт его труда», что, разумеется, правильно. Свобода означает и это тоже. Но вопрос не в том, имеет ли кто-нибудь право на свой продукт, а в том, существует ли вообще что-либо вроде индивидуального продукта. Я показал в предыдущих главах, что ничего подобного в современной истории нет. Поскольку любая работа может быть совершена лишь сообща, произведённые продукты так же принадлежат всему обществу. Поэтому аргумент о праве отдельного человека на его продукт лишён всякого практического значения.

Я продемонстрировал также, что обмен благами или товарами не может осуществляться индивидуально или частным образом без того, чтобы существовала система прибыли. Поскольку стоимость товара невозможно измерить соразмерно, ни одна обменная торговля не является справедливой. Этот факт, по моему мнению, ведёт к праву общества на обладание собственностью и её использование, то есть к коммунизму как наиболее практичной и в то же время справедливой экономической системе.

Но, как уже сказано, индивидуалисты и мютюалисты в этом вопросе считают иначе. Они утверждают, что источником экономического неравенства является монополия, и выдвигают аргумент, что эта монополия исчезнет с ликвидацией правительства, потому что её делают возможной только специальные привилегии, предоставленные и охраняемые правительством. Свободная конкуренция, заявляют они, устранила бы монополию и связанные с ней беды.

Индивидуалистические анархисты, наследники Штирнера и Такера, а также анархисты, восходящие к Толстому и верящие в ненасилие, не имеют какого-либо чёткого плана хозяйственной жизни при анархии. Мютюалисты, напротив, предлагают вполне определённую новую хозяйственную систему. Вместе с их учителем, французским философом Прудоном, они верят в то, что кооперативные банки и беспроцентные кредиты служат наилучшей формой общества без правительства. Согласно их теории, свободный кредит, дающий каждому возможность ссужать каждого деньгами без всяких процентов, будет способствовать выравниванию дохода, сокращению прибыли до минимума и тем самым устранению богатства и бедности. Свободный кредит и конкуренция на открытом рынке, говорят они, привели бы к социальному равенству, а ликвидация правительства гарантировала бы равную свободу для всех. Общественная жизнь в сообществе и мютюалистов, и индивидуалистов, была бы основана на святости свободного соглашения, свободного договора.

Я представил здесь взгляды индивидуалистических анархистов и мютюалистов лишь в самых общих чертах. В задачи этой книги не входит детально обсуждать те анархические идеи, которые автор считает ошибочными и неосуществимыми. Как коммунистический анархист, я желал бы прояснить читателю взгляды, которые сам считаю наилучшими и наиболее разумными. Считаю, однако же, справедливым проинформировать вас о существовании и других, некоммунистических анархистских теорий.

Глава 7. Почему революция?

Давайте вернёмся к нашему вопросу: «Как можно осуществить анархию? Как мы можем этому помочь?».

Этот пункт очень важен, поскольку в любой проблеме приходится обращать внимание на две решающие вещи: во-первых, следует знать, чего хочешь, а во-вторых, как этого достигнуть.

Мы точно знаем, чего хотим. Мы хотим общества, в котором все свободны и все имеют возможность удовлетворять свои потребности на основе равной свободы для всех и осуществлять свои представления. Иными словами, мы хотим свободного, кооперативного общества коммунистического анархизма.

И как же его достичь?

Мы – не пророки, и никто не в состоянии сказать с точностью, как это может протекать. Но мир возник не вчера, и человек, как существо разумное, должен пользоваться опытом прошлого.

Итак, в чём же состоит этот опыт? Если вы бросите на историю хотя бы самый беглый взгляд, то увидите, что она была для человека борьбой за существование. В каменном веке он, предоставленный сам себе, боролся против диких лесных зверей и бессильно противостоял голоду, холоду, темноте и бурям. Из-за его невежества все силы природы были ему враждебны: они несли ему несчастье и смерть, он же один был бессилён бороться с ними. Но со временем человек научился действовать вместе со своими сородичами, вместе они искали безопасности и укрытия. В сообществе они пытались поставить энергию природы себе на службу. Взаимопомощь и сотрудничество постоянно умножали силу и ловкость человека, пока ему не удалось подчинить природу, заставить её силы служить ему, заковать в цепи молнию, перегородить мостами океан и даже покорить воздух.

Подобным же образом невежество и страх превращали жизнь в непрерывную борьбу человека против человека, семьи против семьи, племени против племени, пока люди не поняли, что если они будут действовать вместе, предпримут совместные усилия и будут помогать друг другу, они сумеют достичь большего, чем путём споров и вражды. Современная наука показывает, что даже животные научились этому в своей борьбе за существование[7]. Некоторые виды выжили, когда перестали бороться между собой, стали жить стадами и таким образом смогли обороняться от других диких животных. Чем больше люди заменяли взаимную борьбу совместными действиями и сотрудничеством, тем лучше

шли они вперёд, избавлялись от варварства и цивилизовывались. Семьи, которые до тех пор боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, соединялись вместе и образовывали группу; группы объединялись и становились племенами, а племена соединялись в нацию. Тупо и упрямо, нации всё ещё борются друг с другом, но и они начинают учить те же уроки и ищут теперь новых путей для того, чтобы остановить международную бойню, которая называется войною.

К несчастью, в социальном отношении мы всё ещё пребываем на стадии варварства: группы борются с группами, классы – с классами. Но и здесь люди постепенно начинают видеть, что война бессмысленна и разрушительна, что мир велик и достаточно богат, чтобы радовать всех, подобно солнцу, и что объединённое человечество достигло бы большего, чем такое, которое расколото на взаимно противоборствующие силы.

То, что именуется прогрессом, представляет собой именно такое осуществление единства и является шагом в этом направлении.

Весь прогресс человечества основан на стремлении к большей безопасности и миру, большей защищённости и благополучию. Его естественный импульс стремится к взаимопомощи и совместным усилиям; его самый сильный инстинкт требует свободы и радости. Эти склонности ищут своего выражения и утверждают себя, несмотря на все препятствия и трудности. Вся история человека учит, что ни силы природы, ни сопротивление других людей не могут остановить его на этом пути вперёд. Если бы меня попросили выразить цивилизацию одним-единственным предложением, то я бы сказал, что это торжество человека над властью природной и человеческой тьмы. Мы победили враждебные силы в природе, но нам ещё приходится вести борьбу с тёмными силами людей.

История не может похвастаться ни одним социальным улучшением, которое не наталкивалось бы на сопротивление господствующих сил – церкви, правительства и капитала. Ни один шаг вперёд не делался без того, чтобы ломать сопротивление господ. Любой прогресс требовал ожесточённой борьбы. Множество боёв, бунты, восстания и революции потребовались для того, чтобы уничтожить рабство, феодализм и крепостничество, а также гарантировать самые фундаментальные права человека. Гражданские войны были необходимы для того, чтобы уничтожить абсолютную власть королей и создать демократию, чтобы завоевать больше свободы и благосостояния для масс. Нет ни одной страны на Земле, ни одной исторической эпохи, когда какое-нибудь крупное социальное зло не было устранено без ожесточённой борьбы с властью, какой бы она ни была. Ещё не так давно только революции смогли низвергнуть царизм в России, кайзера в Германии, султана в Турции, монархию в Китае и аналогичные власти в самых различных странах.

Нет ни одного сообщения о каком-либо правительстве, какой-либо власти, какой-нибудь группе или каком-нибудь классе, которые добровольно отказались бы от своей власти и господства. Всегда оказывалось необходимым прибегнуть к силе или, по меньшей мере, к угрозе её применения.

Есть ли какие-то разумные основания для предположения, что власть или капитал внезапно передумают и в будущем поведут себя иначе, чем делали это в прошлом?

Ваш разумный здравый смысл подскажет вам, что это было бы тщетной и безумной надеждой. Правительство и капитал будут *сражаться* за то, чтобы сохранить власть. Они делают это даже сейчас, при малейшей угрозе их привилегиям. Они будут бороться за существование всеми мыслимыми средствами.

Вот почему не надо быть пророком, чтобы утверждать, что в один прекрасный день должно будет дойти до решительной борьбы между ограбленными классами и их господами.

На самом деле эта борьба уже идёт. Это постоянная борьба между капиталом и трудящимися. Обычно она ведётся в так называемых законных рамках. Но даже эти конфликты временами ведутся с применением силы, как это бывает при забастовках и локаутах, поскольку вооружённая рука правительства всегда на службе у господ, и эта рука всякий раз пускается в ход, как только капитал видит угрозу для своих прибылей. Тогда он сбрасывает маску «общих интересов» и «партнёрства» с трудящимися и ищет прибежища в последнем аргументе – принуждении и насилии.

Вот почему совершенно ясно, что правительство и капитал, если только они сумеют предотвратить это, никогда не допустят, чтобы их ликвидировали незаметно. Точно так же они не «исчезнут» чудесным образом сами по себе, как это полагают некоторые. Чтобы избавиться от них, понадобится революция.

Есть люди, которые при упоминании слова «революция» недоверчиво усмехнутся. «Это невозможно!» – уверяют они. Но так же думали Людовик XIV и Мария-Антуанетта во Франции, всего за несколько недель до того, как они потеряли трон вместе с головой. Так же думали аристократы при дворе царя Николая II буквально накануне изгнавшего их восстания. «Не похоже, что может случиться революция», – аргументирует поверхностный наблюдатель. Но в том-то и особенность революций, что они вспыхивают как раз тогда, когда «не похоже», что она вот-вот произойдёт. Наиболее дальновидные современные капиталисты, однако, не желают идти на риск. Они знают, что восстания и революции возможны в любой момент. Поэтому крупные акционерные общества и предприниматели – особенно в Америке – начали вводить новые методы, которые должны служить громоотводом для всеобщего недовольства и восстаний. Они вводят премии для своих служащих, участие в прибылях и подобные методы, которые служат лишь одной цели – успокоить работника и финансово заинтересовать его в процветании индустрии. Такие методы могут временно ослепить пролетария, помешать ему видеть свои подлинные интересы. Но не думайте, что рабочий всегда будет доволен своим наёмным рабством, даже если ему время от времени золотить клетку. Улучшение материальных условий – не гарантия от революции. Наоборот, удовлетворение наших желаний создаёт новые потребности и стремления. Такова человеческая природа, и именно это делает возможными улучшения и прогресс. Недовольство работника нельзя задуть дополнительным куском хлеба, даже если он намазан маслом. Поэтому восстания в индустриальных центрах Европы, живущей лучше более отсталых Азии и Африки, сознательнее и активнее. Человеческий разум будет мечтать о большем комфорте и большей свободе, и те, кто действительно

претворят эту тягу в дальнейший прогресс – это массы. Надежды современной плутократии предотвратить революцию, бросая рабочему время от времени более крупную кость, иллюзорны и беспочвенны. Новая тактика капитала на время, как кажется, успокаивает трудящихся, но их продвижение вперёд нельзя остановить такой экстренной помощью. Ликвидация капитализма, несмотря на все программы и сопротивление, неминуема и может быть достигнута только революцией.

Может ли отдельный работник что-нибудь сделать против крупных корпораций? Может ли маленький профсоюз заставить крупного предпринимателя уступить его требованиям? Капиталистический класс организован в борьбе с рабочими. Само собой разумеется, что революция может оказаться успешной, только если трудящиеся объединены, если они организованы во всей стране, если пролетариат всех стран действует сообща, ведь капитал интернационален, и при каждой крупной проблеме господа объединяются против трудящихся. Поэтому, например, плутократия всего мира обратилась против российской революции. Пока русские хотели всего лишь убить царя, международный капитал не вмешивался, ему было безразлично, какая политическая форма будет существовать в России, пока правительство останется буржуазным и капиталистическим. Но как только Россия принялась ликвидировать капиталистическую систему, правительства и буржуазии всех стран объединились, чтобы задавить её. Они увидели в этом угрозу для сохранения их собственного господства.

Запомните это хорошенько, друг мой. Потому что есть разные революции. Одна меняет только форму правления, ставя одну группу новых господ на место старых. Это политическая революция, и как таковая, она редко встречает сопротивление. Другая же революция, которая направлена на то, чтобы уничтожить всю систему наёмного рабства, должна и ликвидировать власть класса, дающую ему возможность угнетать других. Это означает, что речь уже идёт больше не о простой замене правителей, правительства, не о политической революции, а о такой, которая меняет самую суть общества. Это была бы уже социальная революция. Ей пришлось бы вести борьбу не только с правительством и капиталистами, но и преодолевать сопротивление широко распространённого невежества и предрассудков тех, кто верит в правительство и капитализм.

Как же в таком случае её можно осуществить?

Глава 8. Важна идея

Задавались ли вы когда-нибудь вопросом, почему же правительство и капитализм до сих пор существуют, несмотря на все беды и неприятности, которые они несут миру?

Если вы это делали, то ваш ответ должен звучать так: причина может быть только в том, что люди поддерживают эти учреждения, а поддерживают они их потому, что *верят* в них.

Вот в этом-то и состоит вся проблема: общество основано на вере людей в то, что существующие институты хороши и полезны. Такая вера покоится на идее авторитета и частной собственности. Именно эти идеи поддерживают такое состояние. Правительство и капитализм – это формы, в которых выражаются более общие идеи. Идеи образуют фундамент, институты же – есть тот дом, который строится на нём.

Новая общественная структура должна иметь и новый фундамент, в её основе должны лежать новые идеи. Как бы сильно вы ни меняли форму того или иного института, его суть и значение останутся теми же, если не затронут сам фундамент. Всмотритесь внимательнее в жизнь, и вы увидите истинность этого утверждения. На свете существует великое множество всевозможных видов и форм правления, но их существо повсюду одинаково, а их воздействие – одно и то же: они всегда ведут к авторитету и повиновению.

Так чем же поддерживаются правительства? Армиями и флотом? Да, но только на первый взгляд. Чем в таком случае поддерживаются армии и флот? Верой людей, масс в то, что правительство необходимо, принимаемой всеми идеей о *необходимости* правительства. Таков их действительный и прочный фундамент. Без этих идей или этой веры ни одно правительство не просуществовало бы и лишнего дня.

То же самое относится и к частной собственности. Идея о том, что она правильна и необходима, служит тем столбом, который поддерживает её и гарантирует ей безопасность.

Сегодня не существует ни одного учреждения, которое бы не было основано на широко распространённой вере в то, что оно – вещь хорошая и необходимая.

Возьмём для примера США. Спросим себя, почему революционная пропаганда в этой стране добилась столь малого успеха, несмотря на продолжающиеся уже 50 лет усилия социалистов и анархистов? Разве американский рабочий не подвергается даже более сильной эксплуатации, чем в других странах? Разве политическая коррупция господствует до такой степени хоть в какой-нибудь другой стране? Разве капиталистический класс в Америке – не самый самовольный и деспотичный в мире? Конечно, рабочий в США материально обеспечен лучше, чем рабочий в Европе, но разве он не подвергается в то же самое время террору и куда большим жестокостям, если осмеливается проявить хоть малейшее недовольство? Но, тем не менее, американский рабочий остаётся верным своему правительству и первым встаёт на его защиту от любой критики. Он всё ещё остаётся

наиболее рьяным поборником этих «великолепных и благородных институтов величайшей страны на Земле». Почему? Да потому, что он верит, что это его институты, что это он руководит ими как суверенный и свободный гражданин и что он может изменить их, когда только захочет. Именно его вера в существующий порядок и служит самой главной гарантией от революции. Его вера глупа и неправомерна, и в один прекрасный день она рухнет, а вместе с ней – американский капитализм и деспотизм. Но пока эта вера существует, американская плутократия может не бояться революций.

Когда люди становятся умнее, когда они развивают новые идеи и утрачивают доверие к старым верованиям, тогда постепенно меняются и институты, пока, наконец, не ликвидируются совсем. Люди медленно начинают понимать, что их прежние идеи были ложными, что они соответствовали не истине, а предрассудкам и суевериям.

В этом отношении многие идеи, которые некогда считались истинными, должны рассматриваться как ложные и дурные. К примеру, представление о королевской власти, рабстве и крепостничестве волею бога. Было время, когда весь мир верил, что эти учреждения являются правильными, справедливыми и неизменными. По мере того, как прогрессивные мыслители разворачивали борьбу с приведёнными суевериями и ложными взглядами, те начали пользоваться дурной славой, теряли поддержку людей, и, наконец, институты, основанные на этих представлениях, упразднились. Интеллектуалы скажут вам, что эти учреждения «утратили свою полезность» и поэтому «отмерли». Но как они «утратили свою полезность»? Кому они были полезны и как они «отмерли»?

Мы уже знаем, что они были полезны только господствующим классам и уничтожены народными восстаниями и революциями.

Почему старые, ставшие непригодными учреждения не «исчезли» сами по себе и не скончались тихо и мирно?

Причин здесь две. Во-первых, потому что одни люди думают иначе, чем другие. Так и получается, что некое меньшинство развивает те или иные идеи раньше, чем другие люди той же местности. Чем сильнее это меньшинство прониклось этими новыми идеями, тем больше оно убеждено в их правильности, и чем сильнее оно себя ощущает, тем скорее оно захочет осуществить эти идеи, причём обыкновенно это бывает ещё до того, как большинство приходит к тому же новому сознанию. Это означает, что меньшинству приходится вести борьбу против большинства, которое всё ещё держится за старые взгляды и условия.

Во-вторых, следует упомянуть сопротивление тех, кто стоит у власти. Неважно, церковь ли это, король или император, демократическое правительство или диктатура, республика или самодержавие – власть имущие будут до последнего момента ожесточённо сражаться за власть, пока у них есть хоть малейшие шансы на успех. И чем большую поддержку они получают от медленно думающего большинства, тем большее сопротивление они смогут оказать. Отсюда и ожесточённость бунтов и революций.

Отчаяние масс, ненависть к тем, кто несёт ответственность за их нужду, и решимость господ удерживать свои привилегии и своё господство выливаются в насилие в ходе восстаний и бунтов.

Но слепой бунт без определённой цели и смысла не есть революция. Революция – это бунт, сознающий свои цели. Революция является *социальной*, если сражается за *коренные* перемены. Поскольку фундамент жизни – это экономика, социальная революция ведёт к реорганизации промышленности и экономики страны и, следовательно, всей структуры общества.

Но мы уже видели, что любая общественная структура основана на определённых идеях. А это означает, что изменению структур предшествует изменение идей. Иными словами, прежде чем будет построена новая структура общества, *сначала* должны быть изменены идеи в обществе.

Поэтому социальная революция – это не случайное и внезапное событие. Ничего в ней не является внезапным, поскольку идеи внезапно не меняются. Они медленно и постепенно прорастают, как растения и цветы. Вот почему социальная революция – это результат, процесс, она эволюционна. Она развивается до момента, когда осязаемое число людей воспримет новые идеи и захочет решительно претворить их в жизнь. Когда оно попытается это сделать и встретит сопротивление, медленное и мирное социальное развитие быстро превратится в воинственное и бурное. Эволюция переходит в революцию.

Заметьте, что эволюция и революция есть не две различные и отдельные друг от друга вещи. Они отнюдь не противоположны, как, наверное, полагают иные. Революция – всего лишь точка кипения эволюции.

Поскольку революция – это дошедшая до точки кипения эволюция, вы не можете «сделать» революцию, подобно тому, как вы не можете ускорить кипение чайника. Вариться воду в чайнике заставляет огонь. И именно от силы огня зависит, как скоро жидкость достигнет точки кипения.

Экономическая и политическая ситуация в стране и есть тот огонь под чайником эволюции. Чем сильнее гнёт и чем больше недовольство людей, тем мощнее пламя. Это служит объяснением того, почему огонь социальной революции разлился по России, самой тиранической и отсталой стране, а не по Америке, где индустриальное развитие достигло вершины – и это вопреки всем учёным высказываниям Карла Маркса.

Итак, мы видим, что, хотя сами революции не могут быть сделаны, момент их начала может быть ускорен определёнными факторами. А именно: давлением сверху, ужесточением политического и экономического гнёта, давлением снизу, более активной агитацией и просвещением. Последние распространяют идеи, двигают развитие вперёд и тем самым приближают момент революции.

Но хотя давление сверху и ответственно, в конечном счёте, за момент начала революции, оно же может привести революцию к поражению, тогда, когда революция слишком опережает эволюционный процесс. При не созревших условиях она выгорает в голый бунт.

Это значит, что у неё нет ясной и осознанной цели, и она останется без последствий. Бунт может в лучшем случае принести некоторые временные улучшения, но он не доходит до самых корней, и те по-прежнему остаются источником недовольства и бунта.

Если мы подытожим то, что я сказал о революции, то придём к таким выводам:

1. социальная революция – это такая революция, которая полностью меняет фундамент общества, его политический, экономический и социальный характер;
2. это изменение должно произойти сначала в идеях и взглядах людей, в их умах;
3. гнёт и нищета могут ускорить революцию, но могут тем самым и способствовать её поражению, поскольку недостаточность времени для подготовки революции делает невозможным её действительное завершение;
4. только такая революция может быть фундаментальной, социальной и успешной, которая ведёт к изменению основополагающих идей и взглядов.

Отсюда со всей очевидностью вытекает, что социальная революция должна быть подготовлена. Подготовлена в смысле содействия эволюционному процессу, просвещения людей относительно недостатков современного общества и убеждения их в том, что жизнь в обществе на основе свободы желательна и возможна, справедлива и реальна. Подготовлена тем, что массам будет дано ясно осознать, чего же им действительно нужно и как они могут этого достичь.

Подобная подготовка служит не только абсолютно необходимым первым шагом. В ней состоит и единственная гарантия того, что революция сможет достичь своих целей.

Судьба многих революций определялась тем, что из-за недостаточной подготовки их отвлекали от главной цели, использовали в чуждых им интересах и заводили в тупик. Наилучшим из недавних примеров этого служит Россия. Февральская революция, целью которой было свержение самодержавия, имела полный успех. Люди точно знали, чего хотели: ликвидировать царизм. Все махинации политиков, красноречие и планы Львова и Милюкова – «либеральных» вождей того времени – не смогли спасти режим Романовых перед лицом ясной и осознанной воли людей. Именно это ясное сознание февральской революцией своих целей и принесло ей полный успех – заметим, почти без кровопролития.

К тому же, ни призывы, ни угрозы Временного правительства так и не смогли ничего поделать с решимостью масс прекратить войну. Армии покидали фронт и прекращали дело своим прямым действием. Воля народа, сознающего свои цели, всегда побеждает.

И опять-таки волей людей – их твёрдой целью – было взять в свои руки владение землёй, которая давала пропитание крестьянину. Точно так же рабочие в городах, как уже неоднократно упоминалось, заняли фабрики и производственные объекты.

До этого момента российская революция была полностью успешной. Но её поражение наметилось в тот самый момент, когда массы потеряли из виду твёрдую цель революции.

Такое всегда происходит, когда вмешиваются политики и политические партии и используют революцию в своих собственных интересах либо опробуют на ней свои теории. Так и произошло в российской революции, как и во многих других, предыдущих. Люди вели справедливую борьбу, политические же партии боролись за добычу во вред революции и в ущерб людям.

Именно это и произошло в России. После того, как крестьянин отвоевал свою землю, ему не доставало необходимых инструментов и машин. Рабочий взял в свои руки машины и фабрики, но не знал, как использовать их ради собственных целей. Иными словами, у него не было необходимого опыта, чтобы организовать производство, и он не умел распределять произведённые продукты.

Своим действием рабочие, крестьяне и солдаты низвергли царизм, парализовали правительство, закончили войну и отменили частную собственность на землю и производственные объекты. К этому они были подготовлены долгими годами революционного опыта и агитации. Но ни к чему большему. И поскольку они оказались столь неподготовленными, на сцену выступила политическая партия. Она забрала происходящее из рук революционных масс именно тогда, когда им больше не хватало знаний, и они уже не сознавали ясно цель революции. Политика заняла место экономической реорганизации и тем самым отбила похоронный звон по социальной революции: ибо люди живут хлебом, тем, что они создали, но не политикой.

Продукты питания и потребительские блага не создаются указом правительства или партии. Предписания законов не возделывают землю. Законы не могут заставить возвращаться шестерёнки машин. Недовольство, ссоры и голод шли следом за насильственным вмешательством правительства и диктатурой. Как и всегда, политика и авторитет здесь показали себя болотом, в котором гаснут огни революции.

Прочувствуем же этот исключительно важный урок всем сердцем: только верное понимание массами подлинных целей революции ведёт к успеху. Только осуществление их представлений на деле ими же самими гарантирует развитие новой жизни в правильном направлении. Недостаток же такого понимания и подготовки ведёт к неминуемому поражению – либо от рук реакции, либо как результат не перебродивших теорий мнимых друзей из политических партий.

Так что будем готовиться.

Но к чему и как? Глава 8. Важна идея

Глава 9. Подготовка

«Готовься к революции! – воскликнет ваш приятель. – Разве такое возможно?»

Да. Это не только возможно, но и жизненно необходимо.

«Вы имеете в виду тайную подготовку, вооружённые группы и людей, которые будут сражаться?» – спросите вы.

Нет, друг мой, вовсе не это.

Если бы социальная революция исчерпывалась уличными боями и строительством баррикад, тогда действительно была бы уместна именно такая подготовка, о которой вы подумали. Но это не революция, этап боёв составляет лишь очень малую и не столь значительную её часть.

Правда состоит в том, что революции в наше время разрешаются не на баррикадах. Они принадлежат истории. Социальная революция – вещь совершенно иная по форме и куда более значительная: она включает реорганизацию заново всей общественной жизни. Вы наверняка согласитесь с тем, что таковой невозможно достичь одними только сражениями.

Конечно, мы должны устранить все препятствия, которые стоят на пути социальной реорганизации. Следует напомнить, что средства для такого преобразования должны быть захвачены самими массами. В настоящее время эти средства находятся в руках правительства и капитализма, а те станут сопротивляться любым попыткам отнять у них эту власть и собственность. Такое сопротивление принесёт с собой борьбу.

Не забывайте о том, что эта борьба не является ни главным делом, ни целью революции. Это всего лишь введение, прелюдия к ней.

Крайне необходимо, чтобы вы поняли это правильно. Большинство людей имеют лишь самые смутные представления о революции. Они видят в ней только борьбу и разрушение. Это как если бы вы сочли закатывание рукавов для предстоящей вам работы уже самой этой работой. Фазу борьбы можно сравнить с таким закатыванием рукавов. Действительно, настоящая задача, которую вам надлежит решить, ещё только начинается.

Что же это за задача?

«Необратимое изменение существующих условий», – ответите вы.

Верно. Но условия не изменяются ломкой и разбиванием вещей. Ведь вы не сможете уничтожить наёмное рабство, опустошив устройства на заводах и фабриках, не так ли? Вы не уничтожите правительство, если подожжёте Белый дом.

Понимание революции исключительно в терминах насилия и разрушения приводит лишь к непониманию и искажению всей идеи. Если подобное понимание и впрямь будет реализовано на практике, это приведёт лишь к неминуемо катастрофическим последствиям.

Когда такой великий мыслитель, как знаменитый анархист Михаил Бакунин, говорил о революции как о разрушении, то он имел в виду необходимость уничтожения идеи авторитета и повиновения. Именно поэтому он мог говорить о творческом характере разрушения, потому что когда разрушается ложная вера – это всегда в высшей степени творческое созидательное дело.

Но средний человек, а нередко даже сам революционер, бездумно ведёт речь о революции как о чём-то, что действует разрушительно исключительно в физическом смысле слова. Такой взгляд неверен и опасен. И чем скорее мы от него откажемся, тем лучше.

Революция, особенно революция социальная, – это *не разрушение, а созидание*. Это следует подчёркивать как можно чаще. Если мы этого не осознаем, то революция останется только разрушительной и тем самым всегда будет обречена. Разумеется, революция всегда сопровождается насилием, но в таком случае можно утверждать, что и строительство нового дома на месте старого разрушительно, потому что сперва нужно снести старое здание. Революция – это высшая точка определённого процесса эволюции. Она начинается насильственным переломом. Но он, подобно засученным рукавам, есть лишь подготовка к *началу настоящей работы*.

Подумайте о том, что должна сделать социальная революция и чего она должна достичь, и вы поймёте, что она приходит не для того, чтобы разрушить, но для того, чтобы строить.

Что в действительности необходимо разрушить?

Богатство богачей? Нет, им должно пользоваться всё общество.

Землю, поля, шахты, железные дороги, фабрики и мастерские? Мы хотим не разрушить их, а обратить на пользу всем людям.

Телеграфы, телефоны, средства коммуникации и информации – разве мы хотим их разрушить? Нет, мы хотим, чтобы они удовлетворяли потребности всех.

Так что же вообще разрушает социальная революция? Речь идёт о том, чтобы взять вещи ради всеобщей пользы, а не разрушить их. Следует реорганизовать заново условия для всеобщего благосостояния.

Не разрушение является целью революции, а восстановление и возрождение.

К этому необходимо подготовиться, ведь социальная революция – это не библейский мессия, который вершит свою миссию на основе простого предписания или приказа. Революции нужны руки и разум людей. И они, эти люди, должны осознавать цели революции, чтобы направлять её. Они должны знать, чего они хотят и как этого можно достичь. Путь, который им предстоит пройти, определяется той целью, к которой следует

стремиться. Потому что цель определяет средства, подобно тому, как вы должны посеять определённые семена, чтобы вырастить нужное вам растение.

Так в чём же состоит подготовка к социальной революции?

Если ваша цель состоит в том, чтобы отстоять свободу, вам следует сперва научиться обходиться без авторитета и принуждения. Если ваше намерение состоит в том, чтобы жить в мире и гармонии с другими людьми, то все должны относиться друг к другу по-братски и уважать друг друга. Если вы хотите сотрудничать для общей пользы всем людям, вы должны осуществлять такую кооперацию на практике. Социальная революция выходит далеко за рамки реорганизации условий жизни. Она влечёт за собой возникновение новых человеческих ценностей и социальных отношений, изменение отношения человека к человеку, то есть свободного и независимого человека к своему равноправному партнёру. Она предполагает совершенно иной образ мышления в индивидуальной и коллективной жизни, и такое настроение не может появиться в один день. Этот дух надлежит растить и лелеять, как очень нежный цветок, ведь это и есть цветок новой прекрасной жизни.

Не обманывайте себя глупой поговоркой о том, что «всё наладится само собой». Ничто и никогда не улаживалось само собой, тем более – отношения между людьми. Сами люди улаживают и устраняют всё, и действуют они сообразно своим взглядам и своему пониманию вещей.

Новые ситуации и изменившиеся условия заставляют нас иначе чувствовать, мыслить и действовать. Но и сами новые условия могут возникнуть лишь как результат новых чувств и идей. Именно таким новым условием является и социальная революция. Мы должны научиться мыслить иначе прежде, чем сможет наступить революция. Только это делает революцию возможной.

Мы должны научиться иначе думать о правительстве и авторитете, потому что пока мы думаем и действуем так, как сегодня, нетерпимость, преследования и угнетение сохранятся, даже если будет ликвидировано организованное правительство. Мы должны научиться уважать человеческую природу другого человека, не вмешиваться в его жизнь и считать его свободу столь же священной, как и наша собственная. Научиться уважать его свободу и личность, отречься от любого принуждения. Мы должны понять, что лекарство от всех бед свободы – это ещё большая свобода. Что свобода – мать порядка.

Далее, мы должны научиться, что равенство означает равную возможность, что монополия – это его отрицание, и что только братство оберегает равенство. Мы можем этому научиться, только освободившись от ложных идей капитализма, моего и твоего, от узколобого понятия собственности.

Учась всему этому, мы будем вращаться в дух подлинной свободы и солидарности и узнавать на опыте, что свободное соединение людей есть душа всякого достижения. Тогда мы поймём, что социальная революция – это плод сотрудничества, солидарного и общего действия.

Возможно, вы скажете, что этот процесс идёт слишком медленно, что усилия потребуют чересчур много времени. Да, я допускаю, что это – не лёгкая задача. Но спросите себя: разве лучше построить новый дом быстро, но плохо, так что он, вероятно, обрушится вам на голову, чем строить, как полагается, пусть даже это требует большего и более напряжённого труда?

Подумайте о том, что социальная революция воплощает свободу и благосостояние всего человечества, и от неё зависит полное и окончательное освобождение трудящихся. Учтите также, что если работа выполнена плохо, все усилия и страдания становятся напрасными или даже, хуже того, в результате плохо осуществлённой революции старая тирания просто сменяется другой, которая из-за своей новизны незаметно обретает собственную жизнь. Тогда вновь откованные цепи будут ещё прочнее прежних.

Помните и о том, что социальная революция, которую мы имеем в виду, должна завершить работу многих поколений, ведь вся история человечества была борьбой за свободу и против рабства, за социальное благополучие и против нищеты и нужды, за справедливость и против несправедливости. То, что мы называем прогрессом, было полным страданий, но постоянным продвижением в направлении ограничения авторитета и правительственной власти, расширения прав и свобод как отдельного человека, так и масс в целом. Эта борьба продолжалась тысячи лет. Причина того, что она продолжалась так долго – и не завершена до сих пор – состоит в том, что люди не понимали действительных трудностей. Они боролись против того или другого, они меняли королей, создавали новые правительства, свергали одного властителя только с тем, чтобы сменить его новым, изгоняли «иностранный» угнетателя, только чтобы попасть под иго «своего», местного, уничтожали одну форму тирании, например, царя, и попадали под власть партийной диктатуры, и каждый раз они проливали свою кровь и героически жертвовали жизнями в надежде добиться свободы и благополучия.

Но они находили лишь новых господ, потому что, как бы отчаянно и впечатляюще они ни боролись, никогда не затрагивали *действительный корень зла – принцип авторитета и правительства*. Они не понимали, что именно эти явления – источники их порабощения и угнетения, и поэтому им так никогда и не удавалось добиться свободы.

Но сегодня мы знаем, что действительная свобода не имеет ничего общего со сменой королей и правителей. Мы знаем, что должна быть уничтожена вся система господ и рабов, что вся социальная система ложна, что необходимо ликвидировать правительство и принуждение, что авторитет и монополию нужно вырвать с корнем. Вы всё ещё думаете, что подготовка к такой великой задаче слишком сложна, чтобы ею заниматься?

Так что давайте закрепим в своём представлении всю степень важности подготовки к социальной революции, правильной подготовки.

«Но каковы же правильные действия? – спросите вы. – И кто должен осуществлять подготовку?»

Кто должен? Ну, прежде всего, вы и я – все, кто хотят помочь в её осуществлении. А вы и я в данном случае – это каждый мужчина, каждая женщина, по крайней мере, честный мужчина и честная женщина, ненавидящие угнетение и любящие свободу, каждый, кто больше не может выносить нужду и несправедливость, которые сегодня правят миром.

И прежде всего те, кто больше всего страдали от существующих условий – наёмного рабства, униженности и попрания достоинства.

«Рабочие, разумеется», – скажете вы.

Да, рабочие. В их интересах, как крайних жертв нынешних институтов, уничтожить эти институты. Было совершенно справедливо, что освобождение трудящихся может быть достигнуто только самими трудящимися, потому что никакой другой класс в обществе им этого не даст. Однако же освобождение трудящихся должно одновременно повлечь за собой освобождение всего общества, поэтому некоторые люди говорят об «исторической миссии» рабочего, которая должна привести к лучшим дням.

Но «миссия» – неверное слово. Оно заставляет подумать о долге или задаче, которая ставится перед кем-то извне, какой-то внешней силой. Такое представление неверно и вводит в заблуждение; оно выражает по сути религиозное, метафизическое ощущение. Если освобождение работника действительно является «исторической миссией», то история позаботится о том, чтобы она осуществилась, независимо от того, что мы думаем, чувствуем или даже делаем для этого. Подобный взгляд делает человеческие усилия бессмысленными и излишними, потому как «что должно быть, то и сбудется». Такое странное представление разрушает любую инициативу и свободу воли и разума человека.

Это опасная и вредная идея. Нет никакой власти вне самого человека, которая могла бы его освободить и облечь некоей «миссией». Этого не могут ни Небеса, ни история. История – это рассказ о том, что было. Она может преподать урок, но не поставить задачу. В освобождении от рабства – не «миссия» пролетариата, а его *интерес*. Если трудящиеся не будут сознательно и активно бороться за это, оно никогда не произойдёт. Нам следует освободиться от глупого и неверного понятия «исторической миссии». Только если массы придут к правильному пониманию своего нынешнего положения, правильной оценке своих возможностей и сил, научатся единству и сотрудничеству и станут осуществлять их на практике, тогда они завоюют свободу. И на пути к ней они освободят всё человечество.

Вот почему пролетарскую борьбу начинает каждый, и все честные мужчины и женщины должны стоять на стороне пролетариата в его великой задаче. Хотя лишь трудящиеся могут совершить дело освобождения, они нуждаются в помощи со стороны других групп общества. Ведь они не должны забывать о том, что социальная революция открывает построение новой цивилизации – делу, которое требует величайшей революционной целостности и мудрого взаимодействия всех свободолюбивых сил доброй воли. Мы уже знаем, что при социальной революции речь идёт не только о ликвидации капитализма. Мы можем прогнать капитализм, как мы избавились от феодализма, и, тем не менее, остаться такими же рабами, какими были прежде. Вместо того, чтобы быть рабами частной монополии, как до сих пор, мы можем стать рабами государственного капитализма, как это

случилось, например, с людьми в России, дела в Италии[8] и других странах идут сейчас в том же направлении.

Социальная революция – и об этом нельзя забывать – не станет заменять один вид угнетения другим. Она уничтожит всё, что может поработать и угнетать вас.

Политическая революция может быть успешно завершена какой-нибудь нелегально работающей монополией, которая поставит на место одной правящей клики другую. Но социальная революция – это не только политическое изменение. Она – основополагающее экономическое, этическое и культурное преобразование. Конспиративное меньшинство или политическая партия, предпринимающие подобную попытку, должны будут натолкнуться на активное и пассивное сопротивление подавляющего большинства людей и потому выродятся в систему диктатуры и террора.

Столкнувшись с враждебно настроенным большинством, социальная революция будет с самого начала обречена на поражение. Это значит, что первая ступень подготовки к революции состоит в завоевании большинства масс на сторону революции и её целей. Как минимум, массы должны превратиться из активных врагов в пассивных сторонников, что, в конечном счёте, нейтрализует их, так что если они и не будут выступать в поддержку революции, хотя бы не станут бороться против неё.

Настоящее, действительное дело социальной революции должно, конечно же, осуществляться самими рабочими, трудящимися людьми. И не забудьте при этом, что к рабочим принадлежат не только люди на фабриках, но и крестьяне. Некоторые радикалы склоняются к тому, чтобы переоценивать роль промышленного пролетариата, игнорируя почти полностью существование пролетариата сельскохозяйственного. Но что может сделать фабричный рабочий без крестьянина? Сельское хозяйство – это важнейший фактор жизни, город без деревни умер бы с голоду. Незачем сравнивать промышленного и сельскохозяйственного работника или спорить об их важности. Ни один из них не может прожить без другого; оба одинаково важны в жизненной схеме – и точно так же в революции и построении нового общества.

Правда, что революции вспыхивают сперва в промышленных районах, по крайней мере, раньше, чем в сельскохозяйственных. Это естественно, поскольку в первых наблюдается большее скопление трудящегося населения, а вместе с тем – и недовольства. Но если промышленный пролетариат служит аванпостом революции, то сельскохозяйственный работник – её хребет. Если последний слаб или сломан, аванпост и сама революция погибнут.

Поэтому социальная революция – в руках их *обоих*, как промышленного, так и сельскохозяйственного работников. К сожалению, надо признать, что между ними слишком мало взаимопонимания, и почти нет дружбы или прямого сотрудничества. Что ещё хуже – хотя это прямое следствие предыдущего – существуют известное отторжение и вражда между пролетариями поля и фабрики. Горожанин слишком мало ценит тяжёлый, изнуряющий труд крестьянина, который инстинктивно обижен на него за это. Да и крестьянин склонён смотреть на рабочего из города как на тунеядца, потому что сам он тоже не знаком с напряжённой и нередко опасной работой на фабрике. Большое сближение

и взаимопонимание между обоими крайне необходимо. Капитализм процветает даже не столько за счёт разделения труда, сколько за счёт разделения между работниками. Он пытается натравливать одну расу на другую, фабричных рабочих – на сельских, неквалифицированных работников – на квалифицированных, рабочих одной страны – на рабочих другой. Власть эксплуатирующего класса стоит на разъединённых, разделённых трудящихся. Но социальная революция нуждается как раз в *единстве* трудящихся масс и, прежде всего, в сотрудничестве между пролетариатом и его братом, работающим на земле.

Далеко идущее сближение их обоих – важнейший шаг в подготовке социальной революции. Настоящий контакт между ними крайне важен. Совместные Советы, обмен делегатами, система кооперативов и другие методы подобного рода могли бы привести к более тесной связи и лучшему взаимопониманию между рабочим и крестьянином.

Но не только сотрудничество между фабричным и сельским работниками важно для революции. Есть ещё один элемент, обязательно необходимый в конструктивном деле революции. Это тренированный ум специалиста.

Не надо ошибочно полагать, будто мир построен одними лишь руками. Ум ничуть не менее необходим. И точно так же революция нуждается в *обоих*: человеке мускулов и человеке ума. Некоторые люди воображают, что работающий руками сам может выполнить всю работу общества. Но это ошибочное представление, очень тяжкое заблуждение, которое не покончит с бесправием. Это мнение в прошлом уже причинило огромный вред, и есть все основания опасаться, что оно в состоянии уничтожить даже самые лучшие достижения революции.

Рабочий класс состоит из наёмных работников в промышленности и сельском хозяйстве. Но рабочим необходима служба специалистов, необходимы административный работник, инженер-электрик, инженер-машинист, технический специалист, учёный, изобретатель, химик, педагог, врач и хирург. Короче говоря, пролетариату обязательно необходима помощь специалистов, без чьего участия производительный труд невозможен.

В действительности, большинство из этих специалистов также принадлежат к пролетариату. Они – интеллектуальный, умственный пролетариат. Совершенно ясно, что нет никакой разницы, зарабатывает ли человек себе на жизнь руками или головой. На самом деле, ни одна работа не делается только руками или только головой. При любой задаче требуется применение обоих видов труда. Так столяр должен в ходе своей работы рассчитывать, измерять и работать руками; он должен использовать и руки, и голову. Точно так же архитектор должен придумать свой план, прежде чем он сможет его нарисовать и воплотить на практике.

«Но ведь только рабочие могут производить, – возразит ваш друг. – Умственный труд не является производительным»

Неверно, друг мой. Ни ручной, ни умственный труд не могут производить *один без другого*. Чтобы что-то изготовить, необходимы оба, причём в соединении. Строительный рабочий и каменщик не могут построить фабрику без плана архитектора, точно так же как архитектор

не сможет ничего произвести в одиночку. Но вместе они способны делать чудеса.

Не стоит впадать и в заблуждение, будто только производительный труд имеет значение. Есть много видов труда, которые не являются производительными непосредственно, но полезны и даже совершенно необходимы для нашего существования и нашего комфорта, а значит, столь же важны, как и производительный труд.

Возьмём, к примеру, железнодорожного инженера и машиниста поездов. Они ничего не производят, но являются важным фактором в системе производства. Без железных дорог и других транспортных средств и сообщений мы не смогли бы наладить ни производство, ни сбыт.

Производство и сбыт служат двумя концами одной и той же жизненной оси. Работа, произведённая на одном из концов оси, столь же важна, как и затраченная на другом.

Как я уже говорил, многие виды человеческой деятельности, не являясь непосредственно производительными, играют важную роль в разносторонних процессах нашей хозяйственной жизни. Учёный, педагог, врач, хирург не заняты на производстве, в чисто техническом смысле слова. Но их труд необходим для нашей жизни и нашего благосостояния. Цивилизованное общество не может без них обойтись.

Поэтому очевидно, что полезный труд в равной степени важен, независимо от того, осуществляется ли он с применением ума и мускулов, является ли он физическим или умственным. Точно так же безразлично, получает ли работник зарплату или жалование, платят ли ему много или мало и каких политических взглядов он придерживается.

Все элементы, которые могут совершать труд, полезный для общего блага, потребуются в революции для построения новой жизни. Никакая революция не может быть успешной без их солидарного сотрудничества, и чем раньше мы это поймём, тем лучше. Преобразование общества охватывает реорганизацию промышленности, правильное функционирование производства, управление сбытом и массу других социальных, воспитательных и культурных усилий с тем, чтобы превратить нынешнее наёмное рабство и крепостничество в жизнь, полную свободы и благоденствия. Только работая рука об руку с другими, пролетариат может решить эти проблемы.

К великому сожалению, между работниками физического и умственного труда царит недружественная или прямо враждебная атмосфера. Это чувство основано на отсутствии взаимопонимания, предрассудках и узколобом упрямстве с обеих сторон. Следует с грустью признать, что в определённых кругах рабочих и даже среди некоторых социалистов и анархистов существует тенденция настраивать рабочих против представителей умственного пролетариата. Подобное поведение глупо и преступно, потому что оно может лишь навредить росту и развитию социальной революции. Одной из самых губительных ошибок большевиков на первых этапах российской революции было то, что они намеренно натравливали наёмных работников на специалистов в таких масштабах, что дружественное сотрудничество их стало невозможным. Непосредственными результатами этой политики стали крах промышленности из-за отсутствия умственного руководства и полный развал

железнодорожного сообщения, поскольку не было квалифицированной администрации. Когда Ленин увидел, что Россия стоит на краю хозяйственной катастрофы, потому что рабочие и крестьяне не в состоянии одни поддерживать ход промышленной и сельскохозяйственной жизни страны, он решил воспользоваться помощью социалистов. Он ввёл новую систему, которая должна была побудить техников помочь при восстановлении. Но это изменение наступило почти что слишком поздно: ведь многолетняя взаимная ненависть и преследования создали столь глубокую пропасть между работниками физического и умственного труда, что взаимопонимание и сотрудничество были уже чрезвычайно затруднены. России потребовались многие годы героических усилий, чтобы хоть до какой-то степени компенсировать последствия этой братоубийственной войны.

Давайте выучим этот важный урок, преподанный российским экспериментом!

«Но специалисты принадлежат к среднему классу, – скажете вы, – и они настроены буржуазно».

Верно, специалисты в общем настроены буржуазно, но разве и большинство рабочих не настроены буржуазно? Это означает лишь, что и те, и другие находятся в плену авторитарных и капиталистических предрассудков. И именно они должны быть в корне уничтожены путём просвещения и воспитания людей, принадлежат ли они к работникам физического или умственного труда. Это первый шаг в подготовке к социальной революции.

Однако то, что специалисты как таковые обязательно принадлежат к среднему классу, – неверно.

Подлинные интересы так называемых интеллигентов скорее смыкаются с интересами рабочих, чем с интересами господ. Правда, многие из них этого не понимают. Но сравнительно высокооплачиваемый водитель поездов или железнодорожный инженер не ощущают себя и представителями рабочего класса. По своему доходу и поведению они принадлежат также и к буржуазии. Но ведь не уровень дохода и не самоощущение определяют, к какому социальному слою принадлежит человек. Если нищий-попрошайка на улице вообразит себя миллионером, разве он им станет? Представление человека о том, чем он является, ничего не меняет в его фактическом положении. А действительная ситуация такова, что любой человек, который так или иначе должен продавать свой труд, является рабочим, оплачиваемым зависимым лицом, наёмным работником, и потому его действительные интересы – на стороне наёмных работников, то есть он принадлежит к рабочему классу.

В действительности пролетарий умственного труда ещё сильнее отдан на произвол своего капиталистического господина, чем человек с киркой и лопатой. Последний может легко переменить место работы. Если он не хочет работать на определённого хозяина, то может подыскать себе другого. Работник же умственного труда гораздо больше зависит от своего рабочего места. Сфера его работы куда более ограничена. Не обученный какой-либо другой профессии и физически неспособный работать неквалифицированным подёнщиком, он, как правило, ограничен определённой областью архитектуры, инженерного дела, журналистики или другого подобного труда. Это ставит его в гораздо более сильную зависимость от его

нанимателя и заставляет принимать сторону этого нанимателя в конфликте с более независимыми коллегами у станка.

Но как бы себя ни вёл наёмный интеллигент, он принадлежит к пролетарскому классу. Неверно было утверждать, что интеллигенты всегда стоят на стороне хозяев против рабочих. «В целом, они так и делают», – уже слышу я выкрик какого-нибудь радикального фанатика. Ну а рабочие? Разве они обычно в целом не поддерживают хозяев и капиталистическую систему? Разве без их поддержки система могла бы дальше существовать? Но ведь из этого было бы неверно заключить, что рабочие сознательно работают рука об руку со своими эксплуататорами. То же самое относится и к интеллигентам. Если большинство последних стоит на стороне господствующих классов, то это связано с тем, что они не разбираются в социальных проблемах и, несмотря на весь свой «интеллект», так и не осознали своих собственных интересов. Точно так же большие рабочие массы, столь же мало осознавшие свои подлинные интересы, помогают хозяевам против коллег, иногда даже в той же самой профессии и на той же фабрике, не говоря уже об отсутствии солидарности в масштабах страны и на международном уровне. Это доказывает всего лишь, что и тот, и другой нуждаются в просвещении – и рабочий не в меньшей степени, чем пролетарий умственного труда.

Отдавая должное интеллигентам, не забудем о том, что лучшие их представители всегда стояли на стороне угнетённых. Они отстаивали свободу и эмансипацию, и часто они были первыми, кто выражал самые глубинные чаяния трудящихся масс. В борьбе за свободу они нередко стояли на баррикадах плечом к плечу с рабочими и пали в борьбе за их дело.

За доказательствами далеко ходить не надо. Общеизвестный факт, что все прогрессивные, радикальные и революционные движения последних ста лет в том, что касается мыслей и идей, вдохновлялись лучшими элементами интеллектуальных классов. Инициаторами и организаторами революционного движения, например, в России сто лет назад, были интеллигенты, мужчины и женщины не пролетарского происхождения и сословной принадлежности. И их любовь к свободе носила отнюдь не чисто теоретический характер. Буквально тысячи из них посвятили свои знания, опыт и жизнь служению массам. Нет ни одной страны, где подобные благородные мужчины и женщины не доказали бы свою солидарность с обездоленными, вызывая на себя гнев и преследования со стороны их собственного класса за то, что они работали рука об руку с угнетёнными. Подобными примерами полно не только прошлое, но и недавняя история. Гарибальди, Кошут, Либкнехт, Роза Люксембург, Ландауэр, Ленин и Троцкий были никем иными, как интеллигентами из среднего класса, которые становились на сторону пролетариата. Самоотверженная преданность таких людей свободе и рабочим придаёт блеск истории каждой страны и каждой революции.

Давайте не забывать об этом и не позволять ослепить себя фанатичным предрассудкам и беспочвенной ненависти. Интеллигент в прошлом сослужил огромную службу рабочему классу. От отношения рабочих к нему будет зависеть, в какой мере он сможет и готов будет внести свой вклад в подготовку и осуществление социальной революции.

Глава 10. Организация рабочих для социальной революции

Правильная подготовка – такая, какая была предложена на предшествующих страницах, – в большей мере облегчит задачу социальной революции и обеспечит её здоровое развитие и функционирование.

Каковы же будут главные функции революции?

В каждой стране существуют свои специфические условия, психология, традиции, и революционный процесс, разумеется, будет отражать особенности каждой страны и её обитателей. Но в основе своей все страны по своей социальной (хотя скорее, антисоциальной) сути одинаковы. Каковы бы ни были политические формы хозяйственной системы, все они строятся на вмешательстве авторитетов, монополии и эксплуатации работника. Поэтому главная задача социальной революции, в сущности, повсюду одинакова: уничтожение правительства и экономического неравенства, а также социализация средств производства и потребления.

Производство, распределение и коммуникация – это основы существования, на них опирается власть авторитарного принуждения и капитала. Однажды лишённые этой власти, правители и властители станут такими же обычными людьми, как вы или я, простыми гражданами без какого-либо ранга, такими же, как миллионы других людей. Достичь этого – первейшая и самая настоятельная задача социальной революции.

Мы знаем, что революция начинается с уличных волнений и беспорядков; на этом вводном этапе на передний план выходят насилие и мятеж. Но всё это – лишь зрелищное вступление к действительной революции. Многолетние нужда и бесчестие, которые пришлось вынести массам, взрываются в беспорядок и возбуждение; уничтожение и несправедливость, вынужденно терпевшиеся десятилетиями, находят свой выход в актах безумства и разрушения. Это неминуемо, и ответственность за эти переходящие явления лежит исключительно на господствующем классе. Ибо в социальном отношении поговорка «Кто сеет ветер – тот пожнёт бурю» ещё в большей мере верна, чем в индивидуальном. Чем больше нужда и угнетение, которым подвергаются массы, тем яростнее будет разразившаяся социальная буря. Вся история доказывает это, но господа жизни никогда не прислушиваются к предостережениям.

Этот этап революции длится недолго. Обычно за ним следует более осознанное, но всё ещё стихийное разрушение цитаделей авторитета, видимых символов организованного насилия и жестокости: происходят нападения на тюрьмы, полицейские участки и другие правительственные здания, освобождаются заключённые и уничтожаются бумажные дела. Таким образом выражается инстинктивное представление народа о справедливости. Так, например, разрушение Бастилии стало одной из первых примет Французской революции. Так же и при первых взрывах революции в России штурмовали тюрьмы и освобождали заключённых[9]. Здоровая интуиция людей справедливо видит в заключённых тех, кто подвергся социальной дискриминации, жертв обстоятельств, и они ощущают симпатию по отношению к ним. Массы рассматривают суды и протоколы их процессов как инструменты несправедливой классовой юстиции и поэтому с полным основанием уничтожают их в начале революции.

Но этот этап быстро заканчивается. Гнев людей вскоре иссякает. Одновременно начинается конструктивная работа революции.

«Вы на самом деле полагаете, что построение нового должно начинаться так рано?» – спросите вы.

Друг мой, оно должно начинаться немедленно. Чем более просвещены массы, чем яснее рабочие сознают свои цели и чем лучше они подготовлены, тем менее деструктивной окажется революция, тем быстрее и действеннее будет работа по построению нового.

«Вы не слишком оптимистичны?»

Нет, не думаю. Я убеждён в том, что социальная революция не наступает «просто так». Её следует подготавливать и организовывать. Да, именно организовывать – так же, как организуют забастовку. На самом деле это и будет забастовка, забастовка объединённых рабочих всей страны – *всеобщая стачка*.

Давайте остановимся и поразмыслим над этим.

Как вы себе представляете осуществление революции при наличии современных танков, отравляющих веществ и боевых самолётов? Вы полагаете, что безоружные массы и их баррикады смогут оказать сопротивление мощной артиллерии и бомбам, которые будут сбрасываться на них с самолётов? Сумеют ли рабочие разбить вооружённые силы правительства и капитала?

Это смехотворно даже на первый взгляд, не правда ли? И столь же смехотворно предложение, чтобы рабочие выставили свои собственные полки, «ударные части» или «красный фронт», как им советуют компартии. Разве подобные пролетарские группы когда-нибудь будут в состоянии противостоять вооружённым силам правительства и частным отрядам капитала? Разве у них будет хоть малейший шанс?

Уже при одном упоминании подобного предложения легко обнаружить всю его глупость. Это означало бы попросту отправить тысячи рабочих на верную смерть.

Пришло время покончить с этим устаревшим представлением о революции. Сегодня правительства и капитал в военном отношении столь хорошо вооружены, что рабочим было бы очень трудно с ними справиться. Сама подобная попытка была бы преступной, и даже думать о ней – безумие.

Сила рабочих – не на поле боя. Она – в мастерской, на шахте, на фабрике. Там их сила, которую не сможет разбить ни одна армия в мире, ни одно человеческое учреждение.

Иными словами, социальная революция может осуществиться только посредством *всеобщей стачки*. Всеобщая забастовка, правильно понятая и тщательно осуществлённая, и есть социальная революция. Британское правительство поняло это быстрее, чем рабочие, когда в 1926 году была объявлена всеобщая забастовка. «Это означает революцию», – действительно заявило лидерам забастовки правительство. Несмотря на армию и флот, власти оказались беспомощными перед лицом возникшей ситуации. Пулями они могли послать людей на смерть, но не на работу. Рабочие лидеры сами испугались мысли о том, что всеобщая стачка действительно означает революцию.

Британский капитал и правительство победили эту забастовку – но не силой оружия, а из-за отсутствия ума и мужества у рабочих лидеров, и потому, что английские рабочие не были подготовлены к последствиям всеобщей стачки. Откровенно говоря, сама идея была для них чем-то совершенно новым. Никогда прежде они не интересовались этим, не изучали её значения и возможностей. Можно с уверенностью сказать, что во Франции аналогичная ситуация развивалась бы совершенно иначе, поскольку рабочие этой страны уже годами знакомы с всеобщей забастовкой как революционным пролетарским оружием.

Понимание того, что смена общества может быть осуществлена только путём всеобщей забастовки, крайне важно. В прошлом всеобщую стачку пропагандировали в различных странах, но не подчёркивалось в должной мере, что она на самом деле означает революцию, что только она ведёт к революции как единственно возможный путь. Настало время выучить это, только тогда социальная революция перестанет быть неопределимой, неизвестной величиной. Она станет реальностью, чётко определённой задачей и целью, программой, первым шагом в которой будет взятие организованными рабочими промышленности в свои руки.

«Теперь я понимаю, почему вы говорите, что социальная революция означает скорее строительство, чем разрушение», – заметит ваш приятель.

Что ж, я рад. Если вы прошли за мной уже так далеко, то согласитесь и с тем, что взятие промышленности нельзя отдавать воле случаю или проводить по капризу. Оно должно быть хорошо спланировано и осуществиться систематически и рационально. Ни вы, ни я, ни кто-либо иной, будь он рабочим, мистером Фордом или Папой Римским, не могут этого сделать в одиночку. Такого не может совершить ни один отдельный человек, ни какая-либо группа, помимо *самих рабочих*, ведь только рабочие обеспечивают работу промышленности. Но даже сами рабочие сделают это лишь в том случае, если они будут организованы, причём *организованы именно для этой задачи*.

«А я думал, вы анархист, – прервёт меня ваш приятель. – Я слышал, что анархисты не верят в организацию».

Могу себе представить. Однако этот аргумент уже не работает. Любой, кто скажет вам, что анархисты не верят в организацию, говорит чушь. Организация – это всё, и всё – это организация. Вся жизнь, сознаём мы это или нет, есть организация. Любая страна, семья и даже отдельный человек – это организация или организм. Каждая часть любого живого существа организована так, чтобы целое работало гармонично. Иначе различные органы не смогли бы правильно работать, и никакой жизни не было бы вообще.

Но организация организации рознь. Капиталистическое общество организовано настолько плохо, что многие из его членов испытывают страдания: как если бы части вашего тела болели, и вы были бы больны.

Бывают организации, которые причиняют боль, ибо они больны, и организации, которые доставляют радость, ибо означают здоровье и силу. Организация является плохой или больной, если она не обращает внимания на некоторые из своих органов или членов либо подавляет их. В здоровом организме все части равноправны, и ни одна не подвергается дискриминации. Организация же, которая строится на принуждении, заставляет и ограничивает, является плохой и нездоровой. Свободная организация, построенная на добровольности, когда все её члены свободны и равноправны, – это здоровое тело и может работать хорошо. Такая организация есть свободное объединение равных партнёров. Именно в такую организацию и верят анархисты.

Так должна выглядеть организация рабочих, если рабочие представляют собой здоровое объединение, которое должно хорошо функционировать.

Это означает, прежде всего, что ни один из членов организации или профсоюза не должен безнаказанно дискриминироваться, подавляться или игнорироваться. Сравните это с попыткой не обращать внимания на больной зуб: в результате вы станете испытывать боль во всём теле.

Иными словами, рабочий профсоюз должен строиться на принципе равной свободы всех своих членов.

Только если каждый является свободным и независимым членом, который сотрудничает с другими по собственной воле и в общих интересах, выполняемая работа в целом может считаться успешной и приносить хороший результат.

Такое равенство требует, чтобы не делалось никакой разницы между рабочими, кем бы или чем бы они ни были – квалифицированным или неквалифицированным работником, каменщиком, столяром, инженером или подёнщиком – и сколько бы ни зарабатывали, много или мало. Все они имеют одни и те же интересы; все связаны между собой, и только сотрудничая друг с другом могут справиться со своей задачей.

Это означает, что рабочие с фабрики, или из мастерской, или с шахты должны быть объединены в единый союз. Ведь речь идёт не о том, какую работу делает каждый из них в

отдельности, какую профессию имеет или каким ремеслом владеет, но о том, каковы интересы всех их. И их интересы одни и те же, поскольку они направлены против их нанимателя и всей системы эксплуатации.

Подумайте только, до чего неумна нынешняя форма рабочей организации, при которой, например, одна профессия или один цех бастуют, а другие части той же отрасли продолжают работать. Разве не смехотворно, когда, скажем, работники трамваев Нью-Йорка прекращают работу, а работники метро, такси и автобусов её продолжают, как ни в чём не бывало? Ведь цель забастовки – создать такую ситуацию, которая заставит нанимателя уступить требованиям рабочих. Но подобное положение можно создать, только если будет парализована вся отрасль, о которой идёт речь. Частичная же забастовка служит лишь растратой времени и энергии рабочих, не говоря уже о пагубном моральном воздействии неминуемого поражения.

Вспомните хотя бы о забастовках, в которых принимали участие вы сами или ваши знакомые. Выиграл ли ваш профсоюз хотя бы одну стачку, если был не в состоянии заставить нанимателя уступить? Но *когда* он был в состоянии сделать это? Только когда хозяин знал, что работники настроены серьёзно, что среди них нет расхождений во мнениях, нет промедлений и колебаний, что они полны решимости выиграть, какой угодно ценой. Но в особенности тогда, когда предприниматель ощущал себя отданным на милость профсоюза, когда его фабрика или его шахта больше не могли работать из-за решительного настроения рабочих, а он не мог больше найти штрейкбрехеров и понимал, что его интересы, если он будет бороться против своих работников, пострадают куда сильнее, чем если он выполнит их требования.

Итак, ясно, что вы добьётесь от него уступков только если вы полны решимости, если ваш профсоюз силён, вы хорошо организованны и настолько едины, что хозяин не может вести свою фабрику вопреки вашей воле. Но в роли нанимателя обыкновенно выступает какой-нибудь фабрикант или компания, которые владеют предприятиями или цехами в самых разных областях. Предположим, речь идёт об угольном концерне. Если его шахты в Пенсильвании не работают из-за забастовки, то он попытается восполнить убытки, увеличив производство угледобычи в Виргинии или Колорадо. То есть, если шахтёры в этих шахтах продолжают работать, когда вы в Пенсильвании бастуете, компания ничего не теряет. Она может даже обрадоваться забастовке, чтобы повысить цены на уголь, потому что предложение на рынке из-за вашей забастовки уменьшится. Таким образом, компания не только подавит вашу забастовку, но ещё и настроит против вас общественное мнение, потому что люди сдуру решат, что повышение цен на уголь и впрямь результат вашей стачки, тогда как на самом деле причиной служит алчность шахтовладельца. Ваша забастовка останется безуспешной, и через какое-то время вам и рабочим придётся дороже платить за уголь, и не только за уголь, но и за все жизненно необходимые блага, поскольку вместе с ценами на уголь вырастет и общая стоимость жизни.

Так что уясните себе, насколько глупа политика нынешних профсоюзов, при которой другим шахтам позволено работать, пока ваша шахта бастует. Другие рабочие остаются на предприятии и, правда, поддерживают вашу стачку материально, но разве вы не замечаете, что такая поддержка лишь помогает подавить вашу забастовку? Иными словами, что ваш

забастовочный фонд финансируют штрейкбрехеры? Что может быть бессмысленнее и преступнее?

Это относится к любой отрасли и к любой забастовке. Стоит ли после этого удивляться тому, что большинство забастовок заканчиваются безрезультатно? Так обстоит дело и в Америке, и в других странах. Вот передо мной лежит синяя книжица, только что изданная в Англии под заглавием «Трудовая статистика». Приведённые в ней данные доказывают, что забастовки совершенно не обязательно приносят победу рабочим. Цифры за последние 8 лет таковы:

	Результат в пользу работников	Результат в пользу предпринимателей
1920	390	507
1921	152	315
1922	111	222
1923	187	183
1924	163	235
1925	154	189
1926	67	126
1927	61	118

В действительности почти 60% забастовок заканчиваются, таким образом, безуспешно. Подумайте о последствиях забастовок, а именно о потере рабочих дней, за которые не выплачивается зарплата. Общая сумма рабочих дней, потерянных английскими рабочими в 1912 году, составила 40 890 000; если пересчитать эту цифру на годы, то это всё годы 2000 шестидесятилетних людей. В 1919 году было потеряно 34 969 000 рабочих дней, в 1920 году – 26 568 000, в 1921 – 85 872 000, а в 1926 году, как следствие всеобщей забастовки, – 162 233 000 дней. В эти цифры не входят время и заработки, потерянные из-за безработицы. Не требуется больших расчётов, чтобы понять, что забастовки в том виде, как они ведутся сегодня, себя не оправдывают, и что профсоюзы не выходят победителями из трудовых конфликтов.

Это, конечно, не означает, что забастовки бессмысленны. Напротив, они крайне важны: они учат рабочего тому, насколько важно сотрудничество, когда он стоит плечом к плечу с товарищами и вместе с ними должен бороться за общее дело. Забастовки учат его классовой борьбе и развивают его разум для общих усилий, сопротивления против господ, солидарности и ответственности. С этой точки зрения даже безуспешная забастовка бывает не совсем впустую. Благодаря ей рабочие учатся тому, что «несправедливость по отношению к одному касается всех» – практической мудрости, в которой воплощено глубочайшее значение пролетарской борьбы. Это относится не только к повседневной борьбе за материальные улучшения, но в равной степени и ко всему, что касается рабочего и его жизни, в особенности тех вещей, при которых речь идёт о справедливости и свободе.

Люди всегда с большим воодушевлением принимают участие в каком-либо деле, когда видят, что массы действуют во имя социальной справедливости, вне зависимости от того о ком идёт речь в данном конкретном случае. Ведь такие вещи действительно затрагивают нас всех, в самом подлинном и глубоком значении. Чем более просвещены рабочие и чем больше они в самом широком смысле осознают свои интересы, тем масштабнее и универсальнее будет их сочувствие, и они станут отстаивать справедливость и свободу во всём мире. Именно такое понимание проявилось, когда рабочие во всех странах протестовали против судебного убийства Сакко и Ванцетти в Массачусеттсе[10]. Когда совершается подобное возмутительное преступление, массы по всему миру инстинктивно или осознанно чувствуют то же, что любой достойный мужчина и любая достойная женщина: что это касается и их тоже. К сожалению, этот протест, как и многие другие, ограничился одними резолюциями. Если бы организованные рабочие прибегли к такому действию, как всеобщая забастовка, их требования нельзя было бы проигнорировать, и оба благородных человека, лучших друга рабочих, не стали бы жертвами сил реакции.

Точно так же было бы важно превратить подобное действие в демонстрацию гигантской мощи пролетариата – мощи, которая всегда одерживает победу, если действует сплочённо и решительно. Это было неоднократно доказано в прошлом, когда решительная позиция рабочих воспрепятствовала судебному насилию, как было, например, в случае с Хейвудом, Мойером и Петтибоном, представителями Западной федерации горняков, когда угольные бароны в штате Айдахо хотели отправить их на виселицу во время забастовки шахтёров в 1905 году[11]. В 1917 году солидарность рабочих помешала казни Тома Муни в Калифорнии[12]. Симпатии организованных рабочих Америки по отношению к Мексике до сих пор препятствовали военной оккупации этой страны правительством США во имя американских нефтяных интересов. Точно так же успешными были соединённые действия рабочих в Европе: они неоднократно заставляли власть освободить политических заключённых. Английское правительство до такой степени боялось открытой симпатии британских рабочих в отношении Русской революции, что вынуждено было разыграть нейтралитет. Оно не осмелилось открыто помогать контрреволюции в России. Когда докеры отказались грузить на суда продовольствие и оружие для белых армий, английское правительство пошло на спасительный обман. Оно торжественно заверило рабочих, что грузы предназначены для Франции. Когда в 1920-1921 гг. я работал в России, собирая исторический материал, мне удалось раздобыть официальные британские документы, которые доказывают, что эти грузы из Франции по прямому указанию британского правительства были немедленно переправлены контрреволюционным генералам в Северной России, где они сформировали контрреволюционное правительство Чайковского-Миллера. Этот пример – один из многих – служил демонстрацией благотворного страха, испытываемого любыми властями перед возросшим классовым сознанием и солидарностью международного пролетариата.

Чем сильнее станет это сознание трудящихся, тем действенной будет их борьба за освобождение. Для того, чтобы рабочие выступили в полную силу, классовое сознание и солидарность должны приобрести национальный и интернациональный размах. Где бы ни совершались несправедливости, репрессии и угнетение – будь то покорение Филиппин, интервенция в Никарагуа, порабощение рабочих в Конго бельгийскими эксплуататорами, угнетение масс в Египте, Китае, Марокко или Индии – делом рабочих всего мира является

поднять голос против таких актов насилия и продемонстрировать свою солидарность ради общего дела ограбленных и обездоленных во всём мире.

Трудящиеся постоянно приближаются к такому социальному сознанию: забастовки и другие выражения солидарности служат важными проявлениями этих настроений. Хотя большинство стачек сегодня заканчиваются неудачей, но причина этого в том, что пролетариат всё ещё не осознал своих интересов на национальном и интернациональном уровне в достаточной степени, не организован на основе верных принципов и недостаточно осознал необходимость сотрудничества на мировом уровне.

Ваша повседневная борьба за лучшие условия быстро приобрела бы иной характер, если бы вы принадлежали к такой организации, которая могла бы моментально парализовать целую отрасль, когда ваша фабрика или шахта начнут бастовать: все вместе и одновременно. Тогда предприниматель оказался бы в вашей власти – ведь что он мог бы поделаться, если во всей отрасли не повернётся ни одно колёсико? Возможно, он мог бы найти достаточное число штрейкбрехеров на неделю-другую, но их не хватило бы на целую отрасль, да и предприниматель не счёл бы их использование столь надёжным и целесообразным делом. К тому же, остановка работы в какой-то отрасли немедленно оказала бы воздействие на множество других отраслей, ведь все отрасли современной промышленности тесно переплетены друг с другом. Такое положение затронуло бы всю страну, общественность перепугалась бы и потребовала урегулирования. (Сейчас же, когда ваша фабрика бастует в одиночку, это никого не волнует, и вы можете голодать, пока не успокоитесь). Результат урегулирования будет опять-таки зависеть от вас, то есть от силы вашей организации. Если хозяева увидят, что вы сознаёте свою силу и твёрдо решились её использовать, то они достаточно быстро отступят и станут искать компромисс. Иначе они ежедневно будут терять миллионы. Бастующие могли бы даже прибегнуть к саботажу на предприятиях и станках, и предприниматели были бы тем более готовы пойти на урегулирование, тогда как при забастовке на одной фабрике или в одном районе они обычно рады воспользоваться ситуацией, потому что знают, что всё против вас.

Итак, вы видите, насколько это важно, каким образом, *на основе каких принципов строится профсоюз* и насколько важны солидарность и сотрудничество трудящихся в повседневной борьбе за лучшие условия жизни и труда. Ваша сила – в единстве, но этого единства нет и не может быть, пока вы организованы по профессиям, а не по отраслям.

Для вас и ваших коллег нет ничего важнее и настоятельнее, чем незамедлительно изменить форму вашей организации в этом отношении.

Но следует изменить не только форму. Ваш профсоюз должен сознавать свои цели и задачи. Рабочий должен всерьёз задуматься над тем, чего он действительно хочет и какими средствами он рассчитывает достигнуть этой цели. Ему предстоит определить, как следует выглядеть профсоюзу, как он должен работать и чего пытаться достичь.

Так к чему же должен стремиться профсоюз? В чём должны состоять цели настоящего рабочего профсоюза?

Прежде всего, профсоюз обязан служить интересам своих членов. В этом его главная задача. Здесь нет никаких сомнений, и это понимает каждый трудящийся. Если некоторые отказываются от вступления в рабочую организацию, то причиной этому служит то, что им не хватает знаний, чтобы понять всю её ценность – в этом случае их следует просвещать на сей счёт. Но обыкновенно они отказываются вступить в профсоюз, потому что не доверяют ему или однажды уже были брошены им в беде. Большинство из них остаётся в стороне от профсоюза, потому что они наслышались множества болтовни о силе организованного труда, но на своём горьком опыте знают, что тот проигрывает в каждом важном сражении. «А, профсоюз, – говорят они с горечью, – ничего не даёт». Если быть честными, то они не так уж неправы. Они видят, как организованный капитал провозглашает политику «открытого цеха»[13] и громит профсоюзы; они видят, как рабочие вожди продают и предают рабочих; они видят полную беспомощность рядовых членов перед лицом политических махинаций в профсоюзе и за его пределами. Конечно, они не понимают причин этого, но видят факты и отворачиваются от профсоюза.

Другие, напротив, больше не желают иметь дел с профсоюзом, потому что прежде состояли в нём и знают, насколько незначительна та роль, которую играет в организации отдельный её член, простой рабочий. Местные лидеры, окружные и центральные органы, функционеры на национальном и международном уровне и шефы Американской федерации труда «правят бал»; они скажут вам: «Вам больше не нужно ничего делать, только голосовать, а будете возмущаться – пойдёте вон».

К сожалению, эти люди правы. Ведь вы знаете, как управляют профсоюзами. Обычные члены не играют почти никакой роли. Они передали всю власть лидерам, и те стали боссами, подобно тому, как повсюду в жизни общества людей были приведены к подчинению повелениям тех, кто изначально должен был им служить – правительства и его представителей. Если однажды вы сделали такое, то делегированная вами власть каждый раз будет направляться против вас самих и ваших интересов. А потом вы станете сетовать на то, что ваши вожди «злоупотребляют своей властью». Нет, друг мой, они ею не злоупотребляют; они ею попросту употребляют, потому что само управление есть худшее из злоупотреблений.

Всё это необходимо изменить, если вы действительно хотите добиться результатов. В обществе это должно быть изменено путём отнятия политической власти у правителей с полной отменой её. Я уже показал, что политическая власть означает авторитарность, угнетение и тиранию и что нам нужно не политическое правительство, а разумное регулирование всех касающихся нас дел.

Точно так же вам в вашем профсоюзе нужно разумное ведение общественных дел. Мы знаем, какой гигантской мощью обладает труд как создатель всех богатств и фундамент мира. Правильно организованные и единые, рабочие могут взять ситуацию под свой контроль и стать её хозяевами. Но сила рабочего – не в актовом зале профсоюза; она – в мастерской и на фабрике, в цеху и на шахте. Именно там он должен организоваться; там – на рабочем месте. Там он понимает, чего хочет, каковы его потребности, и в этом месте он должен сосредоточить свои усилия и свою волю. В каждой мастерской, на каждой фабрике должен существовать комитет, который будет заниматься чаяниями и потребностями

рабочих – не лидеры, а обычные люди от станка и доменной печи, заботящиеся о требованиях и проблемах своих товарищей. Такой комитет всегда находится на месте и под постоянным руководством и надзором рабочих, он не осуществляет власть; он лишь выполняет данные ему указания. Его члены могут быть в любой момент отозваны, и на их место выбраны другие, в соответствии с требованиями момента и способностями, необходимыми для выполнения предстоящей работы. Именно сами рабочие принимают решение по спорным вопросам и осуществляют свои решения через фабричный комитет.

Именно такой вид, такая форма организации нужны трудящимся. Только таким образом они смогут выразить свою настоящую волю, и только так они будут иметь адекватного глашатая, который будет служить их интересам.

Такие фабрично-заводские комитеты, соединяясь с аналогичными органами на других предприятиях и шахтах, на местном, региональном и национальном уровне, стали бы новым типом рабочей организации, могучим голосом труда и его действенным представителем. Они имели бы за собой весь вес и всю энергию соединённых рабочих и обладали бы гигантской мощью по своему охвату и потенциалу.

В повседневной борьбе пролетариата такая организация могла бы одержать победы, о которых консервативный профсоюз, как он устроен сегодня, не смел бы даже мечтать. Она пользовалась бы уважением и доверием масс, привлекала бы неорганизованных, объединяла бы силы труда на основе равноправия всех рабочих, их общих интересов и целей. Она противостояла бы хозяевам, опираясь на всю мощь рабочего класса, с новым уровнем сознания и силы. Только тогда трудящиеся обрели бы своё достоинство, и его выражение обрело бы реальное значение.

Такой профсоюз стал бы вскоре чем-то большим, нежели просто защитником и обороной рабочих. Он превратился бы в живое осуществление подлинного значения единства и вытекающей отсюда мощи, рабочей солидарности. Фабрика и завод служили бы тренировочным полем для развития у рабочего понимания его настоящей роли в жизни, становления его веры в самого себя и независимости, для обучения его взаимопомощи и сотрудничеству и осознания им собственной ответственности. Он научится принимать решения и действовать в соответствии с собственным суждением и не станет больше передоверять своим лидерам или политикам управление своими делами и заботу о собственном благополучии. Именно он сам вместе со своими коллегами у станка будет определять, чего они хотят и какие методы наилучшим образом служат их целям, а комитет на месте станет лишь выполнять их указания. Завод и фабрика превратились бы в школу и колледж рабочих. Именно там рабочий осознает своё место в обществе, свою роль в производстве и смысл своей жизни. Он обретёт зрелость, как трудящийся человек, и великан-труд выпрямится в полный рост. Он обретёт знания и вместе с ними силу.

Тогда он больше уже не станет довольствоваться участью наёмного раба, слуги, зависящего от доброй воли своего хозяина, что живёт его трудом. Он вырастет до понимания того, что нынешняя экономическая и социальная система ложна и преступна, и решится сменить её. Фабричный комитет и профсоюз станут полем подготовки к новой экономической системе, новому обществу.

Вы видите, таким образом, насколько важно то, чтобы вы, я, каждый мужчина и каждая женщина, кому по сердцу интересы трудящихся, работали над достижениями этих целей.

И в этом месте мне хотелось бы подчеркнуть, насколько важно то, чтобы более прогрессивный пролетарий, радикал и революционер самым серьёзным образом задумались об этих вещах, потому что для большинства из них и даже для некоторых анархистов всё это – всего лишь благочестивое пожелание и отдалённая надежда. Они не могут осознать огромного значения усилий, идущих в этом направлении. Но это не только мечта. Множество прогрессивных трудящихся приходят к такому пониманию. Индустриальные рабочие мира и революционные анархо-синдикалисты в каждой стране посвящают себя этой цели. Это наиболее настоятельная потребность сегодняшнего дня. Нельзя переставать подчёркивать: *только правильная организация рабочих* может совершить то, к чему мы стремимся. В ней состоит спасение труда и будущего. Только организация снизу, начиная с завода и фабрики, основанная на общих интересах рабочих, независимо от их специальности, расы или гражданства, может общими усилиями и сплочённой волей разрешить рабочий вопрос и послужить подлинному освобождению человека.

«Вы говорили, что рабочие возьмут в свои руки предприятия, – напомнит мне ваш друг. – Но как они это сделают?»

Да, я говорил об этом, когда вы заговорили об организации. Но этот вопрос стоило обсудить, потому что он наиважнейший из тех проблем, что нас занимают.

Итак, вернёмся к взятию предприятий. Это означает не только то, что рабочие берут их в свои руки, но и то, что рабочие ими руководят. Что касается их взятия, вам стоит вспомнить о том, что на самом деле рабочие и сейчас находятся на предприятиях. Взятие означает, что рабочие *остаются* там, где они есть, но уже не как наёмные работники, а как общие хозяева.

Осознайте этот момент, друг мой! Экспроприация класса капиталистов в ходе социальной революции – взятие в свои руки предприятий – требует применения тактики, прямо противоположной той, какую вы применяете сегодня при забастовках. В последнем случае вы прекращаете работу и оставляете босса безраздельным владельцем завода, фабрики и шахты. Это, конечно же, полный идиотизм, потому что вы тем самым отдаёте хозяину все преимущества: он может поставить на ваше место штрейкбрехеров, и вам крышка.

Наоборот, при экспроприации вы *остаётесь* на работе, а босса выбрасываете прочь. Он может остаться лишь при условии, что встанет на одну ступень со всеми остальными – как рабочий среди рабочих.

Рабочие организации одной и той же местности берут в свои руки общественные службы, средства сообщения, производства и распределения на соответствующей территории. Это означает, что работники телеграфа, телефона, электроснабжения, железнодорожники и т. д. завладеют (через посредство своих революционных заводских комитетов) мастерскими, фабриками или учреждениями. Капиталистические бригады, надсмотрщики и менеджеры удаляются с предприятий, если она оказывают сопротивление переменам и отказываются от сотрудничества. Если же они готовы к сотрудничеству, то им объясняют, что они отныне

не являются ни хозяевами, ни владельцами и что фабрика – это общественная собственность, руководимая профсоюзом работников отрасли, и все являются равными партнёрами в общем ведении дел.

Следует ожидать, что высшие служащие крупных промышленных и торговых концернов откажутся от сотрудничества. Тем самым они устранят себя сами. Их место должны занять рабочие, которые предварительно подготовлены к этой задаче. Вот почему я подчёркивал особую важность производственной подготовки. Она совершенно необходима в ситуации, которая будет стремительно меняться, и от неё, более чем от каких-либо иных фактов, будет зависеть успех социальной революции. Производственная подготовка – важнейший момент, без которого революция обречена на провал.

Когда придёт социальная революция, инженеры и другие технические специалисты будут скорее склонны к сотрудничеству с рабочими, особенно если до этого будут налажены тесные отношения и лучшее взаимопонимание между работниками физического и умственного труда.

Если же они откажутся, а рабочие окажутся неподготовленными в производственном и техническом отношении, то производство удастся поддерживать только принуждая строптивцев к сотрудничеству – эксперимент, который попытались осуществить в России и который полностью провалился.

Грубейшей ошибкой большевиков в этом отношении было враждебное обращение со всем классом интеллигенции по причине оппозиции со стороны некоторых его членов. Характерный для фанатичной догмы дух нетерпимости побудил их к преследованию целой группы общества за ошибки отдельных индивидов. Это нашло своё выражение в политике массового наказания специалистов, техников, кооперативных организаций и вообще всех людей культуры. Большинство из них, первоначально дружественно настроенных в отношении революции или даже воспринимавших её с воодушевлением, оттолкнула большевистская тактика, что сделало сотрудничество невозможным. Диктаторская позиция привела к тому, что коммунисты стали всё больше прибегать к угнетению и тирании, пока, наконец, они не ввели в промышленной жизни страны чисто военные методы. Это была эра принудительного труда, милитаризация фабрик и заводов, которая неминуемо должна была завершиться катастрофой, поскольку принудительный труд плох и неэффективен уже по самой сути принуждения. К тому же, люди, принуждаемые к труду, реагировали на эту ситуацию сознательным саботажем, систематическим замедлением работы и разрушением инструментов, которое умный противник может совершать так, что это не будет обнаружено своевременно, и это наносит больший ущерб машинам и производству, чем прямой отказ от работы. Несмотря на драконовские меры против такого рода саботажа и даже несмотря на смертную казнь, правительство оказалось беспомощным в борьбе с этой напастью. Надзор за каждым техником, занимающим ответственную позицию, со стороны приставленного к нему большевика или политкомиссара ничего в этом плане не меняет. Эта мера лишь породила целый легион паразитических функционеров, которые, не имея представления о том, как работает производство, лишь вмешивались в действия людей, и без того дружественно настроенных по отношению к революции и с готовностью помогавших ей; к тому же, из-за своего незнания, они были всё равно не в состоянии

предотвратить умышленный саботаж. В конечном счёте, система принудительного труда вылилась в экономическую контрреволюцию, и никакие усилия диктаторов не могли изменить создавшееся положение. Такая ситуация вынудила большевиков перейти от принудительного труда к политике привлечения специалистов и техников на свою сторону путём их возвращения на руководящие посты в промышленности и вознаграждения за счёт более высокого оклада и побочных доходов.

Вот почему было бы глупо и преступно повторять методы, столь очевидно провалившиеся в русской революции и во все времена обречённые, по самому своему характеру, на провал в производственном и этическом отношении.

Единственное решение этой проблемы состоит в уже предложенной подготовке и тренировке рабочих в искусстве организации и управления производством, а также в укреплении контакта между работником физического труда и техником. На каждой фабрике, каждой шахте, каждом заводе должен существовать рабочий совет, отдельный и независимый от заводского комитета, с задачей знакомить рабочих с различными стадиями производства в отрасли, включая проблемы источников сырья, последовательности производственных операций, побочных продуктов и сбыта. Этот производственный совет должен быть постоянным, но члены его должны меняться по очереди так, чтобы в него хоть раз входили все работники данной фабрики или данного завода. Для примера предположим, что производственный совет определённого предприятия состоит из 5 или 25 членов, в зависимости от сложности производства и размеров рассматриваемой фабрики. После того, как члены совета в достаточной мере ознакомились с проблемами своей отрасли, они публикуют то, чему они научились, для информации своих коллег по работе, и избираются новые члены совета, чтобы продолжить изучение. Таким образом весь коллектив фабрики или завода может по очереди приобрести необходимые знания об организации и управлении в своей отрасли и быть на уровне её развития. Такие советы станут служить школами производства, в которых рабочие будут знакомиться с техникой своей отрасли индустрии на всех стадиях.

Одновременно более крупная организация, профсоюз, должна пытаться принудить капитал к большему участию трудящихся в фактическом управлении. Но это в самом благоприятном случае пойдёт на пользу лишь меньшинству рабочих[14]. Предложенный выше план, напротив, открывает возможность производственного обучения практически каждому рабочему завода, мастерской и фабрики.

Разумеется, некоторые виды деятельности – например, гражданское, электрическое, механическое инженерное дело – не смогут быть изучены на практике в производственных советах. Но то, что они изучат общий процесс производства, будет иметь бесценное значение в качестве подготовки. В остальном же первостепенной необходимостью являются как можно более тесные узы дружбы и сотрудничества между рабочими и техниками.

Поэтому взятие в свои руки производства служит первой крупной целью социальной революции. Его предстоит совершить пролетариату, его организованной частью, подготовленной к этой задаче. Значительное число рабочих уже сейчас начинает сознавать важность такого взятия и понимать стоящую перед ними задачу. Но одного лишь понимания

того, что непременно должно быть сделано, недостаточно. Следующий шаг состоит в изучении того, как это следует сделать. Задача организованного рабочего класса состоит в том, чтобы незамедлительно приступить к этой подготовительной работе.

Глава 11. Принципы и практика

Главной целью социальной революции должно стать *немедленное* улучшение условий жизни масс. От этого в основном и зависит её успех. Этого можно достичь, лишь организовав потребление и производство таким образом, чтобы они действительно шли на благо населению. В этом состоит самая большая – а по существу, единственная – гарантия социальной революции. Контрреволюцию в России победила не Красная армия: её победили крестьяне, которые изо всех сил держались за землю, захваченную ими в ходе восстания. Если социальной революции суждено жить и расти, она должна стать материальным приобретением масс. Все люди должны быть уверены в действительной пользе своих усилий или, по крайней мере, иметь надежду на такую пользу в ближайшем будущем. Революция обречена, если её существование и защита основаны на *механических* средствах, таких как войны и армии. Настоящая безопасность революции – *органическая*; иными словами, она состоит в промышленности и производстве.

Целью революции является обеспечение большей свободы и повышение материального благосостояния людей. Цель социальной революции, в особенности, состоит в том, чтобы дать возможность массам *своими собственными усилиями* добиться материального и социального благосостояния, достичь более высокого этического и интеллектуального уровня.

Иными словами, социальная революция устанавливает свободу. Ведь полная свобода основана на экономической независимости. Без неё свобода – это обман и ложь, маска для эксплуатации и угнетения. Свобода в самом глубинном смысле есть дитя экономического равенства.

Вот почему цель социальной революции состоит в том, чтобы установить равную свободу на основе равенства возможностей. Революционная реорганизация жизни должна немедленно приступить к обеспечению равенства для всех в экономическом, политическом и социальном отношении.

Такое преобразование будет зависеть, в первую очередь и прежде всего, от глубины знаний трудящихся об экономическом положении страны: от полного учёта всех запасов до точных знаний об источниках сырья и правильной организации сил труда для обеспечения эффективного управления.

Это значит, что жизненно важными факторами революции на следующий же день после переворота становятся статистика и разумные рабочие ассоциации. На этом строится вся проблема производства и распределения – жизнь революции. Однако, как уже упоминалось,

что такие знания рабочие должны приобрести ещё до революции, если они хотят достичь своей цели.

Именно поэтому так важен фабрично-заводской комитет, о котором шла речь в предыдущей главе и которому предстоит сыграть решающую роль в революционном переустройстве.

Ведь новое общество, подобно ребёнку, не появится на свет внезапно. Новая социальная жизнь так же нуждается в длительном развитии в лоне старого общества, как новая индивидуальная жизнь – в развитии в лоне матери. Для развития необходимы время и определённые процессы, пока не возникнет целостный и жизнеспособный организм. Когда приходит время родов, они сопровождаются болью и страданием – здесь нет никакой разницы между социальным и индивидуальным. Революция, используя одно избитое, но, тем не менее, ёмкое выражение, – это повивальная бабка нового социального организма. Это верно в буквальном смысле слова. Капитализм – родитель нового общества; фабрично-заводские комитеты, профсоюз классово-сознательных трудящихся и революционные цели – это зародыш новой жизни. В этом заводском комитете и профсоюзе рабочий должен приобрести необходимые знания для того, чтобы управлять своими делами. В ходе этого процесса он придёт к пониманию того, что социальная жизнь есть дело правильной организации, совместного действия и солидарности. Он научится тому, что не команда и господство над людьми, а только свободное общество и гармоничное сотрудничество могут добиться чего-либо, что не правительство и законы, а согласие и сотрудничество производят и создают, выращивают зерно и заставляют вращаться колёса машин. Опыт научит их заменить правление людьми управлением вещами. В повседневной жизни и в борьбе своего заводского комитета рабочий должен научиться тому, как совершать революцию.

Фабрично-заводские комитеты, организованные на местном, региональном уровне или уровне штата и объединённые в общенациональную федерацию, – это учреждения, наиболее пригодные для ведения революционного производства.

Местные и штатные рабочие советы, объединённые в общенациональную федерацию, явились бы той организационной формой, которая была бы наиболее пригодна для организации распределения через народные кооперативы.

Эти комитеты, избираемые рабочими по месту работы, устанавливают связи своих заводов и фабрик с другими заводами и фабриками той же самой отрасли. Общий совет всей отрасли связывает её с другими отраслями, и так образуется федерация трудовых советов всей страны.

Кооперативные ассоциации становятся средством обмена между деревней и городом. Крестьяне, организованные на местах и объединённые в федерации на региональном и общенациональном уровнях, обеспечивают нужды городов через посредство кооперативов и получают через них же в обмен продукты городской промышленности.

Каждая революция сопровождается мощным всплеском народного энтузиазма, полного страсти и надежд. Это – трамплин революции. Этот стихийный и мощный поток открывает

людские источники инициативы и активности. Чувство равенства высвобождает лучшие качества в человеке и делает его осознанно творческим. В этом состоит великий мотор социальной революции, её движущие силы. Их свободное и беспрепятственное развитие важно для развития и углубления революции. Их подавление означает распад и умирание. Революция в безопасности, растёт и укрепляется, пока массы чувствуют, что именно они совершают революцию, что они и *есть* революция. Но в тот момент, когда их действия узурпируются какой-либо политической партией или сосредотачиваются в какой-либо особой организации, революционные усилия ограничиваются узким кругом, из которого широкие массы практически исключены. Естественным результатом становится то, что народный энтузиазм спадает, интерес постепенно слабеет, инициатива впадает в паралич, творчество исчезает, и революция превращается в монополию, которая тут же превращается в диктатора.

Это фатально для революции. Единственная возможность предотвратить эту катастрофу состоит в сохранении активного интереса рабочих за счёт их повседневного участия во всех делах, касающихся революции. Источником такого интереса и такой деятельности служит завод и профсоюз.

Интерес масс и преданность революции зависят далее от того, насколько они чувствуют, что революция воплощает справедливость и честность. Это объясняет ту силу, с какой революция вдохновляет людей на акты великого героизма и самопожертвования. Как уже говорилось, массы инстинктивно видят в революции врага лжи и несправедливости, провозвестника справедливости. В этом смысле революция является могучим этическим фактором и источником вдохновения. По сути, только великие этические принципы могут воспламенить массы и поднять их на высоты духа.

Все народные восстания служат тому подтверждением, и в особенности российская революция. Благодаря этому духу, российские массы сумели столь убедительно, вопреки всем преградам, одержать победу в февральские и октябрьские дни. Никакое сопротивление не могло сломить их самоотверженность, воодушевляемую великим и благородным делом. Упадок революции начался тогда, когда она была лишена своих высоких этических ценностей и когда у неё были отняты такие элементы, как справедливость, равенство и свобода. Их утрата стала гибелью революции.

Великое значение духовных ценностей для революции невозможно переоценить. Они и царящее в массах сознание того, что революция несёт и материальные улучшения, оказывают динамическое влияние на жизнь и рост нового общества. Из двух этих факторов важнейшим являются духовные ценности. История предшествующих революций доказывает, что массы готовы пойти даже на страдания и принести материальное благополучие в жертву ради большей свободы и справедливости. Так, в России ни холод, ни голод не смогли заставить крестьян и рабочих поддержать контрреволюцию. Несмотря на все лишения и муки, они героически служили интересам великого дела. Лишь только когда они увидели, что революция стала монополией одной политической партии, что вновь завоёванные свободы были ограничены и установлена диктатура, что снова царствуют несправедливость и неравенство, – тогда революция стала им безразлична; они отказались принимать участие в обмане, отказались от сотрудничества с ней и даже повернулись

против неё.

Забыть этические ценности, внедрить практику и методы, несовместимые с высокими моральными ценностями революции или даже противоположные ей, – означает открыть двери контрреволюции и катастрофе.

Понятно поэтому, что успех социальной революции зависит, в первую очередь, от свободы и равенства. Любое отклонение от них несёт вред, более того, оно наверняка окажет разрушительное воздействие. Из этого следует, что любые действия революции должны быть основаны на свободе и равноправии. Это относится и к большим вещам, и к малым. Любые действия или методы, которые проявляют тенденцию к ограничению свободы, к созданию неравенства и несправедливости, могут привести лишь к росту враждебности по отношению к революции и её целям.

Именно с этой точки зрения должны рассматриваться и решаться все проблемы революционного периода. Важнейшие среди них – это проблемы потребления и жилья, производства и обмена.

Глава 12. Потребление и обмен

Давайте сначала поговорим об организации потребления, ведь люди должны поесть, прежде чем они смогут работать и производить.

«Что вы имеете в виду под организацией потребления?» – спросит ваш приятель.

«Думаю, что он имеет в виду рacionamento продуктов», – заметите вы.

Верно, именно это я и имею в виду. Конечно, когда социальная революция будет тщательно организована и производство заработает нормально, будет достаточно продуктов и изделий для каждого. Но на первых стадиях революции, в ходе процесса реконструкции, нам следует позаботиться о снабжении людей как можно лучше и на равных, а это означает рacionamento.

«Но у большевиков не было равного рационирования, – перебьёт меня ваш приятель. – У них были разные рационы для разных людей».

Это верно, и в этом состояла одна из самых крупных ошибок, которые они совершили. Люди воспринимали это как нечто неправильное, и это вызывало смятение и недовольство. Большевики установили одни нормы для матросов, вторые – в меньшем объёме и худшего качества – для солдат, третьи – для квалифицированных рабочих, четвёртые – для неквалифицированных рабочих, ещё одни – для средних граждан и другие – для буржуазии. Самые большие нормы были введены для большевиков, членов партии, а коммунистические чиновники и комиссары получали специальные пайки. В какой-то момент у них было 14 различных размеров продовольственных пайков. Сам здравый человеческий смысл подскажет вам, что всё это было неправильно. Разве справедливо различать людей по тому, что они волею случая стали рабочими, механиками или даже интеллигентами, а не солдатами или матросами? Подобные методы были несправедливы и вредны: они немедленно вели к материальному неравенству и открывали дорогу злоупотреблению своим положением и возможностям для спекуляции, коррупции и обмана. Они придавали стимул контрреволюции, поскольку те, кто были настроены по отношению к революции безразлично или враждебно, ожесточились дискриминацией и тем самым становились жертвой контрреволюционных влияний.

Это изначальное и многие последующие проявления дискриминации диктовались не необходимостью ситуации, а исключительно политическими соображениями партии. После того, как они захватили в свои руки политическую власть и стали опасаться оппозиции людей, большевики попытались укрепиться в правительственных креслах, лезть завоевав

благосклонность матросов, солдат и рабочих. Но этим они вызвали в массах только возмущение и антагонизм, поскольку несправедливость системы была кричащей и очевидной. К тому же, даже «имевший предпочтение» класс, пролетариат, ощущал себя дискриминируемым, так как солдатам предоставлялись большие рационы. Чем рабочий хуже солдата? Разве сможет солдат сражаться за революцию, говорили фабричные рабочие, если рабочий не даст ему снаряжение? Солдат же протестовал против того, что матросы получали больше, чем он. Разве он не столь же ценен, как матрос? И все осуждали специальные пайки и привилегии, которые предоставлялись членам большевистской партии, и особенно комфорт, даже роскошь, которыми пользовались высшие чиновники и комиссары, пока массы страдали от лишений.

Народное возмущение такой практикой решительно выразили моряки Кронштадта. В разгар крайне тяжёлой и голодной зимы 1921 года массовый народный митинг моряков единодушно постановил отказаться от своих особых рационов в пользу менее привилегированного населения Кронштадта и уравнивать пайки во всём городе. Это подлинно революционный и этический акт выразил всеобщие чувства против дискриминации и фаворитизма и стал убедительным свидетельством глубоко укоренившегося в массах чувства справедливости.

Весь опыт учит, что справедливая и мудрая вещь в то же время является самой разумной и в перспективе наиболее практичной. Это в равной степени относится и к индивидуальной, и к коллективной жизни. Дискриминация и несправедливость оказывают особенно разрушительное воздействие на революцию, потому что революционный дух рождается именно из жажды справедливости и равенства.

Я уже говорил о том, что когда социальная революция достигнет ступени, на которой она сможет вести производство в достаточном для всех количестве, будет применяться анархический принцип «каждому по его потребностям». В наиболее индустриально развитых и эффективных странах эта стадия будет достигнута, конечно же, быстрее, чем в странах более отсталых. Но до тех пор, пока она не достигнута, необходима система равных долей, равного распределения на каждого человека, как единственно справедливый метод. Само собой разумеется, что нужно будет особо учитывать положение больных, стариков и детей, а также беременных женщин, что практиковалось и в Российской революции.

«Если я вас правильно понял, – скажете вы, – вы говорите, что всё будет распределяться поровну. Но вы же тогда не сможете ничего купить?»

Нет, ни купли, ни продажи больше не будет. Революция ликвидирует частную собственность на средства производства и распределения, и вместе с этим исчезнет капиталистический бизнес. В личном владении останутся только вещи, которыми вы пользуетесь. Так, ваши часы останутся вашими, но часовой завод будет принадлежать народу. Земля, машины и все общественные учреждения станут общественной собственностью; они не будут ни покупаться, ни продаваться. Реальное пользование будет давать лишь право пользования – как обладание, а не собственность. Например, организация шахтёров-угольщиков будет отвечать за шахты, не как их собственник, а как администратор. Точно так же братство железнодорожников будет руководить работой железных дорог и т. д. Общественное

владение, коллективно управляемое в интересах сообщества, встанет на место персональной собственности, управляемой частными лицами ради получения прибыли.

«Но если вы не сможете ничего купить, как будет с деньгами?» – спросите вы.

Никак, деньги становятся не нужны. Вы ничего за них не получите. Когда источники сырья, земля, фабрики и изделия станут общественной собственностью, будут социализированы, вы не сможете ни покупать, ни продавать. Ведь деньги – это всего лишь средство для таких операций, и надобность в них пропадает.

«Но как же вы будете обмениваться вещами?»

Обмен будет безвозмездным. К примеру, шахтёры станут доставлять добываемый ими уголь на общественные угольные склады для общего пользования. В свою очередь, они будут получать с общественных складов машины, инструменты и другие необходимые им «товары». Это означает свободный обмен, без посредства денег и без прибыли, на основе наличных потребностей и запасов.

«Ну а если не будет машин или продуктов для шахтёров?»

Если их не будет, то никакие деньги всё равно не помогут. Шахтёры не могут питаться банкнотами. Посмотрите, как это делается сегодня. Вы меняете уголь на деньги и за эти деньги покупаете еду. Свободное сообщество, о котором мы говорим, станет менять уголь на продовольствие непосредственно, без использования денег.

«Но на какой основе? Сегодня мы более или менее знаем стоимость доллара, но сколько угля нужно будет отдать за мешок муки?»

Вы имеете в виду, как будет устанавливаться стоимость или цена. Но мы уже видели в предыдущих главах, что никакого реального мерил стоимости нет, что цена зависит от спроса и предложения и колеблется в зависимости от них. При нехватке угля цена на него растёт, когда предложение превышает спрос, она падает. Чтобы получить как можно большую прибыль, владельцы угля сознательно ограничивают добычу; такие же методы действуют во всей капиталистической системе. После ликвидации капитализма никто не будет заинтересован в том, чтобы повышать цену на уголь или ограничивать добычу. Будет добываться столько угля, сколько необходимо для того, чтобы покрыть потребность в нём. Точно так же будет производиться столько продуктов питания, сколько необходимо стране. Именно потребности всех и наличные запасы будут определять то количество, которое будет получено. Это относится и к углю, и к продуктам питания, и ко всем иным потребностям людей.

«Но, предположим, какого-то продукта не хватает на всех. Что вы тогда станете делать?»

Тогда мы сделаем то же, что делают в капиталистическом обществе во время войны или при дефиците: люди будут получать по рационированной норме, с той лишь разницей, что в свободном сообществе рационирование будет осуществляться по принципу равенства.

«Но предположим, крестьянин откажется снабжать город своими продуктами, если не получит за это деньги».

Крестьянин, как и любой другой человек, хочет денег только если он может купить за них то, что ему нужно. Он быстро обнаружит, что деньги для него совершенно бесполезны. В России во время революции крестьянина нельзя было заставить продать фунт муки даже за целый мешок денег. Зато он охотно отдал бы вам целый баррель самого лучшего зёрна за пару старых сапог. Крестьянину нужны плуги, лопаты, грабли, сельскохозяйственные машины и одежда, а не деньги. За это он отдаст вам свою пшеницу, ячмень и кукурузу. Иными словами, город будет обмениваться с крестьянским двором теми продуктами, в которых каждый из них нуждается, по потребностям.

Некоторые предлагали, чтобы обмен в период перестройки общества основывался на определённых стандартах. Например, предлагалось, чтобы каждая община выпустила свои собственные деньги, как часто бывало во время революций, или чтобы за единицу стоимости был взят рабочий день, а средством обмена служили так называемые трудовые чеки. Но ни одно из этих предложений ничего не даст на практике. Деньги, выпущенные общинами в период революции, быстро обесценились бы до нуля, потому что за ними не стояло бы никакой гарантии, а без неё деньги ничего не стоят. Точно так же трудовые чеки не имели бы твёрдой и соизмеримой стоимости в качестве средства обмена. Чего стоил бы, к примеру, час работы шахтёра? Или 15 минут консультации у врача? Даже если бы все виды деятельности были сочтены равными по стоимости, и единицей был установлен час труда, как можно было бы оценить час работы маляра или час медицинской операции в пересчёте на стоимость пшеницы?

Здравый смысл разрешил эту проблему на основе человеческого равенства и права каждого на жизнь.

«Такая система может работать среди честных людей, – возразит ваш приятель. – Но как быть с теми, кто не хочет работать? Разве не правы были большевики, когда выдвинули принцип «Кто не работает – тот не ест»?»

Нет, друг мой, вы ошибаетесь. На первый взгляд, это может показаться справедливой и разумной идеей. Но в действительности она оказалась неосуществимой, не говоря уже о порождаемых ею повсюду несправедливостях и вреде.

«Но почему?»

Она оказалась неосуществимой, потому что потребовала целой армии чиновников, призванных проконтролировать, работают люди или нет. Это привело к обвинениям, встречным обвинениям и бесконечным спорам насчёт официальных решений. Так что при попытке заставить людей работать и надзирать за тем, не ленятся ли они и хорошо ли выполняют свою работу, за короткое время число тех, кто не работал, удвоилось и даже утроилось. Вскоре система принудительного труда обернулась таким провалом, что большевики вынуждены были от неё отказаться.

К тому же, эта система принесла ещё больший вред в другом отношении. Несправедливость её состоит в том, что вы не можете проникнуть в сердце или голову конкретного человека и установить, какое особенное физическое или психологическое состояние в данный момент не даёт ему работать. Учтите ещё и то, что, вводя ложный принцип, вы создаёте прецедент и тем самым вызываете сопротивление тех, кто воспринимают его как неправильный, угнетательский и поэтому отказываются сотрудничать.

Разумно организованное сообщество сочтёт более практичным и полезным обращаться со всеми людьми одинаково, независимо от того, работают они в данное время или нет. Это лучше, нежели создавать куда больше неработающих для того, чтобы следить за уже имеющимися, не строить тюрьмы для их наказания и заключения. Ведь если вы по каким-либо причинам не даёте человеку есть, вы толкаете его на кражу и другие преступления – и тем самым порождаете необходимость в судах, адвокатах, судьях и охранниках, и их содержание ляжет куда большим грузом, чем предоставление еды нарушителям. А этих последних вам всё равно придётся кормить, даже если вы бросите их в тюрьму.

Революционное сообщество станет больше полагаться на пробуждение социального сознания и солидарности в преступниках, чем на их наказание. Оно станет полагаться на пример со стороны своих работающих членов и, делая это, будет совершенно право. Ведь естественное отношение работающего человека к тому, кто работать не хочет, создаст для этого последнего столь не комфортную социальную атмосферу, что тот сам предпочтёт работать и пользоваться уважением и добрым отношением со стороны окружающих, нежели испытывать к себе презрение за свою лень.

Помните, что куда важнее, а, в конечном счёте, ещё и практичнее и полезнее поступить правильно, нежели добиться краткосрочной выгоды. Это означает, что справедливость важнее наказания, ведь наказание никогда не бывает справедливым и всегда вредит обеим сторонам: и тому, кого наказывают, и тому, кто наказывает. В моральном отношении оно ещё вреднее, чем в физическом; и нет вреда больше такого, который делает нас бесчувственными и коррумпированными.

Это совершенно бесспорная истина в вашей личной жизни, и в той же степени применима к коллективному социальному существованию.

Каждая фаза жизни при социальной революции должна строиться на основах свободы, справедливости и равенства, а также на понимании и симпатии. Только так она сможет удержаться. Это относится и к проблемам жилья, пропитания, к безопасности вашего района или города и к защите социальной революции.

В том, что касается жилья и местной безопасности, то в этом путь был указан Россией в первые месяцы Октябрьской революции. Избранные квартиросъёмщиками домовые комитеты и городские федерации этих комитетов берут проблему в свои руки. Они собирают статистические данные обо всех жилищных возможностях в данном округе и о числе тех, кому необходимы квартиры. Эти квартиры выделяются в соответствии с личными и семейными потребностями на основе равноправия.

Таким же домовым и окружным комитетам предстоит заняться снабжением города продовольствием. Индивидуальное обращение за выдачей раций в распределительные центры было бы колоссальной растратой времени и энергии. Столь же неправильной была система, практиковавшаяся в России в первые годы революции, когда продовольственные карточки выдавались по месту работы, на заводах, фабриках и в учреждениях. Лучший и более эффективный путь, который в то же самое время обеспечивает более равномерное распределение и закрывает двери для «блата» и несправедливостей, – это рация по домам и улицам. Полномочный домовый или уличный комитет получает в местном распределительном центре продукты питания, одежду и т. д. пропорционально числу жильцов, представляемых комитетом. Равное рация имеет ещё и то преимущество, что оно искореняет спекуляцию продовольствием – порочную практику, которая выросла в России до гигантских масштабов из-за системы неравенства и привилегий. Члены партии или политические влиятельные лица могли преспокойно привозить в город целые вагоны муки, тогда как какую-нибудь старую крестьянку жестоко карали за продажу буханки хлеба. Неудивительно, что спекуляция процветала, причём до такой степени, что большевикам пришлось сформировать специальные отряды для борьбы с этим злом [15]. Тюремные были заполнены нарушителями; прибежали к смертной казни, но даже драконовские меры правительства не могли сдержать спекуляцию, потому что она была всего лишь прямым следствием системы дискриминации и привилегий. Только равенство и свобода обмена могут предотвратить это зло или, по меньшей мере, свести его к минимуму.

Наилучших результатов в деле заботы о санитарном состоянии и иных подобных нуждах улиц и округов добьются добровольные комитеты домов и местности, поскольку такие органы, то есть, сами жители данного округа, лично заинтересованы в здоровье и безопасности своих семей и друзей. Эта система в России работала куда лучше, чем созданная позднее регулярная полиция. Последняя состояла в основном из худших городских элементов и проявила себя как коррумпированная, жестокая и репрессивная.

Надежда на материальное улучшение, как уже говорилось, служит мощным фактором в прогрессе человечества. Но одного этого стимула недостаточно для того, чтобы вдохновить массы образом нового и лучшего мира и убедить их ради этого пойти на опасности и лишения. Для этого необходим идеал. Идеал, который взывает не только к желудку, но ещё больше – к сердцу и воображению, пробуждает нашу дремлющую тягу ко всему утончённому и прекрасному, духовным и культурным жизненным ценностям. Короче, идеал, который будит врождённые социальные инстинкты человека, питает его симпатии и сочувствие к ближнему, воспламеняет его любовь к свободе и справедливости и пропитывает даже самых низких благородством мысли и дела, что мы нередко видим в жизни во время катастрофических происшествий. Достаточно где-нибудь случиться большой трагедии – землетрясению, наводнению или железнодорожной аварии – и пострадавшим адресуется сочувствие всего мира. Акты героического самопожертвования, отважного спасения и безграничной помощи демонстрируют подлинную природу человека и его глубинные чувства братства и единства.

Это верно для людей во все времена, во всех климатических зонах и из всех социальных слоёв. Прекрасной иллюстрацией этого служит история Амундсена. После десятилетий

тяжёлой и опасной работы знаменитый норвежский исследователь решает провести последние годы в наслаждении литературным творчеством. Он объявляет о своём решении на банкете, устроенном в его честь, и почти в тот же самый момент приходит известие о том, что отправлявшаяся на Северный полюс экспедиция Нобиле[16] закончилась катастрофой. Он немедленно отказывается от своих планов на спокойную жизнь и готовится вылететь на помощь пропавшим авиаторам, полностью сознавая опасность такого предприятия. Человеческая симпатия и внутреннее побуждение помочь людям, попавшим в беду, преодолевают все соображения личной безопасности, и Амундсен жертвует своей жизнью ради спасения команды Нобиле.

Дух Амундсена живёт глубоко во всех нас. Сколько учёные отдали свою жизнь в поисках знаний, которые должны принести пользу человечеству; сколько врачи и медсёстры погибли, ухаживая за людьми, страдающими от заразных заболеваний; сколько мужчин и женщин добровольно пошли на верную смерть в попытке сдержать эпидемию, которая опустошила их и даже чужую страну; сколько людей, простых трудящихся, шахтёров, моряков, железнодорожников, неизвестных и никем не воспетых, пожертвовали собой в духе Амундсена? Имя им легион.

Именно эта человеческая природа, этот идеализм должны быть разбужены социальной революцией. Без них революции быть не может; без них она не может жить. Без них человек навсегда обречён оставаться рабом и ничтожеством.

Дело анархиста, революционера, умного, классово сознательного пролетария – подать пример, взрастить в себе этот дух и передать его другим. Только он, этот дух, может победить силы зла и тьмы и построить новый мир человечности, свободы и справедливости.

Глава 13. Производство

«А как будет с производством, – спросите вы, – как оно будет управляться?»

Мы уже видели, каким принципам должны следовать действия революции, если она является социальной и осуществляет свои цели. Те же самые принципы свободы и добровольного сотрудничества должны также направлять реорганизацию промышленности.

Первым воздействием революции становится сокращение производства. Всеобщая стачка, которая, как я предсказал, будет стартовой точкой социальной революции, сама по себе означает остановку промышленности. Рабочие откладывают свои инструменты, выходят на уличные демонстрации, и это ведёт к временному прекращению производства.

Но жизнь продолжается. Важнейшие потребности людей должны быть удовлетворены. На этой стадии революция живёт за счёт уже имеющихся запасов. Но исчерпать их было бы катастрофой. Ситуация остаётся в руках трудящихся: первостепенным делом становится немедленное возобновление работы индустрии. Организованный сельскохозяйственный и промышленный пролетариат завладевает землёй, фабриками, заводами, шахтами и комбинатами. На повестку дня встаёт теперь их самое энергичное использование.

Следует ясно понимать, что *социальная революция нуждается в более интенсивном производстве*, чем при капитализме, чтобы удовлетворить потребности широких масс, до этого живших в нищете. Это большее производство может быть обеспечено лишь самими рабочими, которые заранее приготовились к новой ситуации. Знакомство с процессом работы отрасли, наличие знаний об источниках сырья и решимость сделать необходимое довершат остальное. Рождённый революцией энтузиазм, освобождённая энергия и изобретательность должны получить полную свободу и пространство для нахождения творческих путей. Революция всегда пробуждает высокую степень ответственности. Вместе с новой атмосферой свободы и братства, она рождает понимание того, что для того, чтобы поставить производство на высоту потребления, необходимы упорный труд и строгая самодисциплина.

С другой стороны, новая ситуация сильно упростит нынешние очень сложные проблемы индустрии. Вам не стоит забывать о том, что капитализм из-за своего конкурентного характера, противоречивых финансовых и торговых интересов, включает множество запутанных и всё усложняющих вопросов, которые исчезнут с ликвидацией нынешних условий. Такие вопросы, как шкала зарплаты, цены продаж, требования существующих рынков и погоня за новыми рынками, нехватка капитала для крупных операций и слишком высокие проценты для платы по кредитам, новые инвестиции, воздействие спекуляции и монополии и целый ряд связанных с этим проблем, которые беспокоят капиталистов и делают сегодняшнюю индустрию столь сложной и тяжеловесной сетью, исчезнут. В настоящее время они требуют наличия целых исследовательских отделов и высококвалифицированных людей, которые в состоянии распутать эти хитросплетения

сталкивающихся намерений плутократии, множества специалистов для того, чтобы рассчитать нынешний уровень и возможности прибылей и убытков, и большого числа помощников, чтобы направлять корабль промышленности среди опасных скал, усеивающих хаотический курс капиталистической конкуренции в национальном и интернациональном масштабе.

Всё это автоматически исчезнет с социализацией промышленности и концом системы конкуренции, а потому проблемы производств намного облегчатся. Так что запутанный узел капиталистической индустрии не должен внушать страх за будущее. Те, кто уверяют, будто трудящиеся не в состоянии управлять «современной» индустрией, не учитывают упомянутые выше факторы. В день социальной реконструкции индустриальный лабиринт покажется куда менее устрашающим.

Попутно следует упомянуть о том, что и все иные сферы жизни также сильно упростятся в результате упомянутых перемен: многие обычаи, нравы, принудительные и нездоровые образы жизни естественным образом отомрут.

Далее нужно учитывать, что задача увеличения производства чрезвычайно облегчится с приходом в ряды трудящихся огромного числа тех, кого новые экономические условия высвободят для занятия трудом.

По данным последней статистики, в США в 1920 г. насчитывался 41 миллион лиц обоего пола, занятых профессиональным трудом при общем населении в 105 миллионов человек[17]. Из этих 41 миллиона, лишь 26 миллионов были действительно заняты в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве, остальные 15 миллионов составляли преимущественно люди, заняты в торговле, коммивояжёры, рекламщики и различные другие посредники нынешней системы. Иными словами, 15 миллионов человек были бы освобождены революцией в США для полезного труда[18]. Такая же картина с пересчётом на численность населения сложилась бы и в других странах.

Увеличение производства, необходимое в результате социальной революции, будет, таким образом, иметь в своём распоряжении дополнительную армию в несколько миллионов человек. Систематическое включение этих миллионов людей в промышленность и сельское хозяйство при помощи современных научных методов организации и производства способствовало бы в будущем решению проблем со снабжением.

Капиталистическое производство ведётся ради прибыли; сегодня больше труда затрачивается на то, чтобы продать вещи, чем на то, чтобы изготовить их. Социальная революция реорганизует промышленность на основе *потребностей* населения. Разумеется, на первом месте стоят жизненно важные потребности. Продукты питания, одежда, жильё – всё это самые первые потребности человека. Первый шаг на этом пути – это установление наличных запасов продовольствия и других товаров. Ассоциации трудящихся в каждом городе и общине возьмут это дело в свои руки для обеспечения равномерного распределения. Этим займутся рабочие комитеты каждой улицы и округа, в сотрудничестве с аналогичными комитетами города и штата и объединяя на федеративной основе свои усилия по всей стране через генеральные советы производителей и потребителей.

Великие события и потрясения выводят на поверхность наиболее активные и энергичные элементы. Социальная революция приведёт к оформлению рядов классово сознательных трудящихся. Как бы они ни назывались – производственными союзами, революционно-синдикалистскими организациями, кооперативными ассоциациями, лигами производителей и потребителей – они будут представлять собой наиболее просвещённую и продвинутую часть трудящихся, организованных рабочих, сознающих свои цели и способы их достижения. Именно они станут движущей духовной силой революции.

С помощью промышленного оборудования и научной обработки земли, освобождённой от уз монополии, революция должна, прежде всего, удовлетворить самые элементарные нужды общества. Интенсивное выращивание и современные методы в земледелии и огородничестве сделали нас практически независимыми от природного качества почвы и климата. Благодаря достижениям химии, человек может сегодня в значительной мере создавать нужные ему почву и климат. Экзотические фрукты могут выращиваться на Севере и поставляться на тёплый Юг, как это происходит во Франции. Наука – это волшебник, который позволяет человеку справиться со всеми трудностями и преодолеть все преграды. Будущее, освобождённое от кошмаров системы прибыли и обогащённое трудом миллионов тех, кто сегодня не участвует в производстве, обеспечит самое большое благосостояние обществу. Такое будущее должно быть целью социальной революции; её девиз – хлеб и довольство для всех. Сначала хлеб, потом довольство и излишество. Да, даже излишество: ведь излишество – это глубоко укоренившаяся потребность человека, потребность его как физического, так и духовного существования.

Революция должна постоянно стараться достичь этой цели: она должна быть не чем-то, что можно отложить на будущее, но немедленной практикой. Революция должна стремиться дать каждой общине возможность обеспечить себя, стать независимой в материальном отношении. Никакая страна не сможет полагаться на помощь извне или на эксплуатацию колоний ради своей выгоды. Так делает капитализм. Целью анархизма, напротив, является материальная независимость – не только для отдельного человека, но и для каждого сообщества.

Это означает постепенную децентрализацию вместо централизации. Даже при капитализме мы наблюдаем проявления тенденции к децентрализации, несмотря на централистский по сути своей характер нынешней индустриальной системы. Страны, которые прежде полностью зависели от иностранных промышленных товаров, как, например, Германия в последней четверти 19 столетия, позднее Италия и Япония, а теперь и Венгрия, Чехословакия и т. д., постепенно освобождаются в промышленном отношении, разрабатывают свои собственные природные ресурсы, строят собственные фабрики, заводы и добиваются экономической независимости от других стран. Международные финансовые круги недовольны таким развитием и пытаются, насколько это возможно, затормозить этот прогресс, поскольку Морганам и Рокфеллерам гораздо прибыльнее удерживать такие страны, как Мексика, Китай, Индия или Египет, в состоянии индустриальной отсталости, чтобы эксплуатировать их природные ресурсы и одновременно обеспечивать внешние рынки для сбыта «сверхпроизводства» собственных стран. Правительства крупных финансистов и промышленных магнатов помогают им обеспечить себе внешние природные ресурсы и рынки, если надо – с помощью штыка. Так Британия силой оружия заставила

Китай позволить английскому опиуму травить китайцев, получая хорошие прибыли, и использовала все доступные средства для того, чтобы иметь возможность продавать в этой стране большую часть своей продукции текстиля. По той же самой причине Египту, Индии, Иордании и другим зависимым территориям и колониям не разрешается развивать свою собственную промышленность.

Короче говоря, капитализм стремится к централизации. Но свободной стране нужна децентрализация, независимость, и не только политическая, но также промышленная, экономическая.

Впечатляющим примером того, насколько настоятельно важна экономическая независимость, особенно для социальной революции, служит Россия. Ещё долгие годы после Октябрьского восстания большевистское правительство сосредотачивало свои усилия на том, чтобы добиться благожелательного отношения со стороны буржуазных правительств, получить от них «признание» и пригласить иностранный капитал принять участие в эксплуатации ресурсов России. Но капитал, опасаясь делать большие капиталовложения в ненадёжных условиях диктатуры, отказывался реагировать с должной степенью энтузиазма. Россия постепенно приближалась к экономическому краху. В конце концов, положение вынудило большевиков осознать, что ради выживания страна должна завестись от собственных усилий. Россия стала искать средства помочь себе сама. Тем самым она завоевала больше доверия к собственным возможностям, научилась опираться на свои силы и инициативу и начала развивать свою собственную промышленность. Это медленный и болезненный процесс, но необходимость, которая, в конце концов, сделает Россию экономически самостоятельной и независимой.

Социальная революция в каждой данной стране должна с самого начала стремиться к самостоятельности. Она *должна помочь себе сама*. Принцип самопомощи не следует понимать как отсутствие солидарности с другими странами. Наоборот, взаимопомощь и сотрудничество между странами, как и между отдельными людьми, могут существовать лишь на основе равенства, среди равных. При наличии *зависимости* это невозможно.

Если социальная революция наступит одновременно в нескольких странах – например, во Франции и в Германии – тогда их совместные усилия будут делом само собой разумеющимся, и это сделает задачу революционного преобразования ещё проще.

К счастью, рабочие начинают понимать, что их дело носит интернациональный характер: организация труда теперь развивается поверх национальных границ. Надо надеяться, что недалеко то время, когда весь пролетариат Европы сможет соединиться во всеобщей стачке, которой предстоит стать прелюдией к социальной революции. Разумеется, это та точка, к которой следует стремиться как можно скорее. Но в то же время стоит считаться с возможностью того, что революция произойдёт в одной стране раньше, чем в другой, – скажем, во Франции раньше, чем в Германии, – и в этом случае Франции будет необходимо не ждать возможной помощи извне, а немедленно направить всю свою энергию на то, чтобы помочь самой себе, удовлетворить самые основные потребности своего населения своими собственными силами.

Каждая страна, переживающая революцию, должна стремиться достичь сельскохозяйственной независимости не меньше, чем политической, и обеспечить самопомощь в промышленности не меньше, чем в сельском хозяйстве. Этот процесс в известных рамках идёт и при капитализме. Он должен стать одной из главных целей социальной революции. Современные методы делают это возможным. Например, производство часов, бывшее прежде монополией Швейцарии, сейчас осуществляется в любой стране. Производство шёлка, раньше ограничивавшееся Францией, сегодня стало одной из крупнейших отраслей промышленности многих стран. Италия, не имеющая запасов железа и угля, строит корабли со стальной бронёй, то же самое делает и Швейцария, не в большей степени богатая такими запасами.

Децентрализация избавит общество от многих бед централистского принципа. С политической точки зрения, децентрализация означает свободу; с промышленной – материальную независимость; с социальной – уверенность и довольство для небольших общин; с индивидуальной точки зрения – она несёт человечность и свободу.

Точно так же, как независимость от заграницы, для социальной революции важна децентрализация внутри собственной страны. Внутренняя децентрализация означает, что крупные регионы и даже каждая община по возможности самообеспечиваются. В своей доходчивой и наводящей на размышления работе «Поля, фабрики и мастерские» Пётр Кропоткин убедительно показал, что даже такой город, как Париж, будучи в настоящее время почти исключительно торговым центром, может выращивать и производить в своих окрестностях достаточно продуктов питания для того, чтобы в изобилии снабжать своё население. Используя современную сельскохозяйственную технику и интенсивное земледелие, Лондон и Нью-Йорк могли бы жить за счёт продуктов, выращиваемых в непосредственном окружении. Факты таковы, что «наши средства к добыванию из земли всего, что нам нужно, при каком бы то ни было климате и при какой бы то ни было почве, настолько усовершенствовались за последнее время, что трудно сказать, где предел производительности земли. По мере того, как мы лучше изучаем способы добывания пищи из земли, этот предел с каждым годом всё более и более отходит в даль»[19].

Когда в какой-либо стране начнётся социальная революция, её внешняя торговля прекратится: импорт сырья и готовых изделий будет прерван. Страна может подвергнуться блокаде со стороны буржуазных правительств, как это произошло с Россией. Поэтому революция *вынуждена* стать самообеспечивающейся и производить ради собственных нужд. Даже отдельные части страны могут столкнуться с такой возможностью. Им придётся производить всё необходимое в своих собственных пределах и своими собственными силами. Только децентрализация может решить эту проблему. Страна должна таким образом реорганизовать свои действия, чтобы иметь возможность прокормить саму себя. Ей придётся вернуться к производству в малых масштабах, к домашнему производству и интенсифицировать сельское хозяйство, садоводство и огородничество. В этой ситуации проявят себя человеческая инициатива, освобождённая революцией, и человеческая изобретательность, побуждаемая необходимостью.

Вот почему необходимо ясно сознавать, что для интересов революции стало бы катастрофой подавлять малые предприятия, которые всё ещё широко распространены в различных

европейских странах, или вмешиваться в их работу. Многие предметы повседневного спроса изготавливаются крестьянами континентальной Европы в свободные зимние часы. Это домашнее производство весьма велико и удовлетворяет важные потребности. Их уничтожение нанесло бы огромный вред революции. Именно так по-идиотски поступили российские большевики с их манией централизации. Когда страна, в которой происходит революция, подвергается атакам со стороны иностранных правительств, блокирована и лишена импорта, когда её крупная промышленность под угрозой развала или разваливается железнодорожная система, такое мелкое домашнее производство становится жизненным нервом экономической жизни: только оно может накормить и спасти революцию.

К тому же, такое домашнее производство – это не только мощный экономический фактор; оно имеет ещё и очень большую ценность для общества. Оно служит поддержанию дружеских связей между деревней и городом, побуждая обоих к более тесным и солидарным контактам. Действительно, домашнее производство служит само по себе выражением здорового духа общества, который издавна проявлялся в сельских сходах, общинных работах, народных танцах и песнях. Это нормальная здоровая тенденция в различных её аспектах должна поощряться и стимулироваться революцией ради общего блага.

Роль промышленной децентрализации в революции, к сожалению, недооценена. Даже среди прогрессивных трудящихся существует опасная тенденция игнорировать или недооценивать её значение. Большинство людей всё ещё находятся в плену марксистской догмы, согласно которой централизация «более эффективна и экономична». Они закрывают глаза на то обстоятельство, что мнимая «экономия» достигается за счёт здоровья и жизни работника, что «эффективность» низводит его до роли винтика индустриальной машины, отупляет его душу и убивает его тело. К тому же, при системе централизации управление промышленностью всегда сосредотачивается в руках немногих, создавая мощную бюрократию крупных промышленных боссов. Чистейшей иронией было бы, если бы революция стремилась к такому результату. Это означало бы создание нового класса хозяев.

Революция может достичь освобождения труда лишь путём постепенной децентрализации, превратив отдельного рабочего в более сознательный и определяющий фактор процесса производства, в импульс, от которого исходит вся промышленная и социальная деятельность. Глубинное значение социальной революции состоит в уничтожении господства человека над человеком и замене его управлением вещами. Только так может быть достигнута свобода в промышленности и обществе.

«И вы уверены, что это будет работать?» – спросите вы.

Я уверен вот в чём: если это не сработает, то не сработает ничто. Описанный мной план – это вольный коммунизм, жизнь в добровольном сотрудничестве и с равной возможностью пользования. Нет иного пути обеспечить экономическое равенство, которое только и есть свобода. Любая другая система снова приведёт к капитализму.

Возможно, конечно, что страна, в которой идёт социальная революция, опробует различные экономические эксперименты. В одной части страны может быть введён ограниченный капитализм, в другой – коллективизм. Но коллективизм – это всего лишь другая система наёмного труда; она быстро проявила бы тенденцию к превращению в нынешний капитализм. Начиная с отмены частной собственности на средство производства, коллективизм тут же поворачивает назад, возвращаясь к системе вознаграждения за выполненную работу, что означает восстановление неравенства.

Человек учится на своих поступках. Социальная революция в различных странах и регионах, возможно, испробует разные методы и на практическом опыте научится идти наилучшим путём. Революция – одновременно и возможность, и оправдание этого. Я не пытаюсь предрекать, что станет делать та или другая страна, каким особым курсом она пойдёт. Я не собираюсь и заниматься предсказанием будущего или предписывать нормы поведения. В мои намерения входит лишь изложить в самом широком очерке те принципы, которыми должна вдохновляться революция, те общие ориентиры действия, которыми она должна руководствоваться, если хочет достичь своих целей – перестройки общества на основах свободы и равенства.

Мы знаем, что предшествующие революции по большей части терпели неудачу в достижении своих целей; они вырождались в диктатуру и деспотизм, а затем восстанавливали старые структуры угнетения и эксплуатации. Мы знаем это из прошлого и из недавней истории. Поэтому мы и приходим к заключению о том, что старым путём идти нельзя. В грядущей социальной революции должен быть провозглашён новый путь. Какой именно? Единственный, пока известный человеку: путь свободы и равенства, путь вольного коммунизма, анархии.

Глава 14. Защита революции

«Предположим, ваша система подвергается испытанию, есть ли у вас какие-то средства для защиты революции?» – спросите вы.

Конечно.

«Даже с помощью вооружённой силы?»

Да, если это необходимо.

«Но ведь вооружённая сила – это организованное насилие. Разве не вы говорили, что анархизм против этого?»

Анархизм выступает против любого вмешательства в вашу свободу, будь то с помощью силы, насилия или любым иным образом. Анархизм против любого вторжения и принуждения. Но если на вас кто-то нападает, то именно *он* вторгается и использует насилие в отношении вас. Вы имеете право на самозащиту. Более того, ваша обязанность, как анархиста, защищать свою свободу, противостоять насилию и принуждению. В противном случае вы – раб, а не свободный человек. Иными словами, социальная революция ни на кого нападать не будет, но она будет защищаться от вторжения с любой стороны.

Кроме того, не надо путать социальную революцию и анархию. Революция на некоторых своих этапах является насильственным восстанием; анархия же – это общественное состояние свободы и мира. Революция – это *средство* осуществления анархии, но это ещё не сама анархия. Она должна проложить дорогу к анархии, создать условия, которые сделают свободную жизнь возможной.

Но для достижения своей цели революция должна быть пропитана и направляться анархическим духом и идеями. Цель определяет средства, подобно тому, как инструмент, который вы используете, должен быть пригоден для работы, которую вы намереваетесь проделать. Это означает, что социальная революция должна быть анархической как по своим методам, так и по своим целям.

Защита революции должна быть созвучна этому духу. Самооборона исключает любые намёки на принуждение, преследования или месть. Она занимается только отражением нападения и лишением противника возможности вторгнуться к вам.

«Как же вы станете отражать иностранное вторжение?»

Силой революции. В чём состоит эта сила? В первую очередь, в поддержке людей, в преданности ей промышленных и сельскохозяйственных масс. Если они чувствуют, что сами делают революцию, что они стали хозяевами своей судьбы, что они обрели свободу и строят своё благополучие, то именно в этом чувстве вы имеете дело с самой большой силой революции. Народные массы по сей день сражаются за короля, капиталиста или президента, потому что верят, что ради них стоит сражаться. Дайте им поверить в революцию, и они будут защищать её до конца.

Они будут сражаться за революцию всем сердцем и душой, как полуголодные рабочие, работницы и даже дети Петрограда защищали свой город, чуть ли не голыми руками, от Белой армии генерала Юденича. Отнимите эту веру, лишите народ силы, поставив над ним какую-нибудь власть, будь то власть политической партии или военной организации, – и вы нанесёте революции смертельный удар. Вы лишите её главного источника силы – масс. Вы сделаете её беззащитной.

Вооружённые рабочие и крестьяне – это единственная эффективная защита революции. Опираясь на свои профсоюзы и синдикаты, они всегда должны стоять на страже против контрреволюционных атак. Рабочий на фабрике и заводе, в шахте и поле – это солдат революции. В зависимости от потребности, он находится у станка и плуга или на поле брани. Но и у себя на фабрике, и в своём подразделении он остаётся душой революции, и именно *его* воля решает её судьбу. В промышленности – заводские комитеты, в казарме – солдатские комитеты – таков первоисточник любой революционной силы и активности.

Именно добровольческая Красная гвардия, состоявшая из тружеников, успешно защитила российскую революцию на её наиболее критической начальной стадии. Потом это были добровольческие крестьянские полки, которые разгромили армии белых. Регулярная Красная армия, организованная позже, была бессильна без добровольческих рабочих и крестьянских частей. Сибирь была освобождена от Колчака и его полчищ именно такими вот крестьянскими добровольцами. На севере России также рабочие и крестьянские отряды изгнали иностранные армии, которые пришли навязать народу иго местных реакционеров[20]. На Украине добровольческие крестьянские армии, известные как повстанцы, спасли революцию от многочисленных контрреволюционных генералов, и в частности от Деникина, когда тот уже стоял у самых ворот Москвы. Именно революционные повстанцы освободили юг России от вторгшихся армий Германии, Франции, Италии и Греции, а затем разгромили и белые силы генерала Врангеля.

Вооружённая защита революции может потребовать верховного командования, координации действий, дисциплины и подчинения приказам. Но они должны проистекать из преданности рабочих и крестьян и основываться на их добровольном сотрудничестве через их местные, региональные и федеральные организации. В вопросе защиты от нападения извне, как и во всех других проблемах социальной революции, активный интерес масс, их автономия и самоопределение являются лучшей гарантией успеха.

Надо хорошо понимать, что единственная по-настоящему эффективная защита революции заключается в отношении к ней народа. Недовольство населения – худший враг революции и величайшая опасность для неё. Мы всегда должны помнить о том, что сила социальной

революции является органической, а не механической; не в механических, военных мерах заключается её мощь, но в промышленности, в её способности к перестройке жизни, способности установить свободу и справедливость. Дайте людям почувствовать, что это действительно их дело находится под угрозой, и самый последний человек среди них во имя него будет драться как лев.

К внутренней защите относится то же самое, что и к внешней. Каковы шансы какого-нибудь белого генерала или контрреволюционера, если он не сможет воспользоваться наличием угнетения и несправедливости, чтобы подстрекать народ против революции? Контрреволюция может подпитываться только народным недовольством. Там, где массы осознают, что революция и вся её работа находится в их собственных руках, что они сами управляют вещами и могут свободно менять свои методы, когда сочтут это необходимым, контрреволюция не может найти поддержку и не представляет опасности.

«Вы что же, позволите контрреволюционерам подстрекать народ, если они будут пытаться это сделать?»

Да пожалуйста, пусть они говорят всё, что им нравится. Их ограничение лишь привело бы к созданию класса преследуемых, что привлекло бы народное сочувствие к ним и их делу. Подавление свободы слова и печати – это не просто теоретическое преступление против свободы: это прямой удар по самим основам революции. Прежде всего, это создаст проблемы там, где их раньше не было. Это позволит внедрить методы, которые приведут к недовольству и оппозиции, ожесточению и раздорам, к тюрьмам, ЧК и гражданской войне. Это породит страх и недоверие, подготовку заговоров, и завершением станет царство террора, которое в прошлом всегда убивало революции.

Социальная революция должна быть с самого начала основана на совершенно иных принципах, на новой концепции и отношении. Полная свобода – это само дыхание её существования; и никогда не следует забывать о том, что лучшее лекарство от зла и беспорядка – это ещё больше свободы, а не её подавление. Подавление приводит лишь к насилию и разрушению.

«Так вы что, не станете защищать революцию?» – спросит ваш приятель.

Конечно, станем. Но не от простой болтовни, не от высказывания своего мнения. Революция должна быть достаточно великой для того, чтобы допускать даже самую суровую критику и извлекать из неё уроки, если она справедлива. Революция будет со всей решимостью защищать себя от реальной контрреволюции, от всех активных врагов, от любых попыток уничтожить или саботировать её с помощью насильственного вторжения или насилия. Это право революции и её долг. Но она не будет преследовать побеждённых врагов, не будет распространять месть на целый социальный класс из-за вины отдельных его членов. Грехи отцов не падут на их детей.

«А что вы будете делать с контрреволюционерами?»

Реальные боевые действия и вооружённое сопротивление сопровождаются человеческими жертвами, и контрреволюционеры, которые теряют жизни в этих обстоятельствах, страдают

от неизбежных последствий своих поступков. Но революционный народ – это не дикари. Раненых не убивают и пленных не казнят. И не практикуется варварская система расстрела заложников, как это делали большевики.

«Что вы будете делать с контрреволюционерами, взятыми в плен на поле боя?»

Революция должна найти новые пути, разумный метод обращения с ними. Старый метод таков: посадить в тюрьму, держать в праздности и привлечь множество людей, чтобы охранять и наказывать их. И покуда остаётся в тюрьме, содержание под стражей и жестокое обращение ещё более озлобляют его против революции, укрепляют его недовольство и возвращают мысли о мести и новых заговорах. Революция должна рассматривать такие методы как глупые и вредные для своих интересов. Вместо этого она попытается с помощью гуманного обращения убедить поверженного врага в его ошибке и бесполезности сопротивления. Она прибегнет к свободе вместо мести. Она станет учитывать, что большая часть контрреволюционеров являются скорее обманутыми, чем врагами, жертвами, введёнными в заблуждение некоторыми лицами, стремящимися к силе и власти. Она будет понимать, что им нужно просвещение, а не наказание, и что первое даст больше, чем последнее. Даже сегодня понимание этого восприятия обретает всё большую почву под ногами. Большевики разгромили армии союзников, используя с куда большим эффектом революционную пропаганду среди солдат противника, чем силу своей артиллерии. Эти новые методы были признаны практичными даже правительством Соединённых Штатов, которое использует их сейчас в никарагуанской кампании[21]. Американские самолёты разбрасывают прокламации и призывы к никарагуанскому народу, убеждая его оставить Сандио и его дело, и командование американской армии ожидает от этой тактики самых замечательных результатов. Но патриоты Сандио сражаются за свой дом и страну против иностранных захватчиков, а контрреволюционеры ведут войну против собственного народа. Работа по их просвещению гораздо проще и обещает лучшие результаты.

«Вы полагаете, что это наилучший способ справиться с контрреволюцией?»

Конечно. Гуманное обращение и доброта более действенны, чем жестокость и месть. Новый подход в этой связи предложил бы также ряд других методов подобного характера. Как только вы начнёте применять новую политику на практике, разовьются разные способы обращения с заговорщиками и активными врагами революции. Может быть принят, например, план их расселения, индивидуально или небольшими группами, по районам, удалённым от их контрреволюционного влияния, среди общин, обладающих революционным духом и сознанием. Не забывайте: контрреволюционерам также надо есть; это означает, что они окажутся в положении, когда их мысли и время будут уходить на другие вещи, а не на плетение заговоров. Победённому контрреволюционеру, находящемуся на свободе, а не в тюрьме, придётся искать средства к существованию. Конечно, его не лишат средств к существованию, так как революция будет достаточно щедра, чтобы кормить даже своих врагов. Но чтобы пользоваться радушием распределительного центра, такой человек должен будет вступить в какую-то общину, найти надёжное жильё и так далее. Иными словами, наличие у контрреволюционных «узников на воле» средств к существованию будет зависеть от общества и доброй воли его членов. Они будут жить в атмосфере и под

влиянием её революционной среды. Конечно же, они будут безопаснее и довольнее, чем были бы в тюрьме, и, собственно, перестанут представлять опасность для революции. Мы неоднократно видели такие примеры в России, например, когда контрреволюционеры бежали от ЧК и селились в какой-нибудь деревне или городе, где в результате внимательного и достойного обращения становились полезными членами общества, часто более радеющими за дела общественного благосостояния, чем среднестатистический гражданин, тогда как сотни их товарищей-заговорщиков, которым не столь посчастливилось избежать ареста, лелеяли в тюрьме мысли о мести и новых заговорах.

Разные планы обращения с такими «узниками на воле», без сомнения, будут предлагаться революционным народом. Но каковы бы ни были эти методы, они будут более приемлемы, чем нынешняя система мести и наказания, полный провал которой был продемонстрирован на протяжении всей человеческой истории. Среди новых путей также может быть попытка свободной колонизации. Революция будет предлагать своим врагам возможность поселиться в какой-нибудь части страны и установить ту форму социальной жизни, которая им подходит лучше. Не будет слишком смелым предположением предсказать, что это продлится недолго, большинство из них предпочтут братство и свободу революционной общины реакционному режиму своей колонии. Но даже если они этого и не сделают, ничего ещё не потеряно. Напротив, революция могла бы сама извлечь огромные выгоды в моральном отношении, отказавшись от методов мести и преследования и практикуя человечность и великодушие. Революционная самооборона, вдохновлённая такими методами, будет более эффективной, благодаря самой широкой свободе, которая будет гарантирована даже её врагам. Её привлекательность для масс и мира в целом, тем самым, станет неотразимой и универсальной. В её справедливости и человечности лежит непобедимая сила социальной революции.

Ни одна революция ещё не пыталась идти подлинным путём свободы. Никто не верил в неё в достаточной степени. Насилие и подавление, преследования, месть и террор были характерны для всех революций в прошлом и этим принесли поражение их первоначальным целям. Пришло время опробовать новые методы, новые пути. Социальная революция должна добиться освобождения человека через свободу, но если мы сами в неё не верим, революция превращается в отказ от самой себя и в предательство самой себя. Будем же иметь смелость свободы: пусть она заменит репрессии и террор. Пусть свобода станет нашей верой и нашим делом, и мы станем сильнее вместе с ней.

Только свобода может сделать социальную революцию действенной и полезной. Только она может проложить путь к великим высотам и подготовить приход общества, в котором благополучие и радость будут достоянием всех. Тот день станет рассветом, когда человек впервые будет иметь все возможности для роста и развития под свободным и щедрым солнцем анархии.

Примечания

[1] В 1892 году Александр Беркман стрелял в руководителя концерна «Карнеги» Генри Фрика, который распорядился сократить зарплату рабочим и разместить на предприятии частную полицию, расстрелявшую бастующих (Примечание переводчика).

[2] 13 июня 1874 года (Примечание А. Беркмана).

[3] Леон Чолгош, убивший в 1901 году президента США Мак-Кинли, не состоял ни в одной анархистской организации, но на суде назвал себя анархистом (Примечания переводчика).

[4] Анархия означает состояние, анархизм – это теория или учение об анархии (Примечание А. Беркмана).

[5] «New York World Almanac», 1927 (Примечание А. Беркмана).

[6] Сами мютюалисты не называют себя анархистами (возможно, из-за того, что сам термин вызывает столько недопонимания), но, тем не менее, являются самыми настоящими анархистами, поскольку не верят в правительство и какую-либо политическую власть (Примечание А. Беркмана).

[7] См. книгу П. А. Кропоткина «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» (Примечание А. Беркмана).

[8] Имеется в виду установление фашистского режима в Италии и диктаторских режимов в различных странах Европы. Анархисты видели в этом проявление тенденций к государственному капитализму (Примечание переводчика).

[9] Официальное освобождение политических заключённых в России произошло позднее, после того, как революционные массы разрушили тюрьмы в Петрограде, Москве и других городах (Примечание А. Беркмана).

[10] Рабочие-анархисты Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти были необоснованно обвинены в том, что якобы совершили в 1920 году разбойное нападение и убийство. Процесс над ними носил ярко выраженный политический характер, и обвинение основывалось, в первую очередь, на радикальных взглядах обвиняемых. Суд вызвал массовые протесты по всему миру. Тем не менее, 23 августа 1927 года Сакко и Ванцетти были казнены (Примечание переводчика).

[11] Уильям Хейвуд, Чарльз Мойер и Джордж Петтибон были лидерами считавшегося радикальным профсоюза и участниками забастовки 1904 года в Криппл-Крик (Колорадо), которая сопровождалась столкновениями. В 1905 году их обвинили в убийстве губернатора штата Айдахо и отдали под суд. В итоге они были оправданы (Примечание переводчика).

[12] Рабочий активист Том Муни обвинён во взрыве бомбы в 1916 году в Сан-Франциско и приговорён к смертной казни, заменённой позднее на пожизненное заключение. Даже некоторые представители американского истеблишмента, как например, дипломат Джордж Кеннан, признавали, что речь шла о судебной ошибке. Отмена казни Муни стала во многом результатом массовых протестов (Примечание переводчика).

[13] Термином «открытый цех» в США называют предприятия, куда принимаются не только члены профсоюзов, но и неорганизованные работники (Примечание переводчика).

[14] Современный анархо-синдикализм отрицательно относится к участию представителей работников в практическом «самоуправлении» капиталистическими предприятиями и учреждениями, рассматривая это как форму сотрудничества с классовым противником – капиталом (Примечание переводчика).

[15] Эти специальные военно-политические силы, известные как «заградительные отряды», пользовались самой сильной ненавистью среди населения, называвшего их отрядами «разбойников» из-за их безответственных грабежей, невероятной развращённости и жестокости. Они были ликвидированы с введением «новой экономической политики» (Примечание в первом издании).

[16] Итальянская экспедиция Умберто Нобиле отправилась в 1928 году на Северный полюс на дирижабле, но потерпела катастрофу. Знаменитый полярный исследователь Руал Амундсен отправился на спасение группы Нобиле; его самолёт разбился, и Амундсен погиб (Примечание переводчика).

[17] «New York World Almanac», 1927 (Примечание А. Беркмана).

[18] Не считая армии, ополчений и флота, а также большого числа людей, работающих на ненужных или вредных профессиях, таких как строительство военных кораблей, производство вооружений и другого воинского снаряжения и т. д. (Примечание А. Беркмана).

[19] Кропоткин П. А. Поля, фабрики и мастерские: Промышленность, соединённая с земледелием, и умственный труд с ручным. Изд. 5-е, доп. М.: Ленанд/URSS, 2014. с. 99.

[20] Имеется в виду режим Чайковского-Милера (Примечание А. Беркмана). Речь идёт о белогвардейском режиме, который действовал в Архангельске в 1918-1920 гг. Под охраной войск Антанты (Примечание переводчика).

[21] Речь идёт об интервенции войск США в Никарагуа (1927—1933) и борьбе с ними повстанцев под командованием А. С. Сандино, которые называли себя «патриотами» (Примечание переводчика).